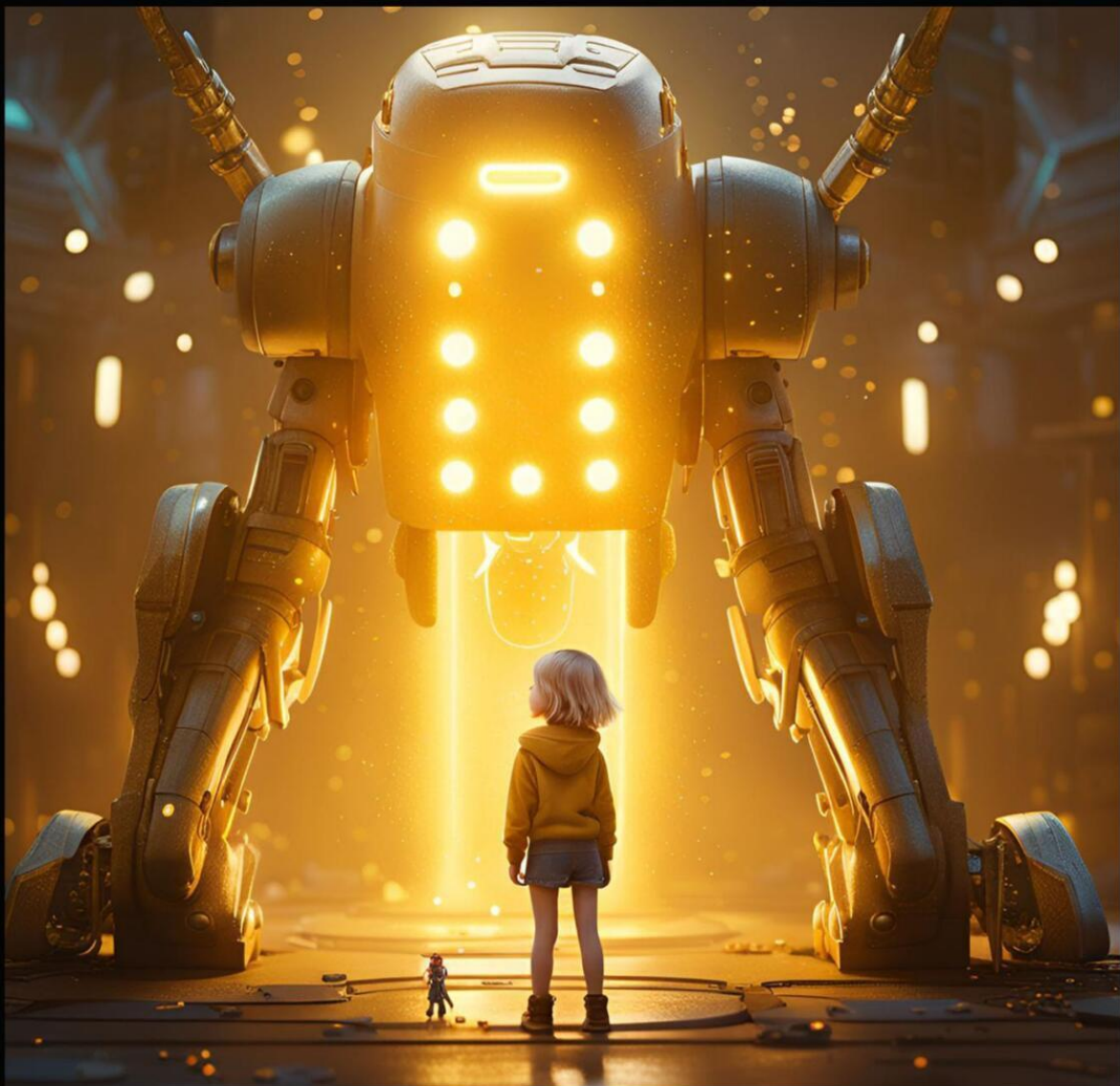

Евгения Орлова

Статус ВЕГА утрачен...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгения Орлова
Статус ВЕГА утрачен...

«Автор»

2023

Орлова Е.

Статус ВЕГА утрачен... / Е. Орлова — «Автор», 2023

Эксперимент... еще один... еще.. и еще... уже давно потеряла счет тому, что человечество сделало с собой в целом и со мной в частности. Правила этой игры под названием жизнь в условиях необходимости сохранения вида, изучены участниками вдоль и поперек. Выполняются на автомате. Мало чем отличается от той же самой программы сцепки с гигантским человекообразным роботом, которого мы, КВИПы, гоняем по тестировочной трассе в поиске поломок. Опытные КВИПы устанавливают соединение с роботом не глядя. Почти так же как люди воспроизводят себе подобных с нужными статусами: Дельта, Гамма, Вега... Их изготавливают уже двести лет и ученые молятся всем богам, чтобы процесс не прекратился. Но вот в отлаженную схему закралась ошибка. И вместо того, чтобы вести праздную жизнь в высшем свете Санта-Чилокки, я бегу по тестировочной трассе, прицепившись к гигантскому роботу, чьи сигналы в моем мозгу звучат пьянящей ужасом фразой: Статус Вега утрачен...

© Орлова Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ГЛАВА 1	6
Сообщение, сохраненное в черновиках и составленное с помощью голосового помощника от 21/08/2574	6
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:10	6
Выдержка из международного устава по квалификационному экзамену на получение должности КВИПа:	11
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:20	11
Выдержка из устава станции технического обслуживания человекообразных роботов №7 города Констанс-Тикку	14
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:30	14
ГЛАВА 2	16
Отрывок пятнадцатой главы учебника новейшей политической географии за седьмой класс	16
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 08:00	16
Вырезка из ежедневной утренней газеты Тикку-Ньюс от 12/03/2570 года	23
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 11:03	23
Отрывок из справочника по городу Санта-Чилокки для бизнес-партнеров в сфере медицины	32
Предместье Констанс-Тикку 12/03/2570 год 12:23	32
ГЛАВА 3	38
Срочные новости на радио «Вспышка» в Констанс-Тикку 12/03/2570 года	38
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 15:00	38
ГЛАВА 4	47
Техническое описание оборудования, используемого КВИПом в работе. Раздел: Калибровочная пластинка	47
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 19:45	47
Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней.	52
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 21:07	52
Отрывок шпаргалки Паприки Йа-Йа о технических возможностях ГНОМов по обеспечению безопасности работы КВИПа на высоте.	60
Констанс-Тикку 12/03/2570 год 22:51	60
Словарь терминов используемых при установлении связи между КВИПом и человекообразным роботом.	63
Констанс-Тикку утра 13/03/2570 год 06:12	63
ГЛАВА 5	68
Вырезка из ежедневной утренней газеты Тикку-Ньюс от 15/03/2570 года	68
Констанс-Тикку 16/03/2570 год 10:20	68
Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней.	73
Констанс-Тикку 16/03/2570 год 11:30	73
Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней.	81
Констанс-Тикку 16/03/2570 год 14:07	81

Отрывок из дневника игрушки Дома Рихтера по кличке Падший, спрятанный за дощечкой пола одной из комнат отдыха для персонала	84
Констанс-Тикку 16/03/2570 год 14:35	84
Срочные новости на радио «Вспышка» в Лупи-Нуар 16/03/2570 года	89
Констанс-Тикку 16/03/2570 год 15:00	89
ГЛАВА 6	94
Сообщение, сохраненное в черновиках и составленное с помощью голосового помощника от 20/03/2570	94
Констанс-Тикку 20/03/2570 год 09:30	94
SMS переписка между Бо и Йоси Сурама от 20/03/2570	98
Констанс-Тикку 20/03/2570 год 11:00	98
Энциклопедия правил поведения для самых маленьких девочек со статусом Вега	101
Констанс-Тикку 20/03/2570 год 15:15	101
Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней.	103
Констанс-Тикку 20/03/2570 год 19:12	103
SMS переписка между Бо и Йоси Сурама от 20/03/2570	110
Констанс-Тикку 20/03/2570 год 19:42	110
ГЛАВА 7	113
Заключение исследования, проводимого институтом по изучению и созданию представителей статусов Гамма, Вега и Дельта города Санта-Чилокки за 2516 год.	113
Констанс-Тикку 21/03/2570 год 10:00	113
Официальное приглашение на первый весенний бал в честь начавшейся ярмарки невест	117
Констанс-Тикку 21/03/2570 год 20:05	117
Список дел Агнетты Зойтан на 21.03.2570, спрятанный между страниц ежедневника на ее письменном столе	120
Констанс-Тикку 21/03/2570 год 20:25	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Евгения Орлова

Статус ВЕГА утрачен...

ГЛАВА 1

Сообщение, сохраненное в черновиках и составленное с помощью голосового помощника от 21/08/2574

Знаешь, отец, когда мне было совсем мало лет... Пять, наверное... Я сидел в саду под кустом ядовитых синих ягод и слушал твой совет какому-то дальнему молодому родственнику, который спрашивал тебя: «Как понять, что ты действительно любишь женщину, а не просто хочешь ее?» Ты тогда сказал очень странную для меня вещь, что если любишь, то тебе будет приятно делать для нее совершенно глупые вещи, которые по большому счету не имеют никакого значения.

Почти всю мою жизнь я думал, что или ты что-то напутал с этим советом, или я неправильно понял тебя в силу возраста. Но сегодня... Сейчас... Глядя как нелепо потягивается в кровати моя женщина, учуявшая мое появление рядом словно дикий настороженный зверь... Господи, как неловко она выворачивает, не открывая глаз, шею и почему-то вытягивает ногу к потолку, растопырив пальцы на ступне во все стороны... Все, на что хватило меня, кроме желания спрятать ее себе под кожу, – это потянуться за дурацким блюдцем, на которое она перед сном складывает свои дешманские нелепые кольца, просто потому, что я точно знаю: первое, что она сделает, открыв глаза, – нацепит их на пальцы, а уж потом начнет ускользать в ванную, чтобы не целовать меня несвежим дыханием. Хотя мне вот реально все равно: чистила она зубы прошлым вечером перед сном или тридцать секунд назад. И от того, как она улыбнулась, едва разлепив веки, я всеми поселившимися во мне пузырями прочувствовал, о чем ты тогда говорил... Черт возьми, отец, ты одной простой фразой хакнул главный прикол этой жизни. И теперь мне остается только наслаждаться. А ведь еще четыре года назад это все казалось совершенно нереальным...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:10
Пультовая станции техобслуживания
человекообразных роботов №7
Кристиан

Для того, чтобы стать Кибернетическим Водителем Интерактивного Продукта или, проще говоря, КВИПом, необходимо запомнить три простых правила.

Первое: несмотря на то, что искусственный позвоночник, поверх уже существующего и прекрасно функционирующего, вживляют тебе, твоей марионеткой становится гигантский человекообразный робот, высотой метров двадцать, а то и все двадцать пять.

Второе: на данный момент существует пятнадцать видов гигантских роботов, работающих в самых разных условиях на потенциально опасных для человека объектах: под землей, в горах, под водой, на сверхсложных производствах. Ну и так по мелочи, куда резко поредешее за последние триста лет человечество больше не рискует отправлять свои в прямом смысле драгоценные тела. Так вот управляемые КВИПами механизмы беспрекословно подчиняются водителю на станции диагностики и ремонта, а также в процессе переходов на объект работы.

И автоматически подцепляются к программе, оказавшись в нужной точке, для выполнения необходимого объема заданий.

Третье: несмотря на то, что робот связан с тобой дополнительными, искусственно выращенными в твоём организме нервными системами и способен видеть мир не только через свои анализаторы, заменяющие ему зрение, но и твоими глазами, его искусственный интеллект не способен воспринимать человеческие эмоции и отвечать тем же. Робот души не имеет, а вложенный в его память стандартный набор шуток и мудрых фраз, звучащий электронным голосом, призван наладить контакт с КВИПом и облегчить совместный труд.

Во-о-о-от... Пока ты учишься на КВИПа, эти правила невольно заучиваются как молитва. Пройдя международный отбор (примерно тысяча человек на место, в шесть этапов, остается только один) и поистине незабываемый процесс вживления второго позвончика и дополнительных нервных систем, ты приходишь работать на станцию в качестве ученика. Месяца три тебя учат на уже оседланных КВИПами роботах самых разных видов: ГНОМах (задействованный в основном в подземных работах, но и тяжеловозы они отменные), ЭльФах (их сфера – высота, электричество, строительство), ПАУКах (хоть и не обладают человекообразной формой, но очень востребованы, так как их используют на вредных производствах и в ремонтных работах), ну и на всех остальных, кто обслуживается на станции, к которой ты будешь прикреплен. За это время, согласно имеющимся у тебя физическим возможностям, выносливости и реакции под тебя изготавливается твой собственный робот.

Так вот, когда его в первый раз подцепят к твоей дополнительной нервной системе и искусственному позвончику, и ты ощутишь наладившуюся связь, то мгновенно осознаешь, что все эти три правила – просто полнейшая чушь и шизоидный бред офисного планктона, ни разу в жизни не видевшего человекообразного робота вживую!!!

– Кристиан, ты кофе будешь? – отчаянно зевающий Софьян по-детски трет глаза длиннопалым кулаком.

– Нет, спасибо, – отрицательно веду носом, откидываясь в кресле перед пультом управления трассой с препятствиями, по которой мы гоняем своих подопечных, проверяя их после каждой смены на необходимость ремонта и отклик на задаваемое нами движение. Невольно наблюдаю, как он опасно прогибается в спине своим мощно накаченным телом. Его «рукав» (вживленный в предплечье микрокомпьютер) – еще одна отличительная черта КВИПов – предупреждающе попискивает, но Софьян машинально щелкает кнопкой сброса и продолжает потягиваться с откровенно кошачьей грацией, – еще одна чашка и этот всезнающий ящик Пандоры, пошлет нашему врачу предупреждение, что вместо крови во мне пульсирует чистый кофеин.

Невольно трясусь своим «рукавом», демонстрируя мерцающую синим лампочку на краю дисплея.

– Чертовы датчики состояния здоровья... – он тихо бурчит себе под нос, – не знаю, как тебя, но меня они порой просто бесят. Представляешь, на днях им не понравилась наша с Бусинкой попытка продолжить мою фамилию. А так как я не среагировал на предупреждающий сигнал достаточно быстро, то пошел автоматический дозвон нашему дежурному врачу Уиллу!!!

Прыскаю от смеха в кулак, стараясь не хохотать в полный голос. В десяти метрах от меня на третьем этаже многоярусной кровати спит изможденный Бо. Я вижу, как его тонкая длинная рука свесилась с кровати между прутьями небольшого бортика и чуть покачивается в такт медленного глубокого дыхания.

– Ничего смешного, между прочим... – друг удрученно качает головой, поджимая и без того тонкие губы, – как мне ему теперь в глаза смотреть вообще?

– Молча... – тяжело вздыхаю, пытаюсь размять шею, растирая ее руками, – думаю Уилл за двадцать лет работы с КВИПами и не такое видел. Но я бы тоже со стыда сгорел, наверно...

– А, ну тебя... – Софьян добродушно морщит лисий островатый нос и мечтательно вытягивает ноги в соседнем кресле.

– Главное, чтобы ваши с Бусинкой старания имели бы задуманный успех. Думаю, за это Уилл тебе простит все что угодно... – добродушно пихаю его в плечо кулаком.

– Спасибо... – он говорит это так искренне, что мне становится неудобно. На станции невольно все про всех знают в таких подробностях, что порой не придумаешь куда глаза прятать... Но становясь КВИПом, ты обретаешь очень большую разношерстную и крайне необычную семью тебе подобных без каких-либо секретов. По началу это очень смущает... А потом границы стираются, и ваш коллективный разум делает все одновременно: радуется за одних, печалится за других и волнуется за третьих.

Невольно обвожу ленивым взглядом помещение, в котором мы находимся. Оно пропахло машинным маслом и сваркой, но за последние полтора года стало роднее, чем дом моего отца, в котором я прожил почти двадцать три года. По идее это помещение строилось как пультовая, из которой осуществляется управление системами полигона. Но работающие на нашей станции КВИПы переделали просторный зал, совместив его с комнатой отдыха. Сделано это было из практических соображений.

Во-первых, это позволяет работникам станции всегда держать руку на пульсе происходящего и не носиться по всему немаленькому зданию в поисках узкопрофильного спеца, который ушел отдыхать, а тебе он срочно нужен на полигоне, потому что у твоего подопечного барахлит электроника или треснул корпус в труднодоступном месте, и нужна ювелирная сварка.

Во-вторых, вентиляция и шумоизоляция в пультовой оказались в разы лучше, чем в специально оборудованной комнате отдыха.

В-третьих, у нас просто нет сил идти до кровати дальше, чем на двести метров от рабочей площадки. За сутки станция обслуживает от десяти до двадцати пяти роботов. Каждого из которых необходимо почистить, смазать суставы спецмаслом, перезарядить и прогнать через три полосы препятствий, позволяющих выявить проблемы движения, координации, импульсной проходимости и других характеристик, влияющих на работоспособность всех механизмов. Причем эти иезуитские дороги, сделанные в лучших традициях морских пехотинцев, робот проходит не один, а в сцепке с КВИПом, который прыгает, бежит, ползет и карабкается по точной копии полосы препятствий соответствующего для себя размера. На этой стадии проверки можно на своем теле почувствовать, что работа что-то беспокоит или не дает работать в полную силу. Спрашивается: зачем это нужно, если есть электронные методы диагностики? Да, есть. Но когда перед тобой машина высотой с пятиэтажный дом, эффективность их резко снижается. Уже произошедшую поломку компьютер, конечно, выявит за несколько секунд. А вот умеющий слышать свое тело и считывать информацию с дополнительных нервных систем КВИП способен отловить любые неполадки в начальных стадиях и сэкономить владельцу робота миллионы, а то и миллиарды на капитальном ремонте. Поэтому смена КВИПа длится двое-трое суток и обычно расписана от и до.

Приходя на работу, ты превращаешься в сумасшедшую белку, которая то помогает кому-то мыть робота и смазывать его маслом, то осуществляет мелкий (или довольно масштабный) ремонт, то бежит со своим перезарядившимся роботом по диагностической полосе препятствий, то уворачивается от разъяренного Уилла, которому твой «рукав» послал сообщение, что ты должен был обедать три часа назад, но забыл. А еще у тебя явный недобор сна, и система говорит о том, что ты вот-вот свалишься в обморок. Уилл пришел тебя убивать судочком с полезной витаминной кашей и мясным супом. Но, видя твои блестящие глаза очумевшей совы и трясущиеся руки, которыми ты собираешь пазл из очередной покореженной и порванной детали, обреченно обзывает всех КВИПов шизиками и строим выводит всю смену обедать в ближайшее кафе. Там нас уже все знают и даже не пугаются наших специфических ароматов и перепачканной одежды. Ты вроде даже выдыхаешь, запихиваешь ложку с чем-то потрясающе

вкусным в рот... И тут начинают пищать сообщениями «рукава» и срочно требовать возвращения на станцию...

Настырный писк со стороны кровати заставляет меня развернуться к завозившемуся сквозь сон Бо. Снежно белые длинные волосы падают на его припухшее со сна и без того узкоглазое лицо. Проходящий мимо его лежанки Софьян встает на подъемную платформу и жмет ступней на педаль два раза. Та с тихим лязгом поднимает его до второго яруса. Софьян легко ловит вялую сонную руку Бо, который пытается разглядеть сообщение на «рукаве», не просыпаясь, и отключает звуковой сигнал. Мельком проглядев автора сообщения, он активизирует голосовую почту на своем вживленном компьютере.

– Йоси, он спит. Он за десять часов четырех ЭЛЬФов сделал. Отстань от него, – он говорит это довольно тихо, машинально поправляя Бо подушку и подпихивая ему, выскользнувшую плюшевую черепашку, с которой тот часто спит в обнимку.

И я невольно ловлю себя на мысли, что этому тридцатидвухлетнему мужчине действительно очень нужен продолжатель фамилии. Ему куда-то нужно девать всю ту заботу, что он проливает на окружающих.

Платформа мягко опускается вниз. Софьян шумно отхлебывает кофе и устраивается в соседнем со мной кресле.

– Что Йоси хотел? – вяло интересуюсь я, прикидывая, что старший из трех погодок Сурама, работающий у нас же в программном отделе вместе с самым младшим из них братом Дэни, мог написать среднему – Бо – в семь утра.

– Без понятия. Я иероглифы не читаю...

– Понятно...

Дверь, ведущая в другие служебные помещения станции, картинно распахивается, и в комнату отдыха размашисто входит тощий, как богомол, Йоси, который своими огромными вытянутыми черными глазами напоминает довольно агрессивно настроенное НЛО.

– Сам отстань, – низким голосом рявкает старший Сурама, ловко карабкаясь по приставной лестнице на третью полку к брату, – шкаф лисомордый... тебя еще не спросил...

– И тебе доброе утро... – фыркаю я, поворачиваясь к пульту, чтобы проверить датчики заряжающихся на базах четырех ЭЛЬФов и двух ГНОМов.

– Вам там, кстати, вечерняя почта пришла... – Йоси пристраивает свои ботинки на специальный крючок и заползает под бок к брату, облепляя его руками и ногами, как осьминог, и устраивая точеное лицо у того на лопатке.

– А чего не захватил? – тоскливо тяну, понимая, что еще не отдохнул от мытья и обработки маслом ГНОМа по кличке Глория, чей основной КВИП сегодня выходной. Но за вечерней почтой идти необходимо. Я жду письмо с решением о финансировании замены коленного сустава моему ГНОМу по имени Мэй. Но для этого необходимо встать с кресла... – ты же шел мимо почтового отдела...

– Сам дойдешь, не переломишься... – ровным голосом басит Йоси и задергивает штору, отделяя его с братом от остальной комнаты...

– Вот же скотский характер у человека... – вздыхает Софьян, – мне сходить? Или сам пойдешь?

– Сам... – нагибаюсь, чтобы застегнуть на ногах магнитные почти трехкилограммовые ботинки, позволяющие нам передвигаться по, хоть и усовершенствованным, но все же железным корпусам роботов своим ходом, – я если сейчас шевелиться не начну, то усну до завтра... А у меня сегодня Падма сдает экзамен на КВИПа. Да и потом мы с ней должны пойти на вечер встречи выпускников сегодня вечером.

– То есть мало того, что вы пара, так вы еще и одноклассники?

– Типа того... – с трудом выпрямляю ноги. Похоже есть смысл часа два полежать в рекреационной камере, пока выдался период затишья. Иначе до начала вечера я не дотяну. А если

Падма сегодня все же вытянет свой «счастливый билет на работу мечты, который я у нее перехватил из-под носа два года назад», то от меня потребуется не просто висеть на ней улыбающимся стеклянными глазами пугалом, а еще и искренне поздравлять ее на тему того, что бог трицу любит. И что ей наконец-то все удалось. – Только в школе мы не дружили...

Выдержка из международного устава по квалификационному экзамену на получение должности КВИПа:

...Каждый выпускник, сдавший государственный выпускной экзамен по направлениям:
Программирование человекообразных роботов;
Программирование и адаптация микрокомпьютеров КВИПов;
Робототехника;
Инженерное направление в сфере человекообразных роботов
имеет право на сдачу квалификационного экзамена, позволяющего получить разрешение на вживление дополнительного позвоночника, калибровочной пластики для дальнейшего получения статуса КВИПа и работы непосредственно с роботом. Всего дается три попытки с периодичностью раз в год. Квалификационный экзамен проходит по всему миру в одно время. Заявка подается не позднее, чем за два месяца до непосредственной даты экзамена...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:20 Пультовая станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Вид сверху

Как только за Кристианом закрывается дверь, Софьян лениво прикрывает глаза, не выпуская кружку с кофе из рук. Но из-за задернутой шторы раздается настолько саркастичное фырканье Йоси, что КВИП вздрагивает всем телом, едва не проливая на себя кипяток.

– Тьфу ты... – он раздраженно ставит кружку на подставку возле пульта, и, поднявшись на ноги, пружинно идет к кофеварке, – вылезай, оттуда, мрачный хмырь... Налю тебе вкусного... Авось перекипишь... Бо все равно спит, как убитый, пожаловаться ему на весь белый свет у тебя не выйдет. А ты уже от своего яда просто по швам трещишь.

– Делать тебе больше нечего... – голос Йоси неуверенно приподнимается, давая понять, что хоть его радует предложение друга, но так просто сдавать позиции капризного агрессора он не собирается.

– Дело твое, – Софьян, наполняет еще одну чашку, невольно улыбаясь нарочито тихим шевелениям со стороны полки, на которой лежали братья, – я бы тебя выслушал, но раз ты...

Договорить он не успевает. Йоси, приоткрыв штору, легко спрыгивает на пол с довольно приличной высоты и отбирает у него чашку. Тщательно принюхавшись к напитку и сделав крохотный глоток, он наконец-то с размаху садится на стоящий тут же продавленный диван из бордовой скрипящей, а кое-где даже потрескавшейся кожи и раздраженно скрещивает хрупкие руки на груди, предварительно водрузив чашку на чайный столик остывать.

– Ну? – невольно поторопил его Софьян, наблюдая как Йоси демонстративно разглядывает свои ногти и недовольно встряхивает угольной челкой, как нервный племенной жеребец.

– Да я просто понять не могу, почему эта дурная третий год лезет на рожон и никак не поймет очевидного, – вдруг выплевывает старший из погодок, по-боевому выдвинув нижнюю челюсть вперед. Со стороны это выглядит, как если бы глазастый инопланетянин решил изобразить оскорбленного хомячка. Но Софьян, давно привыкший к этой забавной, совершенно внутренне непохожей троице родных братьев, легко ловит свою улыбку на подлете, не давая той возможности выпрыгнуть на лицо.

– Ты про Падму? – КВИП делает заинтересованное лицо, сцепляя пальцы в замок, – насколько я помню, она работает в вашем отделе.

– Ага... работает она, как же... – программист кривит будто подрисованные губы в жалобной усмешке, полной чистого презрения, – девяносто процентов времени она лезет в чужие дела и разговоры со своими бесконечными нотациями и цитатами правил, которые, видите ли, мы все пытаемся нарушить...

– Ну вполне вероятно, что она пытается зарекомендовать себя как грамотный специалист... – Софьян примиряюще пожимает плечами, ныряя носом в свою чашку.

Йоси вдруг устало вздыхает и его низкий тембр перестает скакать резкими звуками, перетекая в плавный и глубокий перелив холодной реки.

– Хороший специалист, если видит, что не получается что-то, ищет выход, а не сидит за баррикадой из правил, бодро вещая, что все равно ничего не выйдет, а значит весь проект изначально дерьмовый...

– Здесь я с тобой соглашусь... – Софьян задумчиво кивает, – а понять-то она, по-твоему, что должна?

– Да не выберут ее, – Йоси откидывает голову на спинку дивана, – даже если она окажется самой лучшей по тестам, а она будет, потому что знания у нее, как у ходячей энциклопедии, Кибернетическим Водителем Интерактивных Продуктов ей не стать однозначно...

– Ты знаешь, я разрываюсь сейчас между желанием спросить две вещи, – фыркает явно пораженный КВИП, наклоняясь вперед. – Первое: когда ты вдруг перестал ненавидеть женщин? И второе: с чего ты взял, что и в этом году ей не улыбнется удача?

Йоси удивленно кашляет, откровенно выпучив на друга темные влажные глаза.

– У тебя какие-то неправильные представления обо мне... С чего ты взял, что я вообще женоненавистник?

– А это не только я. Так вся станция считает с первого дня твоей работы тут, – Софьян улыбается его замешательству, – ты вспомни, как ты на девушек вечно кидаешься и сколько ушатов грязи на пустом месте выливаешь...

На некоторое время программист озадаченно замолкает, видимо вспоминая подробности своего общения с коллегами...

– Ладно тебе, не грузись, – КВИП легко машет рукой, – здесь все к твоим завихрениям давно привыкли... Что скажешь по второму вопросу?

– В плане этой специализации я считаю, что удача ей не улыбнется никогда. Даже если заявка придет из других городов или колоний.

– Почему?

– Знаешь... – Йоси вдруг поджимает колени к груди и обхватывает их руками, – когда я вместе с братьями еще только поступал в институт, где готовят работников станции обслуживания роботов, я был стопроцентно уверен в нескольких вещах. Первое: я КВИПом не буду, я совершенно не командный игрок. А здесь у вас с такими данными делать нечего. Вы все как стебли выюна. По отдельности – ни о чем, но оплетая дерево всем скопом, душите его. В одиночку обслуживать робота нереально. И комментарии по поводу своей работы приемлю только от Дэни и Бо. Просто в силу того, что от них я готов воспринимать даже то, что Земля плоская, и триста лет назад не было этого чертового Экспериментального Медицинского Прорыва, (который, по большому счету, стал самым сокрушительным провалом в истории) в результате которого треть человечества выкосило сразу от новых неизвестных инфекций, еще четверть от оставшихся ушла в небытие в течение первых пятидесяти лет после. И спустя еще двести пятьдесят лет выжившие ошметки человечества зациклены на постоянных поисках вакцин от новых суперинфекций, которые появляются с периодичностью раз в три-четыре месяца.

– Давай не будем о грустном... – Софьян морщит лисий нос, а светло-карие глаза его будто затягиваются душным туманом.

– Прости, не хотел давить на больную мозоль, – Йоси примирительно поднимает руки, – так, вот... Второе: лучшим КВИПом из нас должен был стать Дэни. Ибо, несмотря на свои некоторые особенности: далеко не дурак, может работать руками, да и по характеру человек неплохой – вещь в себе. Хоть с виду весь из себя белый и пушистый, аж смотреть порой противно. Но зато целеустремленный до жути и не боится нестандартных путей решения задач. И третье: Бо, как молчун, вечный отличник и трудоголик, скорее всего, будет специализироваться на чем-то очень эксклюзивном, типа изобретения новых моделей «рукавов», что приведет его к славе, которую он не станет ценить. Я это все к чему... Как ты видишь, не промахнулся я только на свой счет. Дэни неожиданно для меня сказал, что эксперименты с техникой ему интересней, чем налаживание отношений с роботом и его программами. А Бо стал водить ЭЛЬФов.

– Ты не можешь немного сократить свое повествование, а то я начинаю терять суть? – Софьян отставляет остывший кофе.

– Я как раз к сути подошел. Падма, как я уже сказал, это ходячий справочник правил, данных и прочей информации, которую совершенно необязательно хранить в голове КВИПу, у которого в «рукаве» всегда есть полная база необходимых данных. Она с ними носитя, как гордая индюшка. Но искусственный интеллект, который используется вами как помощник, ей не обогнать. Потом, давай будем откровенны, в вашей с Бо смене постоянно работают три девушки: Паприка, специализирующаяся на ПАУКах, и Тэми со Стефанией, водящие ГНОМов. И ни одна из них конкретно в сфере ремонта звезд с неба не хватает.

– Вот это ты зря, – Софьян качает головой, – Паприка водит не человекообразных роботов. И чтоб ты понимал, это адски сложно. Мы все тут пробовали и не раз заставить ПАУКа хоть несколько шагов сделать. И не вышло. А они у нее носятся с бешеной скоростью, при этом выполняя все заложенные функции и выдавая прекрасный результат. Стефания прекрасно седлает любого человекообразного робота и может адаптировать параметры подключений для других. За исключением разве что Мэтта, подопечного Тэми. Но с Мэттом даже на заводе-изготовителе почему-то справиться не могли. А Тэми, не крючь рожу кислую, диагност очень высокого уровня. Такой чувствительности к неполадкам, кроме нее, я видел всего у двух человек. Это при том, что я уже работаю десять лет и сотрудничал с КВИПами с других станций и стран...

– Не говори мне о ней, и я не буду крючиться... – Йоси поджимает губы и снова скрещивает руки на груди, – эта шмакодявка заторможенная вызывает желание запустить ей в голову справочником уголовного кодекса...

– Я буду это считать твоим проявлением заботы о ней...

– И это будет верно. Так вот... Я искренне не понимаю, зачем Падма так рвется в водители. По большому счету, если откинуть ее нудеж, она образованная, самодостаточная, сформировавшаяся личность, которая не нуждается в постоянной связи с большим управляемым роботом. Она с ним, как вы, сюсюкать не станет просто потому, что в правилах не сказано, что это делать можно или нужно. И помогать вам мыть или чинить ваших подопечных для нее не вариант. Не с ее уровнем образованности и уверенности в своей правоте.

– Как интересно... То есть по твоим словам получается, что КВИПом она не станет только потому, что она уже превзошла нас?

– Ну да... – Йоси широко улыбается, и в его аккуратных, будто нанизанных на невидимую нитку зубах, оживает что-то хищное. – Какая захватывающая вещь – интеллект. С его помощью ты можешь покорить мир. Но если ты не видишь правильного способа его применения, то дорога тебе в стадо неприкаянных несчастных дураков, из которого почти никто никогда не возвращается...

Выдержка из устава станции технического обслуживания человекообразных роботов №7 города Констанс-Тикку

... За каждым КВИПом, в зависимости от сданного им уровня допуска к работе, может быть закреплено от одного до пяти человекообразных роботов.

Первый уровень предполагает вождение и полноценное обслуживание одного робота.

Второй уровень позволяет вождение и последующее обслуживание от двух до трех роботов в состоянии сцепки одной расы.

Третий уровень дает право увеличить количество подопечных до пяти также единой расы.

Четвертый уровень – он же межрасовый – дает право на одновременное вождение двух человекообразных роботов разных рас. С учетом технических возможностей станции обслуживания человекообразных роботов №7 дается разрешение на одновременное вождение в сцепке ГНОМа и ЭльФа...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 07:30 Пультовая станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Софьян

Вздыхаю и качаю головой. Йоси напоминает мне главного хулигана приюта «Лойден», в котором я вырос. Того мелкого засранца звали Анхел. Чудил он так, что даже умудренные тридцатилетним опытом воспитатели от него стонали в голос. Общаться с ним было невозможно. Девчонки начинали реветь при одном его появлении в местах общего пользования. Мне было пять, когда я услышал, как моя нынешняя жена Бусинка, произнесла избитую фразу «Собака лает, а караван идет».

Собственно, с этой фразой я повторно столкнулся, когда на работу к нам устроились погодки Сурама. И стремительно краснеющий Бо представил нам будто слегка зашуганного Дэни и надменно фыркающего Йоси.

Наблюдаю, как Йос медленно глотает кофе, мечтательно прикрыв живую тьму глаз... Несмотря на хамоватость и откровенное презрение ко всему живому, за исключением членов своей семьи, в его голове вертятся довольно небанальные мысли. Мне даже порой кажется, что я бы хотел с ним дружить. Но по-моему, Йоси просто не знает, что это...

Бросаю взгляд на «рукав». Семь тридцать семь, до конца моей смены осталось три часа. Из них два мой ГНОМ Джейсон будет заряжаться, и еще час понадобится, чтобы провести его по специальной обходной дороге в черте города до места его работы в шахте. А уж оттуда я сяду на автобус до дома. Бусинка сегодня тоже выходная. Обещала напечь блинчиков и купить лимонный джем. От этой мысли у меня улыбается душа и теплеют пальцы.

Стоящий на зарядке справа от пультовой, Джейсон, чувствуя мое настроение через изменение электроволновых сигналов мозга, издает короткую вопросительную полифоническую трель. Щелкаю тумблером на «рукаве», подключая полную синхронизацию его программы с вживленной у меня дополнительной нервной системой, настроенной на его волну. Вижу, как ГНОМ чуть приспускает полупрозрачные защитные забрала на визуальные анализаторы, присоединяясь ко мне и читая новые импульсы. И по тому насколько мягче стал свет его синих электронных глаз, я понимаю, что мои эмоции ему нравятся.

А потом, вечером, мы с женой пойдем гулять на набережную... Пить легкое вино и слушать волны. Привычно ловить удивленные взгляды прохожих...

Дверь в пультовую открывается как-то неуверенно. Кристиан входит с настолько озадаченным и расстроенным видом, что даже Йоси удивленно вскидывает темные густые брови.

– Ты чего? – Сурама отставляет чашку на столик и в последний момент явно передумывает подниматься навстречу парню.

– Они отказали! – Кристиан трясет в воздухе серым листом бумаги, который до этого наверняка лежал в конверте. – Представляете?

– Как это? – я аж выныриваю из мечтаний о романтическом вечере и невольно встряхиваю головой.

Кристиан эмоционально взмахивает руками, рисуя в воздухе какие-то откровенно возмущенные знаки. При этом его темно-зеленые глаза становятся почти черными от злости.

– А вот так!!! – он с размаху падает в кресло, скрипнув колесиками по рифленому железному полу, – цитирую: «Согласно предоставленной вами информации о техническом состоянии ГНОМа Гризельда (самовольно переименованного в Мэй, без согласования данного действия в соответствующей инстанции), мы сочли запрашиваемые вами ресурсы для осуществления текущего ремонта преувеличенными. Поэтому в финансировании операции по полной замене коленного сустава у ГНОМа Гризельда вам отказано. Надлежащий ремонт вполне возможно провести своими силами!!!

Повисает тишина, в которой явно слышится одна мысль, которая возникла у всех, кто на данный момент присутствует в комнате. И она четко укладывается в одно слово ДЕБИЛЫ...

– Я два месяца добивался встречи с владельцем Мэй. Этим, прости господи, лордом Киросса. Два!!! – Кристиан чуть не скрипит зубами с досады, – и все чего я добился – это разговора с его тупоголовым помощником, который смотрел на меня, как на говно собачье. А я перед ним три чертовых часа распинался со всеми графиками, выкладками, анализами и расчетами, почему ремонт бесполезно делать самостоятельно. Нет, я могу этот сустав перебрать, усилить и проварить на совесть... Но проблема-то остается в некачественном составе материала на уровне химии. Он через год рассыплется в пыль. Да и из-за постоянных дефектов в коленном суставе Мэй просто начнет клинить в процессе работы и перекашивать. И в результате через тот же год останется просто груда металлолома, на ремонт которого уйдет в десять раз больше. И вот когда я все это ему разжевал и запихнул в глотку, мне приходит отказ. Причем в такой форме, как будто я умственно отсталый и прошу на три грошика мне небоскреб жвачки подарить!!!

– Ну что сказать... – озадаченно потираю шею, стараясь подобрать слова, чтобы более или менее адекватно выразить свое возмущение, – мозги у них в головах явно не ночевали...

– Да это-то понятно... – раздраженно отмахивается Кристиан закусывая нижнюю губу... – вопрос в том, что теперь делать?

– Тэми звонить, конечно... – фыркает Йоси, большим глотком допивая свой кофе, – а что вы на меня смотрите, как биологи на стегозавра? Вы забыли что ли, с кем именно она состоит в браке. В очень удачном, по ее словам...

На этом моменте мы хором закатываем глаза. Тэми жена самого богатого человека города... Но глядя на периодические последствия этого союза, я вспоминаю очередную поговорку моей Бусинки о том, что не в деньгах счастье...

ГЛАВА 2

Отрывок пятнадцатой главы учебника новейшей политической географии за седьмой класс

...Начиная с 2562 года город Констанс-Тикку начал оспаривать первенство по уровню жизни и доходу на душу населения закрытого города Санта-Чилокки, который до этого удерживал лидирующие позиции почти 200 лет. Во многом этот прорыв обеспечен резким повышением качества изготавливаемых вакцин холдингом «Медикс-Ирта», которому принадлежит восемьдесят процентов данного рынка. Из-за снижения побочных эффектов и увеличения защитных свойств данных вакцин в Констанс-Тикку последние девять лет фиксируются наиболее низкие показатели заболеваемости во время периодических пандемий, при том, что вспышки новых суперинфекций фиксируются приблизительно каждые три месяца. Это закономерно привело к улучшению благосостояния населения и делает Констанс-Тикку одним из самых привлекательных городов для проживания в современном мире.

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 08:00

**Дом семьи Ирта
Экономка Этна**

Некоторые рождаются для большой сцены, другие – для политики, третьи потрясают мир небывалыми достижениями в области науки или строят политическую карьеру. Я же всегда знала, что хочу управлять домашним хозяйством. Причем не своим маленьким захудалым домишком в местечке Мэри-Лу рядом с торговым городом Сэлмон-Вик, а настоящим богатым домом представителей высшего света с большим штатом прислуги, садом и периодическими светскими раутами по субботам и воскресеньям.

Когда мне исполнилось тридцать, меня приняли на службу в дом Ирта. Довольно старый уже доктор Инграм Ирта, владелец крупной фармацевтической фирмы, потерявший полгода назад свою относительно молодую жену Лайлу от нового, тогда еще неизученного, агрессивного штамма кори, искал кого-то кто сможет держать довольно большой дом с явно раздутым штатом прислуги в ежовых рукавицах. Его пятнадцатилетний сын Мартин, откровенно брошенный на гувернеров, педагогов элитной школы и тщательно отобранных отцом правильных и полезных друзей, также требовал внимания.

Хотя, как показала практика, мальчишка нуждался не столько в присмотре и контроле, сколько в человеческой любви и чуть большем количестве папочкиных генов. Там, где доктор Инграм с легкостью проходил за счет дальновидности, хитрости и тщательно выстроенных комбинаций интриг, Мартин неизменно пытался идти напролом с грацией мамонта. Впрочем, ни в коем случае нельзя сказать, что Мартину не хватало или не хватает мозгов. Нет. Великолепный интеллект его позволил сделать отменную карьеру, и в результате даже расширить в несколько раз дело своего отца. Но вот в плане ведения переговоров или поиска друзей, а не партнеров в высшем свете, в котором он вращался, он по-прежнему был профаном. Слишком категоричный, не знающий слова нет, он чувствует себя хозяином жизни, не понимая, что на самом деле львиная доля его теперешнего успеха принадлежит его потрясающе хрупкой жене Тэми, которая моложе его на двадцать лет.

Тэми родом из Санта-Чилокки. И Мартин насмешливо называет ее «второй попыткой». Попасть в Санта-Чилокки на обзорную экскурсию можно только раз в жизни. Я там была

еще школьницей. И меня поразил этот город, будто принесенный на землю с другой планеты. Дворцы цвета слоновой кости, фонтаны, искусственные водоемы с живой рыбой и плантации натуральных продуктов сменяли друг друга ленивым калейдоскопом. Уровень жизни там настолько высок, что даже супер инфекции, что каждые несколько месяцев пытаются отгрызть от оставшегося населения планеты ломоть побольше, не имеют там столь свирепой силы. Ходят слухи, что те, кто там живет, почти поголовно являются продуктами генной инженерии. Но я в это слабо верю. Люди, в конце концов, не племенной скот, и выводить лучшую породу, как у лошадей или собак, – дело долгое и неблагодарное. Однако всем известный факт состоит в том, что переехать в Санта-Чилокки, если ты там не родился, невозможно. Навестись туда в гости помимо экскурсии можно только по личному письменному приглашению коренного жителя. Съездить отдохнуть в отпуск скорее всего тоже не выйдет.

Мартин в Санта-Чилокки, к удивлению многих, был трижды. Первый раз в девятнадцать лет, на экскурсии, второй – через год. Поехал делать предложение девочке, с которой он там познакомился и вел активную переписку. И в принципе, учитывая высокий статус доктора Инграма и успешность фармакологической компании, существующей не первый десяток поколений Ирта, Мартин имел все шансы получить согласие родителей невесты на подобный союз. Конечно, в таком случае их дочь теряла статус жителя Санта-Чилокки, но с другой стороны, и та, и другая семья могли обрести довольно хорошие связи в бизнесе. Однако, через неделю Мартин вернулся домой в одиночестве. Родители Алии сказали, что девушка обручена еще с раннего детства и, несмотря на ее взаимные чувства с мистером Ирта, ее брак будет заключен с выбранным ими кавалером.

Сын доктора Инграма переживал это тяжело и долго, что было неожиданно для его двадцати лет.

Через шестнадцать лет на его имя вдруг пришло приглашение в Санта-Чилокки от некоей Мейссы Харта, которое не на шутку взволновало Мартина. Он выехал уже на следующий день и вернулся только через десять дней, но уже не один.

Я помню, что стояла у окна и наблюдала, как из машины вслед за нехорошо оживленным Мартином, осторожно вышла очень невысокая и тонкая девушка, казавшаяся еще совсем подростком. Темные прямые волосы ее были аккуратно подстрижены до плеч, а простое платье на деревянных пуговицах из голубого льна оказалось чуть великовато. Он что-то сказал ей, и она послушно засеменила вслед за ним, стараясь не смотреть по сторонам.

Горничная, которую я успела позвать, пока Мартин поднимался на крыльцо своего особняка, приняла у него из рук небольшой портфель и поинтересовалась, останется ли его гостя ночевать, и стоит ли готовить ей комнату. На что получила короткий ответ: «Это моя жена. Так что комнату ей подготовьте на первом этаже.»

Я тогда чуть не упала вместе с горничной Эммой. На первом этаже в доме Ирта жила исключительно прислуга. На втором были комнаты для гостей и два бальных зала. Господские комнаты, библиотека и кабинеты располагались на третьем.

Признаться честно, на месте Тэми я бы через какое-то время, разобравшись в ситуации, закатила Мартину скандал и потребовала комнату на третьем этаже, но... Когда через пару недель она сама вызвала меня к себе на чашку чая, я впервые в жизни поняла, что значит выражение: белая кость и голубая кровь.

Первое, что мне бросилось в глаза: она встала с кресла при моем появлении в ее комнате, которая имела выход в сад и вообще отличалась большим количеством воздуха.

– Добрый день, госпожа Этна... – безукоризненные движения ее изящных рук пригласили меня присесть в кресло рядом со столиком, на котором располагался чай и мои любимые пирожные. Это показалось мне странным. Десять минут назад Каролина, кухарка, по секрету нашептала мне, что новая хозяйка сама возилась с чаем и выспрашивала у нее, что я люблю.

Этакая попытка подлизывания вызывала кучу вопросов, но я все же опустилась в кресло напротив нее, невольно поджав губы.

– Я рада, что вы нашли возможным прийти ко мне, – она говорила очень медленно, будто вспоминая каждое слово, и я понимала, что очевидно местный язык пока еще для нее иностранный, – думаю, такой большой дом отнимает у вас много времени и сил.

– Это так, – я подождала, пока она нальет мне чашку чая и подаст ее. По правилам этикета с моей стороны это было невероятное хамство, но не могла отказать себе в удовольствии посмотреть, как эта пигалица будет выкручиваться дальше. Если она не начнет повелевать здешней прислугой в нужном ключе, то хозяйкой дома ей не стать. И помощи мне от нее ждать не придется.

Тэми бегло улыбнулась мне и подвинула поближе тарелку с пирожными. И я вдруг наконец-то разглядела ее лицо. То, что она не из нашего города, читалось с первого взгляда. Белокожая, с узким чуть вытянутым лицом, мягким абрисом прямого аккуратного носа и полными приоткрытыми губами, она будто появилась из предрассветного сна и стала явью. Темно-карие, почти черные большие глаза пытались казаться спокойными, но я чувствовала в их глубине что-то похожее на смятение. Ее молодость и будто приподнявшаяся на цыпочки, зыбкая красота неожиданно натолкнули меня на мысль, что ей нет еще и восемнадцати. Тем временем Тэми достала из небольшой украшенной бисером коробочки сушеный стреловидный листик, сухо чиркнула спичкой и подожгла его, держа над своей еще пустой чашкой. Листок занялся мгновенным голубоватым пламенем и осыпался мелким пеплом на фарфоровое дно, которое Тэми тут же залила заваркой. И меня вдруг передернуло.

Я читала об этом чайном обычае в книге, посвященной истории самых великосветских семейств Санта-Чилокки... Девочек из таких семей с рождения готовили к роли истинных леди. Лучшее образование, языки, игра на музыкальных инструментах, вышколенные манеры, умение всегда держать лицо, даже если на их глазах происходит кровавый ужас и геноцид. Их готовили в соратницы своим мужьям. Они обязаны разбираться в политике, бизнесе и законах. Быть в курсе всех событий и умело лавировать в них во благо своей семьи.

– Деточка, – я перегнулась через стол и осторожно сжала ее тонкую будто фарфоровую руку, – как вы умудрились сюда попасть?

– Мне очень повезло... – она приятно улыбнулась мне, но я ей не поверила, – госпожа Этна, я бы хотела попросить вашей помощи.

– Какой именно? – я наблюдала, как она сделала крошечный глоток чая, явно собираясь с духом.

– Насколько мне известно, вы занимаетесь этим домом много лет. Вы знакомы с моим супругом долгие годы. Я же пока не имела такого удовольствия, но намерена наверстать упущенное.

– Хороший план.

– Благодарю. Так вот я бы хотела, чтобы вы помогли мне стать для мистера Мартина хорошей женой: рассказали о его привычках и о тех кругах, в которых он привык вращаться.

Ее слова подтвердили мои догадки. И я ей помогла.

Впрочем, я ей до сих пор помогаю с удовольствием, как и вся прислуга в этом доме, которая ее просто обожает. Матрину, платящему нам довольно внушительные зарплаты, этого не удалось за все его сорок с гаком лет жизни. Его мы воспринимаем как работодателя. Однако хозяйкой абсолютно все признают только Тэми. И искренне радуются каждому ее приезду домой со станции КВИПов на выходные или в преддверии светских раутов, или любых других событий, требующих ее присутствия.

Вот и двадцать минут назад, когда я на кухне сказала, что Тэми приехала домой с работы в половину второго ночи, но, несмотря на половину восьмого утра, уже встала и отправилась в ванную, среди сонной кухарки и ее клюющих носом поварят поднялся настоящий перепол-

лох. Вместо планируемой для мистера Мартина яичницы с беконом и сливочных рогаликов в срочном порядке замешивался бисквит, резались кусочками фрукты и мариновалась в сложносочиненном кисло-сладком соусе (новейшая разработка Каролины) красная рыба. Мартин все равно еще спит. Он встает не раньше девяти. А я толкаю дверь в комнату Тэми, аккуратно ввозя небольшой столик с завтраком, на котором также стоит кофейник и пара чашек.

Тэми сидит в кресле перед распахнутыми стеклянными дверями в сад и читает книгу. Музыка ветра чуть слышно переливается тонкими звуками. Выбеленные до состояния снега преобразованием в КВИПа, ее волосы собраны в аккуратный низкий хвост, и только пара тонких прядей у самого лица придают ей некой шаловливости. Угольные ресницы ее медленно опускаются и поднимаются в такт дыханию. Сейчас, когда ее губы не тронуты модной здесь клюквенной помадой, она выглядит такой же молодой, как и в первый день нашего знакомства. Хотя прошло уже почти девять лет.

– Доброе утро...

Тэми оборачивается на меня, закладывая пальцем страницу, и на ее теперь кажущемся чуть более смуглом лице проступает радостное удивление.

– Боже, Этна, ты вообще когда-нибудь спишь?

– Тот же вопрос к тебе. Мне уже в силу возраста спать долго не положено...

– Перестань, тебе только шестьдесят. Ты еще молода и прекрасна, – Тэми откладывает книгу на полку и поднимается на ноги. Ее тонкий халат больше походит на невесомое платье с рисунком из коричневых травинки и камышей.

– Я тебе завтрак принесла, – выставляю на стол тарелки с маринованной рыбой, фруктовыми кусочками.

– Открой мне страшную тайну. В этом доме хоть кто-то когда-то отдыхает? – она покошачьи принюхивается к угощениям, не забывая сверлить меня внимательным взглядом.

– В этом доме все давным – давно выучили ваши с Мартином расписания. Вы здесь бываете от силы три дня в неделю, и то неполных, – наливаю нам обеим кофе и усаживаюсь напротив нее, – в остальное время тут никто сверх меры не упахивается.

– Это радует.

Она подцепляет вилкой кусочек рыбы и отправляет его в рот, закатывая глаза от удовольствия.

– О боги... как же вкусно... – шепчет она с набитым ртом, а я невольно усмехаюсь тому восторгу, что появляется на ее лице.

– Такое ощущение, что всю неделю ты ничего не ешь у себя в этом КВИП-центре, – добродушно замечаю я, помешивая ложечкой кофе, стараясь растворить сахар.

Не то чтобы я считала работу для истинной леди чем-то предосудительным, но изначальное решение Мартина апробировать на ней новую технологию проращивания нервных систем КВИПа, мне показалось дикостью. Как, впрочем, и последующее его разрешение ей выйти на полноценную работу кибернетическим водителем интерактивного продукта. По ее словам, она больше физически не могла сидеть дома без какой-либо четко обозначенной цели. Трех лет брака ей с головой хватило. Да и Мартин не сильно жаловал ее своим вниманием, хотя Тэми старалась как могла быть для него не просто красивой куклой, которую можно выводить в свет в качестве элемента интерьера. И все же странное выражение его лица – некрасивая смесь презрительности, брезгливости и чего-то пугающего – которое он ей периодически демонстрировал, ставило в тупик всех, кто это видел.

– На работе мне есть или некогда, или откровенно неприлично на фоне остальных моих коллег баловать себя такими изысками, в то время как они заказывают довольно простой суп или другие блюда, не имеющие никакого отношения к настоящей высокой кухне, – мило улыбается она, кивая на свои тарелки. – Ладно, я так понимаю, что накопился довольно внуши-

тельный список дел, требующий моего участия. Я вполне в состоянии одновременно есть и слушать. Или ты хочешь попить кофе в тишине и покое?

– Ну уж нет, – достаю из специальной поясной сумки перекидной блокнот и открываю на нужной странице, – знаю я эту тишину и покой. Не успеешь доест свой завтрак, как что-то непременно произойдет, и ты куда-то побежишь. Так что слушай. Вчера звонил лорд Зойтан. Промышленник, занимается...

– Металопереработкой, – Тэми на секунду прикрывает глаза, – три крупных предприятия по всему городу, собирается открывать четвертое, его жена состоит в комитете улучшения образования для представителей высшего сословия. Трое детей. Старшенькая у них симпатичная дурочка. А у двоих младших коэффициент интеллекта погранично низкий, но они планируют четвертого... На мой взгляд, затея не очень удачная, но кто знает. Может им повезет... Так что хотел уважаемый лорд Зойтан?

– Его старшей дочери, Агнетте, на днях исполняется восемнадцать лет. А Мартин устраивает традиционный прием первого весеннего бала, на котором соберутся все, кто хоть что-то представляет из себя в высшем обществе.

– Дай угадаю. Зойтан хочет, чтобы его Агнетта открыла ярмарку невест этой весны? И сделала бы это на нашем приеме?

– Мартин сказал, что ничего не имеет против прекрасных юных барышень на его приемах, которые будут искать свое счастье в стенах его дома, – осторожно выдаю эту информацию Тэми, которая от неожиданности перестала жевать и подняла на меня ошарашенные глаза.

– У-кху... – она чуть откидывается на стуле, немного вздергивая точеный подбородок, – а мой супруг точно помнит тот факт, что дом, в котором открывается ярмарка невест обязан предоставлять подобные услуги всем девушкам на выданье в течение предсвадебного сезона? А это, на секундочку, все весенние и летние месяцы, по приему каждую неделю. Итого двадцать четыре бала или же светских раута отнюдь не скромного масштаба.

– Он сказал, что может себе позволить сей маленький каприз. В прошлом году его акции выросли в цене почти в двое, и... Ну ты сама понимаешь... И кстати, не двадцать четыре, а тридцать два приема. С учетом некоторых девушек, которые в том году так и не смогли ни с кем связать свою судьбу.

– Этна, попроси, пожалуйста, от моего имени Дилана, нашего управляющего, предоставить мне полный финансовый расчет предстоящих торжеств. И пояснительную записку с его мнением по данному расходованию средств.

– Не переживай, такие торжества окупаются в полном объеме и даже порой приносят прибыль за счет того, что дом, устраивающий ярмарку, получает процент с приданного невесты и крупный денежный взнос от жениха.

– Я не об этом. Хочется понимать, какими средствами мы располагаем на организацию, и как ими можно распорядиться с наибольшей выгодой для нас. Я, например, хочу закупить новых растений для сада. И некоторые из них стоят довольно дорого, особенно с учетом их доставки.

– Вот кстати насчет сада, – перелистываю страницу блокнота, делая себе небольшую пометку насчет Дилана, – Маркус, наш садовник, просит твоей аудиенции. Ему прислали очередные каталоги садовых культур, и он похоже влюбился в какой-то потрясающе цветущий кустарник и жаждет его тебе показать.

– Отлично. Я сегодня же...

– Нет, ближайшие три дня вы точно не встретитесь, – перебиваю ее, окидывая взглядом остальные пометки-темы, которые хотела бы с ней обсудить. И к своему же удивлению не вижу там ничего серьезного, – он уехал к родственникам.

– Хорошо, – Тэми легко пожимает плечами и, отодвинув от себя пустые тарелки, наливает себе в чашку кофе, – есть что-то еще, кроме дня рождения Марии, о чем я должна помнить или знать непременно сегодня?

– Ох ты, а ведь точно... Я и забыла, что у нашей младшей горничной сегодня праздник... – вот именно такая память на мелочи по сути завоевала любовь всего обслуживающего персонала дома Ирты. – Нет. Разве что, я слышала, что Мартин думает ехать или не ехать в Лупи-Нуар, на четыре дня.

– По работе?

– М-м-м... да вроде нет... Лупи-Нуар курортное место...

Она явно хочет что-то сказать, но ее КВИПовский «рукав» неожиданно оживает видео звонком. Невольно бросаю взгляд на парня, высветившегося на экране, и мне кажется, что я его видела раньше. Его темно-русые, коротко стриженные волосы, длинный нос с тонким кончиком и темно-зеленые глаза складываются в довольно приятную картину, не лишенную некой породистости. Но додумать эту мысль я не успеваю.

– Тэми, привет. Не разбудил?

– Доброе утро, Кристиан. Нет. Я уже давно встала.

– Слу-ушай... мне помощь твоя нужна...

– И почему меня это не удивляет... – вздыхает она с незнакомой для меня улыбкой, и я вдруг думаю, что этот парень скорее всего ее близкий друг. Я ни разу не видела, чтобы она так улыбалась кому-то из гостей дома или даже Мартину.

– Киросса отказал в оплате ремонта Мэй...

– Хм... – Тэми приподнимает темные брови, – а ты с ним лично говорил или с его помощником?

– А то ты сама не знаешь, что все, кто ниже его статуса, к телу не допускаются... – мрачно отвечает он, шмыгая носом.

– М-м-м... понятно, – она забавно морщится, – я заеду за тобой в одиннадцать.

– Хорошо, буду ждать тебя у общежития, – Кристиан озабоченно кивает скорее сам себе.

– До встречи... – Тэми нажимает на отбой.

– Симпатичный мальчик... – машинально произношу я, и вижу на ее лице искреннее непонимание. – Я про этого Кристиана.

– А-а... – она равнодушно пожимает плечами, – он старший сын Адама Прайса от первого брака. Обувной концерн Прайса, может помнишь?

– О дааа... – киваю, вспоминая большие фирменные обувные магазины, в которые так любят бегать молодые девушки, да и парни тоже. Моя племянница там каждый месяц почти треть зарплаты оставляет, – слушай, подожди, а как же он сыну позволил КВИПом стать? Это же жутко авторитарный и деспотичный человек, держащий не только всех своих рабочих за глотку, но и семью.

– Никак. Он ему не позволял. Можно сказать, Кристиан поставил его перед фактом, что прошел отбор, уже когда лежал на операционном столе для вживления второго позвончика и КВИПовского «рукава» непосредственно перед тем, как ему наркоз дали. В общем, когда Адам Прайс через тридцать семь минут ворвался в медцентр КВИПов, было уже поздно. Операция шла полным ходом. Делалась она с полного письменного согласия совершеннолетнего Кристиана. Скандальничать было бесполезно, хоть Адам и пытался. В результате он просто отрекся от сына и теперь делает ставку на второго ребенка. У него в новом браке появилась дочь. Ей сейчас около года, по-моему...

– Как ты все это запоминаешь? Тебя про кого не спроси – про всех всю подноготную выдашь, – наливаю себе следующую чашечку кофе, – и ведь я ни разу не видела, чтобы ты интересовалась сплетнями. Или специально что-то выясняла...

– Если честно, то я не знаю... – Тэми берет ломтик бисквита и предлагает мне тоже угоститься им, – это как-то само собой у меня получается. Но я предпочитаю это считать полезной особенностью. Кстати о пользе. Ты еще не выкинула визитку государственного челюстно-лицевого хирурга, которую я доставала для внучки нашей посудомойки Рины, родившейся с заячьей губой?

– Нет. Она в общей визитнице лежит, – киваю на огромный альбом с визитками формата А4 и толщиной сантиметров в семь, – достать?

– Да, но чуть позже. Сначала я допью этот сказочный кофе и почувствую себя безобразно счастливым человеком.

Вырезка из ежедневной утренней газеты Тикку-Ньюс от 12/03/2570 года

... До сих пор в обществе не утихают споры о правомерности признания полноценными людьми тех, кто добровольно подверг себя технологической трансформации для получения статуса КВИПа, так как подобная операция приводит к тому, что достаточно большой процент от общего веса тела и количества органов человека заменяется имплантатами искусственного происхождения. И уже этот, условно, человек приобретает физические возможности, намного превосходящие среднестатистический уровень наших сограждан. Поэтому правительство вынесло на голосование закон об ограничении процента искусственных имплантатов для сохранения статуса человека для Кибернетических Водителей Интерактивных Продуктов...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 11:03 Площадь Ретлэнд перед общежитием КВИП-центра Кристиан

Выхожу в холл общежития, одновременно одергивая рукава парадной белой рубашки и борясь с отчаянным желанием удавиться галстуком насмерть. Галстук, кстати, у меня в сумке лежит. Руки сегодня меня не слушаются, и завязать его нормально не получилось. Надо будет сейчас Тэми об этом попросить. Я видел как-то, что она его Рону завязывала, еще одному КВИПу из нашей смены, славящемуся просто феноменальной неуклюжестью при прохождении тестировочной трассы. У нас даже есть некое крылатое выражение, которое всегда кричится по громкой связи, когда он гоняет своих Гномов: Плаксу, Балбеску и Забияку. Звучит оно так: «Внимание, Рон на трассе!!!» и вызывает дикий переполох как среди людей, так и среди всего движущегося, что обитает на станции. Обычно в такие моменты то, что в состоянии передвигаться самостоятельно, хватается все, что только попадается на глаза или анализаторы, и оттаскивает от трассы на безопасное расстояние. От греха подальше...

Сквозь стеклянные огромные двери общежития в холл заглядывает утреннее солнце. Сейчас на мощеной бордовым булыжником площади перед этим зданием до неуютного малолюдно и тихо. Вернувшиеся с завершившейся смены КВИПы и другие работники станции уже приняли душ, позавтракали и легли спать. А те, кто заступили, еще только принимают дела, поэтому от здания станции напротив пока не слышно привычного гула кондиционеров, грохота, издаваемого роботами на трассе или ремонте, и прочих сигналов жизнедеятельности довольно крупного ремонтно-диагностического центра.

Встреча с Тэми вне работы невольно вызывает у меня легкую щекотку под ложечкой и желание вытереть вспотевшие руки о штаны. И дело совсем не в симпатии, как могло бы показаться, к ней, как к женщине. Хотя я признаю, что Тэми с ее экзотической для здешних мест внешностью намного красивее, чем моя фигуристая, волнующая до глубины мысли и желания Падма.

Просто я уже давно сопоставил факты и понял, что даже мимолетное появление ее на периферии моих действий или жизни вне работы оказывает, в лучшем случае, эффект неуправляемого тайфуна. В худшем – все варианты, планы и выверенные возможности мгновенно сгорают в эпицентре некоего нейтронного взрыва. Однако, в результате этого незамедлительно открываются совершенно неожиданные альтернативные пути.

Я вообще не склонен к фатализму, но даже то, что сейчас, как дурак, нервно топчусь у входа в пятнадцатизэтажное здание общежития для сотрудников КВИП-центра, которое, правда, заселено лишь на четверть, – результат моей

встречи с Тэми. Хотя мы с ней на тот момент еще даже знакомы не были.

Мне было семнадцать. Мы отмечали окончание предпоследнего учебного года в пентхаусе родителей Дерека. На самом деле нам предстояло учиться еще недели полторы, но мы решили, что это будет генеральная репетиция вечеринки, знаменующей начало каникул. Помню, в квартире яблоку негде было упасть. Народу собралось человек сорок, а может даже больше. Считать тогда всем было лень. Главное, что алкоголя пока еще хватало.

Наша первая кустарная запись потенциального хита и победителя музыкальных чатов стояла на повторе третий час подряд, и меня уже начинало тошнить от того, что наши с Дерексом голоса сливались в некоем чересчур пронзительном соло. Видимо у соседней оказалась просто бесконечное терпение. Ну или тяжелая степень глухоты.

В нашей рок-группе «Сволшир» состояло пятеро парней. Я, Дерек Отл, Майкл Скодди, Пит Экан и Томас Адамс. Мы были круты настолько, что одноклассницы сами лезли к нам в штаны и покупали выпивку. Собственно говоря, отмечали даже не столько начало финишного года, сколько то, что «Сволшир» позвали на прослушивание в какой-то чахлый ночной клуб. Но тогда для нас это было невероятное достижение.

Я выполз на веранду, находящуюся на высоте пятого этажа, чувствуя, как мысли вяло шевелятся в моей голове, и с третьего раза закурил какую-то на редкость вонючую сигарету. На заднем фоне, поверх нашей песни плескались смех, крики, топот танцующих, влажные звуки поцелуев, переходящие постепенно в жаркое пыхтение, озаменовывающее быстрый перепих абы где. Школьная дива, Шарлотта Нойрон, полвечера воротившая нос от влюбленного в нее с третьего класса Пита, который все таскал ей пиво в пластиковых стаканчиках, теперь демонстративно блевала в урну с прахом всеми уже забытого Дерексовского предка. Урной с изображением каких-то кривых лаковых роз сизых расцветок было принято гордиться и демонстрировать гостям по всякому удобному и не очень случаю.

– Дурдом... – появившийся рядом черноволосый лохматый Дерек с хищным волчьим лицом отобрал у меня зажигалку и закурил несколько демонстративный из-за длины косяк.

– Может стоит забрать у Шарлотты урну? – равнодушно поинтересовался я, выдыхая дым в наступающий рассвет, – и отволочь ее в ванную?

– Пусть Пит сам разбирается, – Дерек шумно шмыгнул носом и прикрыл глаза, – а насчет моего предка не переживай. Отец пять лет назад, вешая на стену свою очередную коллекционную шпагу, случайно снес эту вечно плохо закрытую вазу с камина. С тех самых пор там живет сигаретный пепел из забегаловки на Сент-Авению.

Мы рассмеялись. Дерек жестом предложил мне косяк, но я отрицательно покачал головой.

– Как хочешь, – он довольно пожал плечами, и снова затянулся, – ты, кстати, сказал своему отцу, что не пойдешь учиться на финансиста? И что тебя ждет сцена?

– Нет еще, – я равнодушно сплюнул вниз и почесал бровь большим пальцем, – ему не до этого. Отец и так по жизни только себя любимого слушает, а мне только приказы отдает и контролирует исполнение. Ему мои желания по барабану. А тут он себе очередную шалаву завел...

– Симпатичная хоть?

– Да черт ее знает, я в красоте ходячих силиконовых хранилищ не разбираюсь... – неловко сбиваю пепел с сигареты, дергая щекой, – она ему в рот смотрит, а он и рад стараться. Видимо у меня очередная мачеха наклеивается...

– Это какая уже по счету? – Дерек морщит лоб, диковато поглядывая на меня из-под кустистых бровей, – шестая?

– Восьмая... – закатываю глаза. Из комнаты поверх наконец-то сменившейся композиции разносится вопль двоюродной сестры Дерека Лианы: «Отпустите меня, я ссать хочу!»

– Мда... Печально...

– Да я уже привык. Это все равно ненадолго. Полгода, год максимум... – выбрасываю сигаретный бычок. Слюна горчит как-то особенно тягостно, – кстати, а что нам этот клуб обещал за выступления?

– По бутылке виски на человека.

– А почему не деньгами? – смотрю на поднимающееся в легком тумане солнце. И тут...

Я не слышу, что говорит мне Дерек. От открывшегося зрелища у меня воздух застрял в глотке и предательски дрогнули колени.

Словно древние титаны, тянущие на своих бронированных плечах рассвет, нехотя вливающийся в наш мир густым маревом, из туманной дымки выныривают медленно идущие человекообразные роботы- ГНОМы. Их поступь, что должна была попирать землю, заставляя ту стонать, звучала лишь призрачным эхом чуть слышно шелестящих отлаженных механизмов. Так древние короли возвращались с поля брани, опьяненные внутренней силой и новыми знаниями о жизни и тем, что за гранью. Сердце мое будто перестало помещаться в ребрах. Перед этими гигантами, двигающимися словно чужой сон, хотелось склониться в почтённом поклоне. Ничего прекрасней, как мне казалось, я в своей жизни не видел. Но уже через несколько секунд, я понял, что поспешил.

Находившиеся на плечах своих бронированных гигантов КВИПы громкими криками поддерживали идущего впереди ГНОМа и совсем крохотную девчонку, что стояла на его плече, вцепившись в свою малиновую шапку обеими руками. Ее снежно-белые волосы нещадно трепал ветер. А темно-карие глаза горели таким огнем, что остальное лицо просто терялось на их фоне.

– Там слишком узко! – неожиданно закричала девчонка в шапке, указывая пальцем на просвет между домами, – Мэтт не пройдет!

– Не выдумывай, Тэми! – радостно отозвался крупный накачанный парень с каким-то лисьим острым лицом, – твой Мэтт не такой толстяк, как ты думаешь. Там два таких, как он, проскочит спокойно!

– Я боюсь, он зацепит балконы! Или споткнется о машину припаркованную! – не унималась девчонка, постоянно оглядываясь на спутников.

– Не зацепит, если пойдешь посередине дороги! – отозвался другой мужик с длинной светлой бородой, напоминающий викинга, – не дрейфь! Для того, кто только месяц назад начал работать со своим ГНОМом, у тебя все отлично получается! И потом ты не одна, мы с Софьяном тебя страхуем. Да и Мэтт твой не страдает сбоями стабилизации. Пока...

– Не пугай ее! – рывкает тот, кого называли Софьяном, – Тэми, не слушай Рона, все будет отлично! Еще пятнадцать кварталов, и мы у цели!

– Хорошо! – откликается девчонка с улыбкой, не переставая терзать свою шапку. Я вижу это так ясно потому, что голова и плечо ее робота оказываются прямо рядом с балконом, на котором мы с Дерекком курим, – а вдруг он на что-то стратегически важное наступит!

И в этот момент ГНОМ неожиданно поворачивает к ней свою голову, похожую на округлую подушечку большого пальца, и свет анализаторов освещает ее ласковым голубоватым светом. И его полифоническая трель разносится над миром улыбчивой укоризной. Девчонка смотрит в наручный компьютер и невольно хихикает...

– Что там?

– Он говорит, что на верхних веках у меня по двести двадцать семь ресниц. Это на четыреста пятьдесят четыре больше, чем у него. И соответственно, я в четыреста пятьдесят четыре раза красивее... И что я его уже достала своими волнениями, и он все прекрасно перед собой видит...

КВИПы раздражаются хохотом, а девушка порывисто обнимает лицо ГНОМа, явно стараясь не задеть голубые полосы анализаторов.

Они скрылись за поворотом, а я все стоял, оглушенный увиденным. На балкон, пошатываясь, вышла Ингрид из параллельного класса и повисла на моей руке. А перед моим внутренним взором встала картина скользящих утренних лучей по плечу явно с любовью начищенного ГНОМа. Мягкий свет анализаторов, обращенных на девчонку в странной малиновой шапке с двумя детскими бесячими помпончиками, еще несколько минут назад невольно коснулся и меня. И кожа, запомнившая это, теплела какими-то неясными солнечными воспоминаниями, полными покоя и уюта. Мне хотелось закрыть глаза и нырнуть в этот голубоватый свет с головой, так чтобы ощущение от этого электронного взгляда проникло в меня и успокоило то тягучее удушливое чувство где-то за грудиной, в котором я привык жить с раннего детства. И от этого стало так хорошо, что начало мерзко пощипывать глаза. Я словно нырнул в невесомость. Оторвался от людей, что меня окружали, от бесконечных нравоучений отца, который старательно диктовал мне мое будущее, не желая ничего слышать в ответ. Даже музыка, что позволяла мне проорать в этот мир свои обжигающие чувства и мысли, неожиданно показалась мне лишь ненужным шумом, опустошающим изнутри, оставляющим растерзанным и травящимся собственным сигаретным дыханием.

Зависть, обидная как смех в лицо над твоей слабостью, вдруг поднялась во мне шипящей змеей. Почему? Ну вот почему этой непонятно как держащейся на плече ГНОМа на шквальном ветру девчонке достается этот покой и ощущение силы, а мне постоянно приходится срывать голос, вопя в пустоту вокруг и получая в ответ лишь искаженное эхо своих проклятий и просьб? Это нечестно! Несправедливо! Я тоже так хочу!! Стоять на плече короля мира, проделывая с ним весь путь по еще спящему городу, смеяться от порывов ветра, на которые можно лечь животом, и чувствовать, как волосы встают дыбом от страха упасть вниз. А кстати, почему эта беловолосая недомерка не падала?

Этот вопрос несколько отрезвил меня и заставил еще раз зарыться в воспоминания. Она стояла на относительно узком плече ГНОМа, держась только за свою малиновую шапку, и ветер рвал ее белую майку и шорты до середины бедра, надетые поверх черного облегающего ее тело, как вторая кожа, термокостюма. На ногах у нее не было никаких спецкреплений, только ботинки до колен с пластиковыми защелками, напоминающими детские роликовые коньки. И она довольно бодро переступала ногами, по гладкому блестящему от недавно нанесенного защитного масла железу, поворачиваясь к лицу своего робота. Тогда почему она не падала, если ветер едва не уносил ее глупую детскую шапку с двумя легкомысленными помпончиками.

Следующие три дня я провел в интернете. События вокруг меня сменялись однообразным калейдоскопом. Я краем глаза замечал, что вот я на уроке, вот в школьном кафетерии, поддакиваю Майклу, который взахлеб рассказывает о новой девушке на потоке, у которой просто огромные (далее фигурное изображение руками этого самого огромного), а потом сижу за стремительно остывающим ужином, на который вдруг заглянул отец и высказался по поводу того, что учеба наконец-то заинтересовала меня, если я даже за едой не отрываюсь от планшета. Вот мелькнули платиновые волосы, болтающиеся тонкими прядями почти до поясницы и имя, которое я даже не потрудился расслышать. И так по кругу...

На третий день, в пятницу, дочитав прямо на ходу по школьному коридору не знаю какую по счету статью о правилах обслуживания ГНОМов и особенностях их идентичности строения с человеком, я неожиданно для самого себя выключил планшет, подошел к автомату в коридоре и купил себе простой черный кофе. Руки у меня подрагивали, и я пил его бездумно, пялясь на свое отражение в висящем рядом с учительской зеркале. На меня смотрел тощий, длинноносый патлатый подросток с семью кольцами в правом ухе. Темно-зеленые глаза казались намного светлее, чем обычно, из-за залегших под ними сизых теней. Кольцо на нижней губе с длинным шипом под ней придавали мне угрюмый вид. Немытые крашенные в модный синий цвет волосы висели неопрятными прядями. Я помню, что мои костлявые пальцы с черными ногтями обнимали пластиковый стаканчик, стараясь согреться. В школе было уже по-

летнему душно, но утраченная уверенность в том, что я собирался делать, отзывалась в моей душе воющим холодом.

Я достал телефон и не сразу решился набрать номер, хотя знал его наизусть. Он снился мне по ночам. Я находил его отголоски на ценниках и артикулах товаров в магазинах. Видел в перевертышах-координатах навигаторов, в телах математических примеров. Но из-за того, что отец отслеживал мои контакты, я почти никогда не решался набирать его. Но сейчас мне было плевать на то, что ровно через пять минут после моего разговора по этому номеру позвонит разъяренный отец и потребует полный отчет.

Раздался треск звонка на урок, и я наконец решил нажать на вызов. Гудки звучали для меня в разы громче торопящихся на урок людей. Один... Два... Четыре... К горлу подкатил липкий комок, заставляя морщиться при попытке сглотнуть... Семь...

– Кристиан? – будто не верящий в происходящее робкий голос со всего маха ударяет меня под дых, заставляя подавиться торопящимися звуками.

– Мама... – кислород ест легкие дикой тоской, что копилась во мне последние полгода, с ее прошлого звонка. И я чувю, что она плачет. Беззвучно ее слезы касаются моих щек, губ, заставляя выдыхать неуклюже и яростно громко. Реальность вокруг двоится, размывается, наплывает неровными волнами, и я не могу ничего ответить ее торопливым словам, полным слишком острых граней. Они будто режут меня, распарывая прочно вросшие стальные нити пут, что формируют защитный кокон, отгораживающий мое я от собственных страхов, мыслей и желаний. Я слышу, как она зовет меня, и сцепляю до боли зубы, втягивая в себя новую порцию воздуха.

– Мама...

– Да?

– А что, если я изменился? И не знаю... Не знаю, как...

– Жить дальше? – ее вопрос звучит пониманием. И от этого только больней. В ее светлых глазах, оставшихся в моем раннем детстве, всегда жила улыбка и что-то, что я до сих пор считаю Знанием.

Киваю, но она чувствует мой ответ.

– Шаг за шагом, Кристиан, – тихий мамин голос рисует на моем лице новые блестящие дорожки и отражается в звуке капель, падающих на резиновые носки моих кед, – шаг за шагом. Все на самом деле не так страшно. Начни с малого. И постепенно двигайся навстречу новому.

– А если я ошибусь?

– Все ошибаются, Кристиан. Жизнь состоит из ошибок и работы над ними. Но помимо этого есть еще и счастливые моменты, когда ты все сделал правильно. И вот ради них стоит идти вперед, даже когда страшно и совсем не уверен в себе.

Молчание между нами наполнено океаном невысказанных фраз. Они бушуют, пытаются перекрыть друг друга, но мы будто закрываем их в себе, стараясь насладиться секундами, в которых мы рядом. Пусть не физически... Но все же...

Телефон дает предупреждающий сигнал о том, что на второй линии висит отец. И мне просто орать хочется: «ОСТАВЬ НАС В ПОКОЕ!!!»

Мама тут же сбрасывает мой вызов, и в мою голову острой спицей врезается требовательный холодный голос отца.

– Зачем ты ей звонишь? О чем вы говорили? Я жду!

– Сегодня день матери, – получилось прозвучать совершенно спокойно и ровно. Ложь привычно выскакивает из меня, хотя внутри все клокотало от желания разбить телефон о стену и заорать так, чтобы стекла в окнах задрожали. – Я поздравлял.

– Десять минут? Ты что ей венки сонетов из четырнадцати частей читал?

– Нет. Просто, когда я ей позвонил, к ней пришел посыльный с товарами из интернет-магазина и пришлось подождать, пока тот найдет все ее заказы в необъятной сумке и проведет три оплаты и два возврата.

– А перезвонить позже было нельзя? – недовольство отца можно было потрогать руками.

– Эм... – замешательство у меня изображать получалось всегда на отлично, – да как-то не подумали об этом, если честно...

– Ясно, – припечатывает отец, – по-моему с последней похвалой по поводу твоего интеллектуального роста я погорячился. Вечером поговорим.

В ухо полетели гудки. Я сунул телефон в карман рюкзака и скривился на свой окончательно остывший кофе.

«Шаг за шагом, Кристиан... Шаг за шагом...»

Мамин голос все еще звучал в моей голове, когда я решительно бросил свой еще почти полный стаканчик в урну и стремительно пошел на четвертый этаж в кабинет, где сидел инспектор по учебной части, занимающийся, помимо школьных дел, еще и помощью в выборе будущих вузов старшеклассникам и распределением на дополнительные курсы подготовки. У инспектора было непроницаемое индийское имя, и поэтому он просил обращаться к нему просто Мистер Джей, максимально упростив этим жизнь не только школьникам, но и себе.

Дверь в его кабинет оказалась открытой. Тощий, как спица, Мистер Джей с почти негроидным загорелым лицом копался в папках одного из бесчисленных стеллажей с личными делами учеников.

– Здравствуйте, к вам можно? – я решительно прошел в комнату, задавая вопрос скорее постфактум.

– Прайс? – он окинул меня цепким взглядом и указал рукой на свободный стул, – не думал тебя здесь увидеть.

– Почему? – я присел, скинув рюкзак на пол.

– Ну с тобой и твоим распределением вроде все и так понятно, – Мистер Джей, подошел к соседнему стенду и почти не глядя вынул папку с моим именем, уселся за свой стол, уютно поерзав в мягком кресле, и раскрыл ее, – твой отец сообщил еще в начале прошлого года, что ты поступаешь на финансовый факультет в университет «Войран». Верно? Или что-то изменилось?

Несколько секунд я собирался с мыслями явно пораженный, что оказывается моя судьба была решена почти два года назад. А потом наклонился вперед.

– Мистер Джей, я могу рассчитывать на то, что наш с вами разговор останется строго между нами?

– Да, – индус понимающе кивнул и отложил мою папку в сторону, – слушаю тебя, Кристиан.

– Что мне нужно сделать, чтобы поступить в технический вуз?

– Все зависит от того, на какую специальность ты собираешься. Где-то будет достаточно и тех баллов, что у тебя есть сейчас. А для некоторых направлений придется попотеть.

– Кибернетический Водитель Интерактивного Продукта. Таких, как вы понимаете, готовят только в одном месте. В учебном центре робототехники и программирования «Марон».

Повисло молчание. Я наблюдал, как Мистер Джей странно шевелит нижней губой.

– Отец в курсе твоего желания? – наконец осторожно спросил он, внимательно заглядывая мне в лицо.

– Нет.

– Угу... – индус кивнул сам себе, сцепляя пальцы в замок, – знаешь, Кристиан, моя работа порой состоит не только в том, чтобы помочь вам определиться со своим будущим, но и в том, чтобы отговаривать вас от откровенно недальновидных решений. И это как раз тот случай, когда я хочу тебя предостеречь. Чаю хочешь?

– Нет, спасибо, – я отрицательно покачал головой. Мне нравился Мистер Джей. Особенно тем, что он был способен слышать окружающих и не давить своим мнением, а просто раскладывать любую ситуацию по полочкам, как папки с личными делами учеников.

– Хорошо, КВИП, безусловно, очень благородная профессия, но сопряжена с рядом рисков. Настроение в обществе относительно КВИПов довольно нестабильно. И хотя верхушка общества и власти пока что придерживаются мнения, что они являются полноправными членами человеческого общества, позволяющими остальным не рисковать собой на довольно сложных и опасных работах, есть довольно большой процент населения почти всех стран, считающих КВИПов не совсем людьми. Ведь благодаря дополнительному позвоночнику и искусственным нервным системам в некоторых сферах КВИПы вполне логично начинают опережать простых смертных. И это естественно вызывает волну недовольства. Люди не любят тех, кто выделяется в лучшую сторону. Это было, во-первых. Во-вторых, само вживление – это довольно рискованная операция, требующая последующей адаптации к жизни в течение почти месяца, а то и двух. В-третьих, подписывая контракт с фирмой-владелицей робота, на котором работаешь и обслуживаешь, ты рискуешь попасть в самую настоящую кабалу. Ты следуешь за роботом, куда бы его не направили работать. И по окрестностям города и даже на другой континент с привязкой к новой станции обслуживания. И отказаться ты не можешь, потому что робот выполняется с техническими параметрами, подходящими именно тебе. Ну или тебе должно очень повезти, и ты найдешь человека с точно такими же характеристиками. И то не факт, что хозяева робота на это согласятся. Ты готов будешь бросить свою семью просто потому, что твой подопечный будет теперь работать на другом конце земного шара?

– Мистер Джей, у меня через несколько месяцев появится восьмая мачеха, – я с усталой улыбкой разглядывал свои тощие коленки, – а за десятиминутный разговор с матерью раз в полгода меня сегодня ждет двухчасовая лекция отца на тему моей неблагодарности и тупизны.

– Угу... – индус снова странно пошевелил нижней губой, прищурился большими выпуклыми глазами. Потом он открыл верхний ящик своего стола, доставая какие-то брошюры, и пододвинул к себе клавиатуру древнего компьютера. – Значит так, Кристиан, если твой отец узнает, что я тебе помогаю, то я вполне рискую вылететь с работы. Так что надеюсь, он сильно ошибается на твой счет по поводу уровня интеллектуального развития. Тебе нужны высшие баллы по математике, физике, химии, анатомии...

– Анатомии? – невольно перебил его я, наблюдая как его пальцы по паучьи бегают по клавиатуре.

– Да. Я не шучу, а также программированию и физкультуре. Про физкультуру я тоже не пошутил. Чтобы выдержать на себе сцепку с роботом, твоя физическая подготовка должна быть почти как у космонавта. Ты должен быть здоров, Кристиан. Медкомиссия отсеивает почти половину абитуриентов еще перед допуском к экзаменам. А он будет перед самым Новым годом. На пять месяцев раньше, чем во все остальные вузы страны. Так что у тебя есть время, чтобы привести себя в более или менее божеский вид. И я сейчас не о твоих серьгах или волосах, которые к слову выглядят круто, – он усмехнулся, окидывая меня приятным теплым взглядом, – не удивляйся, мне нравится молодежная мода. Подойдешь к медсестре Ивэт. Я предупрежу ее, что тебе нужна медкомиссия так, чтобы твой отец не узнал об этом. Она все сделает и даст рекомендации. И по поводу спорта тоже. Далее, я выпишу тебе направление на бесплатные курсы робототехники при университете «Марон». Занятия начнутся через две недели. Ходить обязательно. Это увеличивает шанс на поступление. Конкурс на КВИПов всегда дикий. В прошлом году была тысяча двести человек на место. Причем даже изначальное поступление не гарантирует тебе, что ты КВИПом станешь и отправишься на вживление. Но плюсы в том, что тебя все равно обучают смежным направлениями деятельности так, что без работы, в любом случае, не останешься. Все решает последний экзамен после четвертого курса. Его можно сдавать в течение трех лет после окончания учебы, уже даже работая. Имей ввиду,

Кристиан, что бешенная конкуренция в этом вузе – норма жизни. А уж на экзаменах идет настоящая мясорубка. Так что я бы на твоём месте ещё раз подумал, стоит ли так рисковать своим будущим. Но в тоже время я желаю тебе удачи.

Он пустил на печать несколько листов, заполненных данными о необходимых оценках, баллах и навыках для поступления в «Марон» и дружелюбно улыбнулся мне крепкими желтоватыми зубами.

– Спасибо вам... – я несмело протянул руку и забрал у него распечатки.

– Не думаю, что буду сильно оригинален со своим заявлением, но я в тебя верю, Кристиан. Так что пробуй. И однажды гигантский робот, повинувшись твоим командам выйдет из ворот станции обслуживания и отправится туда, где людям не место, чтобы делать прекрасные полезные дела.

– Кристиан! – краем глаза, замечаю, как из какой-то очень дорогой машины незнакомой марки выходит Тэми, одетая в кремовую шелковистую кофточку с треугольным вырезом и черные брюки со стрелкой. – Привет. Извини, я опоздала на десять минут.

Она подходит ко мне, цокая аккуратными довольно высокими каблучками.

– Ничего страшного, – улыбаюсь. Эти извинения вызывают почему-то умиление.

– Ты готов ехать?

– Да, – с трудом удерживаюсь от странного желания поддержать ее за локоть. Мне не привычно видеть ее в столь неустойчивой обуви.

– Говорить с Лордом Киросса буду я, – Тэми по-деловому заправляет за ухо прядь волос, – твоя задача улыбаться и по моему сигналу выдавать нужную информацию о состоянии Мэй. Ты не против?

– Нет, конечно. На самом деле, можешь просто объяснить мне, что именно нужно изобразить перед ним, чтобы он дал деньги на ремонт Мэй, и я это сделаю.

– А если я скажу тебе бегать перед ним голышом? – в темных глазах Тэми вспыхивает игривое коварство.

– Мне сейчас раздеться или перед ним стриптиз устроить? – играю бровями, и она со смехом тянет меня к машине.

Отрывок из справочника по городу Санта-Чилокки для бизнес-партнеров в сфере медицины

Население Санта-Чилокки составляет приблизительно двадцать тысяч человек, из которых полторы тысячи являются так называемыми представителями высшего света. Некоторые из них являются носителями статусов Гамма, Вега и Дельта, чей вклад в общий уровень жизни населения и развитие медицины невозможно переоценить. Хотя необходимо учитывать, что рождение ребенка, принадлежащему одному из статусов, есть ни что иное, как результат удачной генной инженерии. Но это никак не ограничивает представителей данных статусов в своих гражданских правах и обязанностях.

Предместье Констанс-Тикку 12/03/2570 год 12:23 Грушевая роща, окружающая загородный дом семьи лорда Киросса Тэми

У меня очень удачный брак. Ложась спать или наоборот, еще не открыв утром глаза, я слышу в себе эту мантру, произнесенную почему-то голосом моей бабушки, и это срабатывает как рубильник, переключаящий меня из режима никому не нужных воспоминаний в настоящее. Тут главное не анализировать, не задумываться и постараться верить. Потому что, учитывая все обстоятельства, которые я приказала себе забыть, брак у меня не просто удачный. Можно сказать, что я вытянула бриллиантовый выигрышный билет. Один на несколько миллиардов.

«... Статус Вега утрачен в связи...» Дальше я читать тогда не стала. Эти буквы чернели на моем брачном контракте позорным клеймом семьи, но на тот момент мне было все равно. Рядом сидел мой жених Мартин, и на дне его глаз горела простая и незамысловатая правда о том, что он меня не хочет. Но за возможность породниться с кем-то из Санта-Чилокки решил потерпеть. Мне было его жалко.

У меня очень удачный брак. Глаза медленно моргают, будто сами по себе. Просто сижу на заднем сиденье автомобиля, сложив руки на коленях и выпустив на лицо вежливо-заинтересованную улыбку. Маска номер пятьсот семьдесят три. Отработана до блеска еще в четырехлетнем возрасте.

Там откуда я родом... Хотя это, наверное, не самый правильный термин для тех, кто является живой демонстрацией достижения генной инженерии. Правда, статус Вега присваивается лишь тем, кого мама с папой по старинке делают за закрытыми дверями спальни без вмешательства посторонних, но самих родителей генетически программируют с особым старанием, чтобы результат их работы отвечал всем необходимым стандартам качества и заложенному функционалу. Впрочем, зачем все эти подробности? «Статус Вега утрачен» написано в моих документах. Для жителей Констанс-Тикку, ставшего мне вторым домом после заключения брака, эти слова звучат абракадаброй. И меня это устраивает.

В Констанс-Тикку высший свет, в котором мне приходится порой вращаться, очень серьезно относится к этикету, традициям, правилам, религии, законам и взаимоотношениям. Как старательные первоклассники, желающие заслужить похвалу у строгих родителей, они выучили все предписания и правила, чтобы оправдывать статусы графов, лордов, или просто сливок общества, но так и не поняли главного.

В Санта-Чилокки эту прописную истину объясняют всем детям, как только они осваивают использование ночного горшка по назначению. Нам говорят, что все эти безумные тре-

бования и традиции нужны лишь для бесконечно увлекательной и жесткой игры, в которой тебе предстоит участвовать всю жизнь. Твоя задача – обойти соперников, зная их сильные и слабые места. Получить то, что хочешь, и удержать этот приз любой ценой. Бабушка, часто занимавшаяся моим воспитанием, – мама была занята моей старшей не очень здоровой сестрой и тремя младшими братьями – говорила, что я должна быть крайне внимательной к людям вокруг, но при этом стараться не демонстрировать всем, кому не лень, свои мысли и чувства.

– Не стоит раскрывать свои карты раньше времени. А говорить с миром можно не только посредством слов или действий, – Мэйса Харта властно брала фарфоровую чашку, делала крохотный глоток и так же непримиримо-неторопливо ставила чашку на блюдце, что держала четырехпалой рукой, униженной перстнями.

Когда мне было пять, она принесла в подарок скрипку. До этого она почти год смотрела на мои несуразные каракули, изображающие не то домик, не то кошку в судорогах, и с некой жалостью удостоверилась, что талант художника для меня закрыт.

– Это к лучшему, – заключила она, бросая мой исчириканный карандашами альбом в горящий камин, в то время как я с восхищением прикасалась пальцами к туго натянутым струнам, вслушиваясь в елозящий вибрирующий звук, – картины бывают довольно однозначны. И то, что у каждого художника свое видение, звучит как слабое оправдание. Музыка же чересчур многогранна, чтобы можно было что-то утверждать с полной уверенностью. Учись выражать эмоции через звук. Получится плохо – сможешь просто выплескивать пар без лишних свидетелей и сцен, хорошо – научишься творить мир, живущий в моменте соприкосновения смычка со струнами. И он будет заставлять окружающих любить и ненавидеть, радоваться и плакать.

У меня получалось хорошо до пятнадцати лет. А потом... Хм... Да... Потом... Статус Вега утрачен. И у меня очень удачный брак. Вот уже девять лет. То что муж собирается в соседний курортный город, вызывает толпу мурашек на шее и желание поговорить с ним начистоту о его планах на ближайшие несколько недель. И если бы это имело хоть какой-то смысл, я бы, наверное, здесь сейчас не сидела. Хотя нет. Вру. Сидела бы.

До сих пор не понимаю, как именно это работает, хотя знакома с Кристианом чуть больше трех лет. Но есть в нем что-то такое, что заставляет меня смотреть на него внимательнее, чем на других. Он не раздражает. С ним очень приятно и удобно работать. Как и все КВИПы, он помещан на своей Мэй и остальных ГНОМах, которых ему доводится обслуживать. Наверное, даже больше, чем я на Мэтте и других своих подопечных. Общих тем с ним у нас, кроме работы, насколько я знаю, нет. Но... Я разбила свою скрипку в острые опасные щепки, когда мне было пятнадцать. И после этого мне играть совершенно не хотелось целых шесть лет. А потом...

Я помню нашу с ним первую встречу. Он с Падмой и другими однокурсниками проходил предэкзаменационную практику в ремонтной мастерской при обслуживающей станции, на которой мы теперь с ним работаем. Мы с Паприкой пришли туда, чтобы отобрать более или менее живые подшипники для временного ремонта лап ее робота-паука по кличке Птицеед. Мы ждали, когда к нам подойдет грузчик и поможет снять с пятого этажа стеллажа нужную коробку, и я невольно обратила внимание на странную парочку у рабочего стола. Нет, народу там в тот момент было человек двадцать. Все занимались сборкой и филигранной сваркой порванных и искореженных деталей. Но эти двое выделялись тем, что парень с бритыми висками, кучей серег в ухе, проколотой губой и шипом под ней неторопливо и сосредоточенно собирал из кусков фалангу ЭЛЬФа, а над ним со схемой в одной руке и очень важным видом стояла темноволосая яркоглазая девушка. Зорко смотрела, как он работает, и критиковала каждое движение, похоже вообще не переводя дыхание.

Минут через десять на этот бесконечный и дико нудный монолог, состоящий в основном из фраз «Не то... не так... не туда... не тем... сильней... правей... да что ты делаешь вообще, а?!» уже откровенно раздраженно фыркала Паприка. Что касается остальных работавших за

столом, на девушку косились с такой откровенной злобой и неприязнью, что мне становилось не по себе. Однако парень не выказывал эмоций, продолжая как ни в чем не бывало формировать металлический сустав. А я поймала себя на мысли, что мне хочется подойти к столу и незаметно спрятать какую-нибудь мелкую деталь в карман, чтобы он начал ее искать везде, нервничать, раздражаться.

Его одноклассница меж тем уже почти перешла на ультразвук. Парень закончил собирать сустав. И хотел активизировать его для проверки на сгибание под определенным углом. Но я заметила, что он забыл подключить один контакт. Естественно, фаланга даже не шелохнулась. Парень озадаченно посмотрел сначала на свою работу, а потом на девушку со схемой в руке. Та лучезарно улыбнулась:

– Я тебе говорила, что ты все не то делаешь, а ты не слушал. Вот теперь разбирай и ищи сам, где накосячил.

– Ок, – легко согласился он, пожимая плечами, – тебе лучше знать.

В этот момент сама не знаю почему я вдруг направилась к ним. Меня словно магнитом потянуло, хотя у меня и в мыслях не было вмешиваться. Да и со стороны это должно быть смотрелось весьма двусмысленно. Девушка смерила меня подозрительным взглядом, когда я остановилась возле них и оглядела результат его труда.

– Не работает? – я кивнула на собранный сустав, машинально доставая резиновые перчатки с крючка на поясе с инструментами.

– Нет что-то... – в его темно-зеленом взгляде мелькнула какая-то странная эмоция, похожая на узнавание, но он уже снова осматривал свое изделие, – видимо собрал неправильно. Сигнал не проходит. Хотя лишних деталей нет вроде...

Я взяла со стола свободный контакт и подняла на уровень его глаз.

– Думаю, если это подключить, то может что-то и получится...

Пару секунд он смотрел на провод. А потом аккуратно закрепил его на нужном месте. Сустав с тихим шипением послушно согнулся и вернулся в исходное положение. Я кивнула им обоим: и радостному парню, и возмущенной девушке, которая казалось вот-вот лопнет от того, что ему помогли, вместо того, чтобы посоветовать быть внимательнее. И вернулась к Паприке, которая шепотом мне призналась, что еще немного и она на эту нудную выскочку уронила бы контейнер с отработанными зарядными блоками для ГНОМов и сказала бы, что так и было.

А я вдруг подумала, что, наверное, этот парень очень любит эту вечно недовольную девушку. И в подтверждение моих мыслей, он поднялся на ноги и поцеловал ее. Она тут же мило заулыбалась, растеряв весь свой боевой настрой. Уткнулась носом ему в грудь и прикрыла глаза, чуть покачиваясь с ним из стороны в сторону. Это было так просто и красиво, что в моей душе что-то незнакомо, но очень приятно шевельнулось. Этот день неожиданно врезался мне в память, как нечто очень теплое и хрупкое, то, что хочется сохранить. Через неделю я не выдержала: поехала в антикварный магазин и купила там скрипку, чтобы научиться играть заново...

Машина мягко катится по слишком широкой и пустынной для пятничного утра улице, в конце которой стоит тяжеловестный особняк семейства Киросса. Кристиан закопался в настройки своего «рукава», явно подготавливая очередную убедительную речь на тему необходимости ремонта Мэй, а я ощущаю приятное предвкушение. Развлечение вот-вот начнется.

Парень рядом со мной вдруг шумно выдыхает и зажмуривается.

– Эй... – осторожно касаюсь его руки, – расслабься. Все пройдет отлично. Не надо так нервничать. Это как игра в стратегию.

– Мне они никогда не удавались...

– Все когда-то получается впервые.

Машина притормаживает перед открывающимися кованными воротами и въезжает в крошечный парк, полный странной смеси пестрых цветов, высаженных абсолютно в случайном порядке. Садовник у них явно ничего не смыслит ни в ландшафтном дизайне, ни в комби-

наторности высадки растений. Тем временем дверь особняка открывается, и навстречу выходит молодой рыжеволосый мужчина лет двадцати, у него густая, но при этом очень ухоженная борода довольно странной вытянутой формы.

– Пошли, – киваю Кристиану в то время, как старший сын магната Киросса почтительно открыл дверь машины и подал мне руку. – Здравствуйте, Саймон. Рада вас видеть.

– Леди Ирта... – он галантно склонился к моей руке.

– Зовите меня Тэми. Позвольте поинтересоваться, дома ли ваши родители?

– Да, конечно, – Саймон настороженно наблюдает, как к нам неторопливо подходит Кристиан, – ваш скорый визит для нас приятная неожиданность. Мы очень рады.

– Позвольте представить вам моего коллегу, Саймон, это Кристиан Прайс.

Кристиан протягивает Саймону руку, но тот явно замешкивается, окидывая КВИПа подозрительным взглядом.

– А... вы простите... из этих?

Кристиан непонимающе моргает, стараясь сохранить улыбку.

– Из... из кого?

– Ну... – Саймон делает странный жест рукой, как будто он ведет марионетку, – этих...

– Он КВИП. Как и я, – моим голосом сейчас, наверное, можно было бы заморозить действующий вулкан.

Младший Киросса явно нервно сглатывает и торопливо приглашает нас в дом. Кристиан не смотря на неловкую сцену, легко сохраняет лицо. Просторный холл особняка откровенно темноват, но мы просто проходим через него в гостиную, количество кресел и подушек в которой наводит на странные мысли. А уж стены, каждый миллиметр которых покрыт картинами, исполненными в самом разном стиле, и вовсе заставляют впасть в ступор неподготовленного к такому зрелищу человеку.

– Леди Ирта! – старший Киросса поднимается нам навстречу весьма принужденно. Его такое же бородатое лицо, как и у сына, имеет несколько скошенную на сторону форму, и ему совершенно не идет домашний бордовый бархатный костюм. – Рад видеть вас в нашем доме.

– Добрый день, лорд Киросса, – игра началась и от этого в душе поднимается веселое нетерпение, – позвольте представить вам моего коллегу. Кристиан Прайс.

Мужчины жмут руки. Обмениваются подобающими знакомству фразами. Замечаю, что Киросса внимательно разглядывает открытое лицо парня, и понимаю, что с будущей тактикой явно не ошиблась. У Киросса, помимо Саймона, есть дочь семнадцати лет, которую, как и все их семейство, не обошли челюстно-лицевые наследственные аномалии. И если у мужчин все обошлось перекошенными нижними челюстями и корректировалось бородой, то Иланте не повезло намного больше. Насколько мне известно, ценой кучи нервов, денег и непростых операций жевательные и речевые функции к восьми годам ей полностью восстановили. С эстетическим решением приходится ждать до совершеннолетия. Вдвойне обидно, что Иланта очень неординарная и умная девушка, отличающаяся великолепным характером и чувством юмора. Но из-за перенесенных операций и неудачных процессов заживления ее лицо кажется грубо смятым и откровенно отталкивает. Последние несколько лет я встречалась с ней на пикниках и дневных праздниках, на которых могла присутствовать молодежь, не достигшая совершеннолетия. И я невольно слышала, как ее родители обсуждали будущее дочери. По их словам, происхождение и материальные возможности потенциального избранника будут волновать их намного меньше, чем его хорошая наследственность по линии стоматологии.

Невольно бросаю взгляд на идеальный прикус Кристиана. Как приманка для Адама Киросса и его Иланты, которая несмело заглядывает в гостиную, но не решается войти, он идеален.

– Скажите, Адам, а если не секрет, почему вы отказали в финансировании ремонта ГНОМа Гризельды? – плавно вклиниваюсь в мужской разговор о загруженности на работе, – Выполняемый ею план не окупил затрат?

Адам Киросса мило улыбается мне, явно желая посоветовать не лезть не в свое дело. Но он со мной не первый год знаком. И понимает, что проще ответить мне, чем с периодичностью раз в три минуты наткаться на один и тот же вопрос в разных вариациях в моем исполнении.

– Нет, отчего же. Прибыль выше ожидаемой в полтора раза. Но я разговаривал с моим помощником. И мы сочли, что ее КВИП несерьезно относится к своей работе.

Я кожей чую дикое возмущение Кристиана и его готовность сорваться в любой момент, и поэтому незаметно завожу руку ему за спину и кончиками пальцев успокаивающе поглаживаю его поясницу.

– О-о, столкнуться с таким отношением к своему делу, вам вероятно было очень неприятно, – сочувственно киваю лорду Киросса, побуждая его говорить дальше.

– Не представляете даже как... – тот строит скорбную гримасу, отчего его лицо еще сильнее скашивается на бок, – можете представить, что он умудрился самовольно сменить ей имя?

– Да вы что! – хлопаю ресницами, изображая сплетницу.

– А еще он игнорирует все собрания высшего общества, на которых присутствуют другие КВИПы... Никто его получается не видел и не знает. А при этом он требует несколько миллионов на замену детали, которую просто можно запаять!

– Запаять? – мне кажется у Кристиана вот-вот глаз задергается, но голос его звучит довольно ровно. И честно говоря, я его понимаю.

– Действительно. Вы правы, Адам, – от происходящего идиотизма мне смеяться хочется, но это испортит всю игру, – как же можно серьезно относиться к аналитической справке на сто листов, содержащей химические анализы материалов, а также полную техническую выкладку о состоянии механизмов, если КВИП, который сутками не отлипает от вашего ГНОМа, посмел сменить ему имя?

Адам как-то заторможено моргает, явно не в состоянии сразу переварить услышанное.

– Знаете, у меня для вас есть очень полезный подарок, Лорд Киросса. Вернее, даже не столько для вас, сколько для Иланты, – достаю из сумочки визитку челюстно-лицевого хирурга из бесплатной социальной клиники и протягиваю ему, – позвоните этому врачу. Думаю, он с удовольствием поработает с Илантой. Только имейте ввиду, он работает в бесплатной больнице и запись к нему минимум на полгода вперед. Так что лучше позаботиться о возможности посетить его заранее.

– Что вы себе позволяете, Леди Ирта! – лорд Киросса возмущенно вскакивает на ноги, наливаясь пунцовым цветом, – я достаточно зарабатываю, чтобы оплатить лечение дочери! А за ваши непристойные намеки я...

– Вы ПОКА достаточно зарабатываете. Потому что благодаря бесконечным часам ремонта, Мэй, она же Гризельда, еще держится в рабочем состоянии, – произношу это тихо и холодно, отчаянно жалея, что любопытная Иланта все это слышит. Она не заслуживает такого унижения, – но в следующем году ваши затраты увеличатся на...

Поворачиваюсь к Кристиану, вопросительно приподняв брови.

– Семь миллиардов, – ровным голосом подхватывает он, – минимум. А может и на все семнадцать.

– Сколько? – у лорда Киросса голос пускает петуха.

– Семнадцать, – спокойно повторяет Кристиан. К счастью на лице моего друга нет даже тени улыбки, хотя я понимаю, что он откровенно наслаждается моментом, – на данном этапе проблема локальная. И заключается в откровенно дерьмовом материале, из которого изготовлен коленный сустав. Но если его не заменить, сбои в работе приобретут системный масштаб. И отсроченные последствия для ГНОМа в целом.

Лицо Кристиана освещено мыслями о Мэй, и от этого, мне кажется, он становится смелее.

– Знаете, как это все на самом деле работает? Я могу объяснить. Возьмите простого человека и раздробите ему коленную чашечку. Не сделав никакой операции по восстановлению, загипсуйте и прямо так отправьте работать в шахту. Пусть стоит на этом уничтоженном колене и выполняет работу ГНОМа: бурит землю, дробит и таскает камни, варит трубо- и газопровод, просеивает породы в поисках полезных минералов. Человек – не ГНОМ. Он в таких условиях погибнет от сепсиса и болевого шока, робот будет жить. Но с бои из-за невозможности корректно использовать остальные суставы и выполнять целенаправленные движения будут накапливаться, как снежный ком. И однажды это станет слишком тяжело даже для ГНОМа, – он ненадолго замолкает, и я вижу трепет на глубине его темно-зеленых глаз, – вы ее хоть раз видели вживую, а не на схемах и чертежах, Адам?

– Нет... – лорд Киросса звучит потерянно. Он будто утратил большую часть своей значимости.

– «Мэй» на одном древнем языке означает красавица. Придите как-нибудь к нам на станцию и посмотрите на нее. Как она бежит по тестировочной трассе или смотрит своими анализаторами, различая разные фигуры или материалы, посмотрите в записи ее сны. Роботам снятся потрясающие вещи, Адам. И вы поймете, что она действительно настоящая красавица.

– Адам, мы пришли сюда не оскорблять или шантажировать вас, – осторожно вклиниваюсь в повисшую тишину. Лорд Киросса меряет меня каким-то диким взглядом, – просто имейте в виду, что, если вы не поучаствуете в ремонте своего робота сейчас, боюсь эта визитка станет для вашей дочери единственным вариантом, которым вы сможете позволить себе воспользоваться.

ГЛАВА 3

Срочные новости на радио «Вспышка» в Констанс-Тикку 12/03/2570 года

По сообщениям пресс-службы холдинга «Медикс-Ирта» выпуск в продажу второго компонента вакцины от печеночной лихорадки-215 планируется на 17 марта. Вакцину можно будет выкупить он-лайн на сайте холдинга. Время постановки прививки будет прислано личным сообщением.

Лаборатория исследований современных суперинфекций города Констанс-Тикку гарантирует девяносто один процент защиты от заболевания при использовании вакцины холдинга «Медикс-Ирта», в отличие от шестидесяти двух процентов, предоставленных ее главным конкурентом на рынке – предприятием «Фортэ-Вак».

Предварительная запись на вакцинацию и бронирование прививочных доз будут открыты с 13 марта 2570 года...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 15:00 Дом семьи Ирта. Рабочий кабинет Мартина Ирта. Мартин

Каждый раз, когда Джуллиус раскладывает передо мной документы на подпись, меня посещают две мысли. Первая: с этим молодым, но дико въедливым и преданным юристом мне повезло так, что самому с трудом верится. В делах Джуллиус отличается просто феноменальным занудством, которое отягчено вниманием к деталям и мертвой хваткой и закономерно превращает его в одного из самых лучших мастеров своего направления. Серьезно, мне достаточно просто сказать, что я хочу получить на законных или околозаконных основаниях, и дальше можно уже не забивать себе мозг. Я не знаю, как он это делает. Абсолютное большинство адвокатов и прокуроров города Джуллиуса терпеть не могут. Но факт остается фактом: обскакать его на ниве юриспруденции и в составлении хитрых договоров пока удавалось единицам. И то только в том случае, если он сам позволял это сделать.

По этой причине бумаги, которые проходят через него, я подписываю, не глядя и не читая.

А вот вторая мысль состоит в том, что надо озадачить ученый состав лаборатории разработок созданием супер мощного средства для нормализации гормонального фона и похудения. Для своих тридцати пяти Джуллиус толст настолько, что у меня каждый раз возникает вопрос, как он может в принципе перемещаться без посторонней помощи и не падать. Его вздутое тяжелое брюхо будто выступает вперед, заставляя полные ноги изгибаться неуклюжими дугами. Мясистые, как половинки футбольного мяча, натянутые щеки все еще багровеют угревой сыпью и гнойниками, а выпученные голубые глаза выглядят до безобразия наивно. И этот образ безвредного, неуклюжего тьюфяка является превосходной маскировкой.

– Так, теперь здесь, здесь и... секунду... Ага, вот тут... – Джуллиус тычет пальцем в пустые строки, на которых я оставляю свои автографы, – ну все, поздравляю. Новая вакцина от штамма печеночной лихорадки-215 официально поступает в продажу с понедельника.

– Это не может не радовать... – позволяю себе усмешку, наблюдая как он суетливо собирает бумаги обратно в свой бездонный дипломат, – какие планы на выходные, Джуллиус?

– Пока не думал об этом, – простодушно отзывается он, старательно защелкивая замки на дипломате, – а у вас?

– Думаю махнуть в Лупи-Нуар... – лениво откидываюсь в кресле, предвкушая крупные крупницы колкого снежно-белого песка, скрипящие под ногами и ледяной коктейль с терпкой травяной настойкой. – Правда подозреваю, что выходных мне может не хватить, поэтому я задержусь на неделю.

– Прекрасная мысль. Думаю, ваша супруга будет в восторге от этой поездки, – Джуллиус растягивает шарообразные щеки в улыбке, а у меня появляется неприятная мысль, что они вот-вот треснут.

– Маловероятно. Она не едет, – плотоядно скалюсь ему в ответ, – мне кажется, она не заслужила.

– Вам видней... – тактично отвечает мой помощник, отводя пучеглазый взгляд в сторону одной фотографии на моем столе.

На ней весело взметнув шифоновые юбки в танце радостно смеется Алия. Мне кажется, я до сих пор слышу ее залиvistый пронзительный смех, от которого все вокруг принималось кружиться в невесомых и таких красивых вихрях... Блестящие густые волосы ее переливались всеми оттенками темного дерева, а серые глаза лучились энергией. Я увидел ее впервые совершенно случайно. Наша школьная экскурсия обходила Центральную Площадь Фонтанов как некий лабиринт, в котором по идее уже нет Минотавра. Но вот пройти его без внутреннего трепета и ожидания чего-то неизведанного почти нереально.

Я и не прошел. Я увидел ее, стягивающую лодочки и завязывающую длинную темно-зеленую широкую юбку замысловатым узлом. И пока я с удивлением наблюдал за этими манипуляциями, она легко прыгнула в фонтан и разбрызгивая воду сильными стремительными ногами, понеслась к его центру. Быстро наклонилась, будто зачерпнув воду в горсть, и вприпрыжку отправилась обратно. Я невольно подошел к ней, уютно усевшейся на бортик фонтана и воркующей над своей ладонью.

– Смотри, какой птенчик! – она заметила мое приближение и, не глядя, сунула мне под нос крохотного воробья, что нервно подрагивал в окружении ее тонких, по-жемчужному розоватых пальцев. Но вместо этого я посмотрел в ее глаза.

Мир утратил цвет и резкость вне ее серых, украшенных темными спицами пигмента глаз. Тонкий обычно прохладный аромат жасмина, что всегда отдает колючими искрами, исходя от ее кожи, оказывался трепетным и мягким, как невесомая ткань, прячущая ее от сглаза, в который тут, оказывается, верили. Ее имя следовало произносить с ударной долгой «А». А-алия... И это в честь звезды... А воробушек еще совсем желторотый и мог утонуть.

– Вот так просто пойти на дно некогда теплым хрупким комочком и превратиться в нечто, – гримаска омерзения тронула ее черты, сделав неожиданно еще красивее.

Ее слова лились, как вода в фонтане, сплошным потоком с бесконечными искрами улыбок и торопящегося смеха... И я смеялся с ней. Дышал... И понимал, что наконец-то живу... Пусть хоть и от одного видео-звонка до другого, но все же. Через год я поехал делать предложение.

Меня торжественно представили леди Мэйсе, матриарху семьи Харта. На тот момент только она могла принимать решения о том, кто из членов клана Харта и с кем связывает судьбу. Она приняла меня на редкость тепло. Эта невероятно энергичная и властная женщина с явными следами вырождения на лице и несколько неуклюжими из-за четырехпалости кистями рук, пригласила меня выпить чаю по их обычаю с сожженным листом дерева киокиори. Однако, услышав цель моего визита, Мэйса Харта помрачнела и молчала почти минуту.

– Мистер Ирта, к сожалению, я вынуждена вам отказать в вашей просьбе, – она сцепила пальцы в замок, и я помимо жестокого разочарования ощутил невольный прилив странной брезгливости. – Однако, я делаю это вовсе не потому, что считаю вас недостойным кандидатом

в мужа для Алии. А так как вы производите впечатление более чем разумного человека и истинного джентльмена, то я все же считаю необходимым пояснить для вас свою позицию. Но для начала скажите мне, вы что-нибудь знаете про статусы, что приняты в некоторых семьях Санта-Чилокки?

– Статусы? – я судорожно рылся в воспоминаниях своих разговоров с Алией. – Признаться честно, я не помню, чтобы Алия упоминала об этом. Возможно данная информация есть в открытых источниках, но...

– Нет, мистер Ирга...

– Леди Харта, зовите меня Мартином. У меня от официального обращения в вашем лице откровенно скулы сводит, – я сам удивился своей наглости, но она лишь позволила себе легкую улыбку и величественный кивок.

– Хорошо, Мартин, – она выделила мое имя чуть более низким голосом, прогнав по моим рукам толпу мурашек, – так вот, информация эта однозначно закрытая для всех, кто не является жителем нашего города. Но я верю в вашу порядочность. Думаю, для вас не секрет, что уровень жизни, а главное здоровья жителей Санта-Чилокки является самым высоким на планете?

Я кивнул, чувствуя, как внутри все напряглось и засосало под ложечкой.

– Безусловно, это заслуга генной инженерии, которая практикуется здесь вот уже несколько веков. Мы создаем себя и своих детей, не столько обманывая природу, сколько помогая ей очиститься. Звучит довольно пафосно, но важна суть. Есть кланы, где, благодаря науке, научились производить людей с разными генетическими особенностями, которые в последствии помогают остальным жителям поддерживать необходимый уровень существования. Харта – один из них. Мы специализируемся на воспроизведении женщин трех важнейших статусов: Гамма, Вега и Дельта. Каждая из них по-своему уникальна. Эти статусы не присваиваются просто по праву рождения. Им необходимо соответствовать в физическом, интеллектуальном и ментальном плане. Матриархом нашей семьи может стать только та, у кого подтвержден статус Дельта.

– Я правильно понимаю, что для Дельты физическое здоровье – не главный козырь? – удержаться от издевки было выше моих сил, но ожидаемого оскорбительного эффекта достигнуть не удалось.

– Верно. Генетические уродства вроде отсутствующих пальцев, а то и целых конечностей, почти всегда идут с Дельтами рука об руку, – Мэйса Харта улыбнулась настолько свысока, что мне захотелось поправить галстук и размять спину. – Это вполне достойная плата трижды переломанной в хребте природе за беспрецедентно высокий интеллект и очень долгую жизнь. В среднем сто пятнадцать лет. Но это не предел. Мы нужны для того, чтобы заботиться о других членах клана и обеспечивать соблюдение всех правил для поддержания рождений оставшихся двух статусов.

Я с трудом удержал лицо, а она явно наслаждалась собой, подливая мне чай.

– Алиа за этот год доказала свою принадлежность к статусу Гамма, – Мэйса невольно закатила глаза, – при учете, что навыки самообслуживания, как и интеллект в целом, у нее находятся на уровне простейших микроорганизмов... Эта детка источает феромоны, позволяющие мужчинам не замечать у нее этих недостатков. Рядом с ней даже самец белой акулы будет не страшнее плюшевой игрушки. На нее невозможно злиться, ведь она так хороша, желанна и притягательна. Даже если она вам в суп вместо соли крысиного яду насыплет, вы будете восхищаться ее нестандартностью и легко простите такую крохотную оплошность. Этот аромат – их природная защита, позволяющая не испоганить на корню свою семейную жизнь и выполнить предназначение. А предназначение Гаммы простое. Рожать детей: девочек, обладающих статусом, и изредка мальчиков, просто для природного многообразия.

Она замолкает, давая мне время переварить ситуацию. Но это не так просто.

– У Дельт почти никогда не бывает своих детей, – она говорит это сухо, и мне чудится в этом затаенная, давно пережитая боль. – А те, что рождаются... Природа жестока к тем, кто играет с ней в игры, принятые в Санта-Чилокки. Но вся ее суровость к кукловодам-Дельтам испаряется, когда речь заходит о послушных марионетках Гаммах. Она дарит им сначала Гамму. Потом приходит черед поистине драгоценной и редкой Веги, и на закуску балует Дельтой. Той, кто будет соблюдать правила и помогать во всем.

– А для чего тогда нужны Веги? – несмотря на плохие новости, разговор начал меня в целом затягивать.

Мэйса, несмотря на стройную фигуру, несколько грузно поднимается на ноги и идет к письменному столу. Берет с нее лист бумаги и протягивает его мне.

– Ради них все это и затевается. Истинная цель Харта – стабильное рождение девочек со статусом Вега. И вот почему.

Принимаюсь читать данные и волосы невольно начинают шевелиться у меня на голове. Ладони мигом становятся липкими, а сердце поднимается к горлу.

– Это... Это действительно так? Вега – человек иммунитет, из крови которого можно создать защиту от современных суперинфекций?

– Да, – матриарх устало усаживается на свое место, с трудом закидывая ногу на ногу, – причем, если для рождения Гамм и Дельт пользуются плодами деятельности ученых в медцентрах, то с Вегами это не работает. Веги получают только между двумя идеально подобранными партнерами, которые трудятся над ее созданием исключительно естественным путем. Для Алии такой партнер был найден, когда ей и года еще не было. Надеюсь, что теперь вы понимаете истинную причину отказа вам. Хоть вы, Мартин, мне очень симпатичны.

Я уехал с глухой болью в сердце и пониманием, что выкинуть все мысли об Алие будет верным решением. Так я и сделал. Но вот выкинуть ее фотографию из рамки на столе так и не смог. Семнадцать лет она стояла у меня на столе, позволяя украдкой бросить на нее взгляд в конце особенно трудных и безрадостных дней. А потом раздался звонок. Мэйса Харта сообщила, что выслала мне приглашение в Санта-Чилокки телеграммой. Она просила срочно приехать. И мне вдруг стало страшно. Я не помнил, как садился в самолет. Как мы взлетали. Как в полете мне все время что-то предлагали. То обед, то выпить... Мое трепыхающееся сердце летело впереди шумных двигателей, а мысль, что с Алией что-то произошло, терзала мозг ядовитой иглой.

Мэйса Харта встретила меня сама, открыв дверь своего дома, явно отослав всю прислугу. Она почти не изменилась за это время. Разве что сила и значимость ее утратили былое величие. Горестные морщины будто сжали ее чувственный полногубый рот в тиски.

– Здравствуй, Мартин, – голос ее звучал несколько пусто, – или ты уже дорос для того, чтобы я называла тебя Мистер Ирта?

– Думаю, нет... – я машинально поцеловал ей руку, ища глазами следы горя, произошедшего с Алией, – я взял билет на ближайший рейс, где были места.

– Я рада, что ты так быстро прибыл, – она жестом пригласила меня в гостиную, в которой мы беседовали много лет назад, и закрыла за нами дверь, – дело действительно не терпит отлагательств.

– Что с Алией?

Мэйса надменно вздернула бровь и кривовато усмехнулась с пугающим достоинством.

– Да нормально все с ней... – раздраженно бросила она, явно стараясь держать себя в руках, но выходило откровенно неважно, – что ей будет... С такими, как она, никогда ничего плохого не происходит. Кроме токсикоза разве что... Но это детали... Речь не о ней. А о Тэми.

– О ком? – облегчение от того, что с Алией все в порядке сменилось непониманием и недовольством.

– О ее второй дочери.

– Это которая... – в памяти шевельнулся прошлый разговор, выбрасывая на язык нужные слова, – статус Вега?

– Именно. Я хочу, чтобы ты взял ее в жены.

Я опешил настолько, что несколько секунд просто открывал и закрывал рот.

– Весьма... хм... странное заявление с вашей стороны, – наконец смог отреагировать я, собираясь с мыслями, признаться четко, получалось у меня не очень, – особенно учитывая, что вы мне рассказывали о девочках с таким редким и ценным для всего человечества статусом. Думаю, вам стоит объясниться.

Леди Мэйса шумно вздохнула, попыталась закинуть ногу на ногу, но не получилось, и она раздраженно поднялась и отошла к окну.

– Мартин... Для начала ты должен понять... что... Законы в Санта-Чилокки во многом отличаются от тех, что в ходу в Констанс-Тикку. Столь высокий уровень жизни обеспечивается не только научными достижениями, но и довольно жесткой законодательной системой, малейшие нарушения которой ведут к суровым карательным мерам. Порой они неоправданно суровы. Тэми просто угодила в бюрократическую западню. И в результате статус Вега ей утрачен.

– И... что?

– А этого мало? – она оборачивается ко мне как кобра, но меня это не пугает.

– Леди Харта, – я делаю глоток восхитительного чая и ставлю вычурную чашечку на стол, – давайте отставим все эмоции, которые несколько для меня не проясняют ситуацию, и перейдем к фактам. Так у нас больше шансов прийти к более или менее адекватному решению проблемы.

– Да, ты прав, – она тускло улыбнулась и, сделав несколько неуверенных шагов, снова села в кресло напротив меня, – с Тэми было все непросто с самого рождения. Первая дочь Алии должна была родиться со статусом Гамма. Что в общем-то так и произошло. Но никто не ожидал, что у Алии получится двойня. Энола и Тэми родились с разницей в двадцать минут. Младшая Тэми была настоящим сюрпризом для всех: и для нас, и для врачей, и даже для ученых. Ее просто не могло существовать в природе, но... Я присутствовала при ее рождении.

– Очень трогательно...

– Скорее страшно, – фыркнула Мэйса, явно взявшая себя в руки, – когда отработанный столетиями механизм дает столь необычный сбой, тут в пору хвататься за учебники по генетическим мутациям. Однако девчонка оказалась здоровой. И скрепя сердце через год комиссия все же согласилась присвоить Тэми статус Вега с оговоркой, что он будет под вопросом вплоть до совершеннолетия. Все пятнадцать лет за ней наблюдали все, кто имеет отношение к присвоению статусов и оценке уровня развития. Все усугубилось еще и тем, что Дельту Алия пока еще не родила. Три попытки и все мальчики. Сейчас идет четвертая. И что-то мне подсказывает, что и она провалится. Впрочем, к делу это отношения не имеет. Месяц назад Тэми подошла ко мне и сказала, что что-то в ней изменилось, хоть она и сама не понимает, что именно. Я немедленно отправила ее на тестирование на подтверждение статуса Вега.

– Не прошла? – кисло хмыкаю я, примерно представляя результаты проверки.

– Не тут-то было. Пройшла. С ошеломляющим результатом. По показателям она прилично опережает других Вег ее возраста. Результаты стали достоянием гласности. В результате с ней заключил помолвку Оскар Дрюмер.

– Это имя должно мне что-то сказать?

– Маловероятно. Дрюмеры – это клан, с которыми наша семья часто заключает союзы.

– Говоря человеческим языком, они создают генетически подходящих вам мужчин? И этот Оскар, очевидно, очень завидный жених?

– Если не углубляться в ненужные тебе подробности, то да, – леди Харта нетерпеливо взмахивает постаревшей четырехпалой ладонью, – неделю назад хорошие новости закончились. Мы сразу и не поняли, что у Тэми начали проявляться легкие черты статуса Гамма.

– Это какие? – заинтересованно подаюсь вперед. – Феромоны, как и у Алии???

– Образно говоря, да. Учитывая условия появления на свет Тэми, и что на ее близнеца Энолу специально воздействовали, еще в утробе, чтобы вылепить в ней необходимые качества, совершенно естественно, что она забрала на себя крохотную часть того, что предназначалось старшей сестре. Эта способность у нее выражена в крайне малой степени. И довольно долго вообще себя не проявляла. Но неделю назад... Тэми просто хотела, чтобы учитель скрипки похвалил ее за усердие при подготовке к конкурсу.

Мэйса Харта закрывает светлые, будто подтаявшие глаза.

– Но что-то пошло не так? – скорее догадываюсь, о чем она хочет сказать.

– Когда я прибежала на крик, она пыталась из-под него выбраться. Вся в его крови перепачканная. Защищаясь, она разбила скрипку о его висок. В результате у нее только синяки. А у него серьезная трещина в черепе, кровоизлияние в мозг и кома.

Молчим. Я слышу, как за окном в саду свиристыя птицы и качаются вечнозеленые деревья с красивыми розовыми пахучими плодами.

– По закону это должно быть превышение самообороны... – наконец отлепляю язык от нёба, – а при учете, что она несовершеннолетняя, да еще и подверглась сексуальному домогательству...

– Это по вашим законам, Мартин. В Санта-Чилокки это расценивается как нанесение тяжких телесных повреждений, в лучшем случае. В худшем, если эта скотина Вэйкан сдохнет, это убийство. При первом варианте развития событий Тэми, как Вега, проявившей повышенную озлобленность, грозит пожизненная психушка, где из нее за пару месяцев сделают овощ. Статус Вега и соответственно неприкосновенность, которая была из-за очевидной пользы для населения города, с нее сняли автоматически. Вега не должна быть агрессивной. Она покорна и добра. Ее цель – посвятить себя и свою жизнь другим. И всем плевать на то, какой ценой это им дается. Если же этот коматозник отправится на тот свет, то следом за ним последует и Тэми. Ее просто отправят на выбраковку.

– Сурово.

– Это позволяет поддерживать порядок. Но иногда от такого порядка хочется выть, – леди Харта мрачно берет чашку в руки, – ее жених тут же расторг помолвку, поэтому я написала тебе. Я хочу, чтобы ты забрал ее отсюда на законных основаниях и увез в Констанс-Тикку.

– Что ж... – я поднялся на ноги и принялся шагать по комнате, – ваше желание сохранить, по сути просто глупенькой девчонке, жизнь я понимаю. Но мне-то какая польза от вашего мутантика? Почему я должен связывать себя узами брака с дочерью Алии?

– Не изображай из себя идиота, Мартин. У тебя это получается крайне посредственно, – Мэйса презрительно кривит полные губы, – Статус Вега с нее снят только потому, что девчонка пыталась защититься. На состав ее крови и возможности организма, которыми славятся Веги, это никак не повлияло. И уже не повлияет. Ей пятнадцать. За всю жизнь у нее ни разу даже насморка легкого не было. Суперинфекции за пару часов обращаются в ничто от нескольких миллилитров ее крови.

– Уверены?

– Смотри, – она протягивает мне папку, лежащую на столе рядом с заварочным чайником.

Результаты исследования крови и ее реакции Тэмили Аманды Харта на самые агрессивные и смертоносные вирусы последнего года. От напечатанных цифр у меня начинают дрожать руки. Сопrotивляемость не просто высокая. Она абсолютная. Для фармакологической компании «Медикс-Ирта» прививка подобного уровня хотя бы от одной суперинфекции стала бы даже не золотой, бриллиантовой жилой на многие поколения вперед.

– Это, конечно, очень здорово, – закрываю папку и постукиваю по ней пальцем, – но у вас в полиции явно не идиоты работают. Они могут узнать, где она, и приехать в Констанс-Тикку.

– А это уже будет не твоя забота Мартин. Эту проблему я решу за пять часов, – от ее спокойной уверенности мне становится страшно, – в конце концов не только клан Харта занимается созданием девочек со статусом Вега. И конкуренция между нами похлеще, чем среди спортсменов на чемпионатах мира. Всегда надо помнить, что против твоей Веги может начаться грязная игра. И надо иметь запасные варианты.

Мне очень хочется спросить, что она имеет ввиду, но я понимаю, что скорее всего она не ответит.

– Я хочу, чтобы эта девочка жила, – в ее словах я читаю глухую, отчаянную любовь, и это вызывает желание громко смеяться. Укротители природы на проверку оказываются все такими же слабыми и глупыми людьми, как и простые смертные, – она не заслужила всего этого.

– Насчет не заслужила – согласен.

– Если ты заберешь Тэми с собой, то я дам тебе технологии получения лекарств из ее крови, – слова падают в пространство сухими буквами, – но ты должен будешь беречь ее.

Мне кажется в этот момент я перестал дышать. Мэйса Харта очевидно сошла сума. Но с другой стороны упускать такой шанс было бы полным идиотизмом.

– Она похожа на Алию? – язык плохо слушается меня, но я все же справляюсь с собой.

– Нет, – губы Мэйсы улыбаются неожиданно тепло и живо, – она вообще ни на кого из нас не похожа.

– Это хорошо. Я должен позвонить своему юристу, чтобы он составил для нас с вами контракт...

В этот момент дверь тихо приоткрылась и в комнату как сомнамбула вошла очень хрупкая, невысокая девушка в простом голубом платье с открытыми руками. Она читала на ходу книгу. И черные, как уголь, волосы падали ей на лицо.

– Тэми... – Мэйса тихо окликнула ее, и она подняла голову от пожелтевших от времени страниц.

Я уставился на будущую жену, скорее как на объект исследования. Чернильные ресницы обрамляли темные глаза. Невесомые, будто еще неокрепшие черты лица ее уже утратили неуклюжую детскость и наполнились воздушной нечитаемой красотой. Тонкий изящный костяк скрадывал явный недобор роста и превращал ее в изящного сияющего белокожего эльфа. И я подумал, что в общем-то даже понимаю этого ублюдка Вейкана. Даже не ощущая от нее никакого феромонового шлейфа, я понимал, что она притягивает к себе на каком-то подсознательном уровне.

– Да? – она чуть приподняла изящные брови.

– Иди к себе, – леди Харта криво улыбнулась ей, – у нас важный разговор с мистером Ирта.

– Извините, – девочка чуть опустила голову и бесшумно выскользнула за дверь, плотно притворив ее за собой.

Мэйса проводила ее уход странно дергающимся подбородком.

– Тэми пока немного не в себе от произошедшего. Это пройдет, – она смерила меня настороженным взглядом.

– Конечно, но пусть она с этим не затягивает. Я подумываю остановиться в центральной гостинице. Через два дня документы будут готовы. Мне необходимо письменное разрешение на въезд для моего юриста. Он будет присутствовать при заключении соглашения. Надеюсь, это не вызывает вопросов и возражений?

– Нет, – женщина выглядела обессиленной и равнодушной.

Я вернулся в дом Харта в среду. Вместе с Джуллиусом и документами. Дверь открыла Тэми, одетая в платье цвета земли и аккуратные туфельки на плоской подошве, расшитые

деревянными бусинами. Лицо ее на этот раз было спокойным и уверенным. Хотя голос во время приветствия звучал совершенно незаинтересованно. Впрочем, меня это волновало мало. В свой договор с помощью Джуллиуса я включил целый перечень довольно скользких моментов. И теперь я надеялся на то, что подписание пройдет без эксцессов.

Тэми проводила нас в гостиную к Мэйсе и уже собиралась было уходить, но под взглядом матриарха опомнилась и аккуратно присела в кресло.

После традиционной чашки чая с сожжённым листом киокиори, Джуллиус, уже тогда отличавшийся непомерной дородностью и выразительными гнойниками на щеках, достал из дипломата три экземпляра документов. Я подождал, пока Мэйса быстро пролистает договор, и поставил под своим вариантом подпись, не глядя. Зачем-то внимательно читавшая текст соглашения Тэми заметила это и удивленно приподняла левую бровь.

– А вы всегда дела не глядя ведете, мистер Ирта? – ее тихий ровный голос прозвучал для меня насмешкой, и это мне не понравилось.

– Если документы готовил Джуллиус, то – да, – я откинулся в кресле, меряя ее взглядом свысока, – можете подписывать, кстати, там все в порядке.

– Простите, но нет, – она позволила себе тонкую, совсем не подростковую улыбку, – я ни на минуту не сомневаюсь в абсолютном профессионализме мистера Джуллиуса Кигана. Но я пока еще не знаю ни вас, ни его. И хотя вы оказываете мне невероятно высокую честь, позволяя стать вашей супругой, не в моих интересах подписывать какие-либо документы вслепую. В связи с чем я бы хотела ознакомиться со всеми тремя экземплярами договора. И не с теми, мистер Киган, что все еще лежат в вашем дипломате, к которому вы потянулись, а с экземплярами с уже поставленными подписями.

Джуллиус смотрел на эту пятнадцатилетнюю выскочку влюбленными луповатыми глазами. Похоже, что своей подозрительностью, свойственной и ему, она покорила его четырьмя предложениями. Мэйса Харта с опаской косилась на меня. А я чувствовал, как злость закручивает во мне первый вихрь. Я привык думать, что Алия была благовоспитанной, хоть и взбалмошной девушкой, не лишенной искрометного жизнерадостного ума. В заявление Мэйсы Харты о ее недалекости я, признаться честно, не поверил. Но вот сейчас... Восемнадцатилетняя Алия на фоне своей же пятнадцатилетней дочери действительно казалась мне восторженной идиоткой, чей умственный коэффициент был на уровне улитки. Если бы я попросил Алию подписать какие-либо бумаги, она бы только спросила где именно.

– Возможно, это кажется вам неучтивым, – голос Тэми наполнился опасной тихой глубиной, и я почувствовал, как волосы на руках у меня встали дыбом, – но с того момента, как я поставлю свою подпись, в ваших руках окажется полная власть. И только вы сможете решать, как именно я проведу свою жизнь. И все на что мне остается надеяться, это ваша благосклонность. И я постараюсь не разочаровать вас ни в чем.

Тэми оказалась верна своим словам. Она не задает вопросов. Исполняет мои приказы в точности. Принесла в дом уют и новые связи. За все девять лет совместной жизни единственной по-настоящему серьезной просьбой ее было разрешение выйти на работу КВИПом, раз уж я ради развития системы управления роботами экспериментально вживил ей второй позвоночник с функцией инновационного проращивания нервных систем. Я позволил с условием, что по первому же моему требованию она будет прибывать в мой исследовательский центр и исполнять свой долг. И она ни разу его не нарушила.

Я мог бы сказать, что мне повезло с ее честностью и порядочностью. Но не скажу. Меня не покидает ощущение, что, несмотря на всю ее покорность и заботу, которые она дарит всем, до кого дотянется, я пригрел в своем доме ядовитую скользкую изворотливую змею, которая в любой момент может ударить в спину. И пусть она улыбается мне в лицо и соглашается с любым моим решением, все, о чем я могу думать, это те ее слова, произнесенные в день нашего знакомства. Они звучат в моей голове по ночам, вползая в мои сны ее ароматом грозового ветра

и еще чего-то неуловимо стремительного. Я вдыхал этот дурман тысячи раз, вгрызаясь в ее горло зубами и почти ломая ей хребет своей мертвой доберманьей хваткой. И видя ее темные, погруженные в незримые никому мысли глаза, я понимаю, что она врет. Словно марионетка, она послушно исполняет задуманный мной для нее танец, но я жажду ее ошибок и истинного лица.

Причиняя ей боль, я надеюсь вскрыть эту раковину и убедиться, что вместо нежного бесхребетного моллюска в ней живет ядовитый костистый гад, пожирающий своих жертв на ужин. Но ее раковина крепка и прочна. И это держит в тонусе. А посему поездку в Лупи-Нуар она не заслужила... И никогда не заслужит, если не соизволит стать самой собой, а не той, что соглашается с любым моим решением и с улыбкой каждые три месяца поднимается на выдуманный мной для нее великолепный изощренный эшафот.

ГЛАВА 4

Техническое описание оборудования, используемого КВИПом в работе. Раздел: Калибровочная пластинка

Калибровочная пластинка – вживленный в кость левого виска элемент управления искусственными нервными системами КВИПа, скрытый кожным лоскутом. Представляет собой оснащенный микрочипами модуль длиной 2,5х2 сантиметра, с помощью которого носитель может отрегулировать остроту восприятия слуха, мерцания света, а также уровень чувствительности осязания.

Основное назначение – предохранение мозга от информационной перегрузки, возможной из-за повышенной восприимчивости, вызванной задействованием большого количества дополнительных нервных систем...

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 19:45 Общежитие КВИПов Кристиан

Если бы меня попросили описать этот день одной фразой, я бы сказал: «Это было жестко...» Причем, начиная с разговора с семейством Киросса, которые каким-то чудом не выкинули нас из своего дома взащей после откровенно рискованных заявлений Тэми. Продолжая тем, что Падма весь день скидывала мои звонки. И заканчивая гульбищем, которое, по идее, называется вечер встречи выпускников, но больше всего напоминает мне пьяную вакханалию в стае диких обезьян.

Я вижу свой выпуск и понимаю, что меня не узнают. Вообще. И испытываю от этого странное облегчение. Не то чтобы я не хочу обмениваться новостями с бывшими одноклассниками. Моя голова занята другими мыслями, и мне нужно минут двадцать, чтобы привести свои эмоции в порядок.

Подхожу к бару и прошу налить мне чистый тоник. Бармен с лицом, покрытым странными татуировками, смотрит на меня с недоверием. Но потом, явно заметив КВИПовский аксессуар на моем предплечье, промелькнувший сквозь задравшийся свободный рукав кофты, потянулся к чистым стаканам.

– Хотите коктейль безалкогольный сделаю? – как бы между делом интересуется он совершенно ровным голосом.

Усмехаюсь. Принято считать, что КВИПам нельзя пить. На самом деле это неправда. Просто похмелье у нас усиливается дополнительными нервными системами. И тогда, когда обычному человеку нужно просто поспать на пару часов подольше и выпить антипохмелин, КВИПу плохо настолько, что приличными словами это выразить не получится.

– Только не сильно сладкий.

– Без проблем, – так же ровно отвечает бармен и принимается отмерять из бутылок разноцветные ингредиенты.

Оглядываюсь на танцпол. Падмы не видно. Но вполне вероятно, что она встретила подруг и теперь болтает с ними где-то в укромном уголке.

Поведение Падмы, точнее ее тотальный игнор, мне стал понятен, когда я вышел из своей маленькой квартиры в общежитие для того, чтобы отправиться сюда. В коридоре я миготом наткнулся на Паприку, которая, пританцовывая, порхала по пространству, и с трудом иду-

щего за ней от бесконечного числа пакетов в руках Дэни. Парочка, на мой взгляд, была странной, потому что все прекрасно знают, что на самом деле Паприка встречается со средним братом Сурама – Бо. А улыбчивый откровенно молчаливый Дэни, страдающий легким расстройством аутистического спектра, под довольно романтичным неофициальным названием Синдром Ловца Муз, все же слегка побаивается громкую, яркую, словно праздничный салют, Паприку.

Впрочем, Бо вчера вроде упоминал, что их младший брат решил возобновить свои тренировки проявления дружелюбия пусть и к давно знакомым людям, чтобы не терять навык вливаться в общество. И видимо это была одна из них. Правда, с моей точки зрения, Дэни просто немного замкнутый и стеснительный, но при этом довольно приятный человек, который предпочитает скорее слишком внимательно слушать всех вокруг, чем самостоятельно общаться.

– Привет, Кристиан! – Паприка махнула тонкой рукой и звучно лопнула голубой пузырь жвачки полными губами. – Придешь сегодня к нам на вечеринку в винтажном стиле?

– Эм... Извини, – я едва успел увернуться от ее объятий, в которые она порывисто расплахнула, едва не подпрыгивая от нетерпения, – я иду на вечер встречи выпускников... Обещал Падме, что хотя бы в этом году сходим.

– О, точно! – Паприка картинно закатывает лунно-серые глаза, которые на фоне ее смуглой кожи и белых длинных прямых волос до попы сияли кошачьим хищным огнем. – Она мне говорила минут тридцать назад, что идет с тобой тусить в Пьяную Орхидею. Но она не собиралась тебя дожидаться. Мы ее на входе в здание поймали.

– Тридцать? – с сомнением хмурюсь, – а ты уверена?

– Я уверен, – с улыбкой вздыхает Дэни, поудобнее перехватывая пакеты, ручки которых явно ощутимо впились ему в ладони, – мы поднимаемся не на лифте. И по дороге успели пообщаться со Стефани, которая сказала, что мечтает от всех отдохнуть, Роном, собирающимся на байкерский слет, и Тэми, которая обещала не просто прийти, но и захватить свою скрипку.

– Понятно... – сочувственно киваю ему. Похоже его тренировка сегодня проходит уж очень бурно, но, судя по его расслабленному лбу, он этим доволен. Хоть и явно устал тащить пакеты. Но помощь не предлагаю, потому что прекрасно знаю, что с Паприкой быстро помочь и пойти по своим делам однозначно не получится, – слушайте, а Падма вообще в каком настроении была, если не секрет? Она просто целый день меня игнорит. Она сегодня экзамен сдавала, но насколько я знаю, результатов пока нет.

– Ну официально объявят завтра, а так есть... – Дэни сочувственно поджимает тонкие губы. В его любопытстве и желании контролировать происходящее вокруг него самого и братьев, чтобы в случае необходимости подготовиться к новому знакомству и человеку в своем окружении, с которым волей-неволей придется общаться, я даже не сомневался. Внешне он довольно похож на Бо. Вообще, глядя на братьев Сурама, у меня создается впечатление, что с каждым последующим ребенком этой семьи у природы уменьшалась фантазия. И если Йоси откровенно напоминает глазастое харизматичное НЛЮ, то Бо выглядит проще и здоровее. Ну а Дэни, по словам наших девушек, очень мил из-за мягкого, будто немного детского характера и задумчиво-улыбчивых глаз, но не более того. – У меня было время, и я залез в систему пошуршать информацию на всякий случай.

– И как? – что-то мне подсказывает, что новости нерадостные.

– Некто Сандр Дрюмер сдавал экзамен в центре Сильва. Это южное предместье Санта-Чилокки. Если тебе нужны подробности, то я могу скинуть тебе информацию. Не обижайся, Кристиан, но я очень устал и хочу закончить разговор.

– Не переживай, ты сегодня отлично справился, Дэни. Ты молодец! – Паприка ободряюще улыбается ему, останавливая себя от того, чтобы потрепать его по волосам, и просто осторожно сжимает рукав его свободной кофты, не касаясь тела. И он тут же расплывается в подрагивающей робкой улыбке. Все верно. Прикосновения он терпит только от братьев. Более того, сам

периодически виснет на них, как коала. Но сейчас, учитывая данные, которые он мне рассказал, похвалить его за выдержку и старания вместе с Паприкой у меня не хватает ни желания, ни воспитания.

– Черт... – сжимаю пальцами переносицу, борясь с отчаянным желанием вернуться к себе и никуда не ехать. Шансов, что Падма уже в курсе, мало, но они есть. А она у меня упертая, особенно во всем, что касается ее собственных достижений и работы.

– Слушай, всегда можно сказать, что пришла разрядка на парня, – Паприка сочувственно барабанит пальцами по моему плечу, – так часто бывает на самом деле. Ты же знаешь. Девушки вживление переносят легче, но при этом впоследствии можем создавать кучу проблем, как хозяевам роботов, так и врачам.

– Думаю, для нее это слабое утешение. Особенно, при учете, что это был ее последний шанс.

– Но один еще остается, если она подойдет для станции в какой-нибудь другой стране, – Паприка принимается энергично жевать жвачку, что говорит о том, что она в срочном порядке обдумывает информацию и ищет варианты решений, – хотя все равно плохо. Вы же явно не планируете разбежаться или строить отношения на расстоянии.

– Ладно, не грузись, Паприка, – улыбаюсь ей, и она тут же расцветает в ответ. Ее экзотическая хищная красота вызывает легкую оторопь. И я невольно ловлю себя на мысли, что это выглядит немного пугающе. – Будем решать проблемы по мере их появления. Я пошел, а то мой автобус уйдет.

– Подожди, Кристиан, – Дэни пытается переложить пакеты из правой руки в левую, но у него не выходит, – так, ладно, залезь в мой правый карман на джинсах. В нем ключи.

– От комнаты? – интересуюсь, доставая двумя пальцами странной формы ключ с брелоком сигнализации.

– От байка моего. Код активации 972444. Бери его на сегодня. Съездите с Падмой покажитесь по ночному городу после вашей встречи выпускников... Ну или куда захотите... – Дэни забавно покачивает головой из стороны в сторону.

– А почему ты мне свой байк не доверяешь... – Паприка игриво надувает губы, – это от того, что я Пауковод? Или девушка?

– Нет, – Дэни в который раз поудобнее перехватывает сумки, – это только от того, что, если Бо увидит тебя на мотоцикле, он меня убьет. А я очень хочу жить...

– Кристиан?

Я невольно повернул голову и брови сами поползли вверх. Эллиот Луд улыбается мне чуть кособокой улыбкой из-под харизматично горбатого носа, окидывая радостным светлым, как купорос, взглядом.

– Элли... – размашисто протягиваю ему руку для крепкого пожатия.

Эллиот, детдомовский воспитанник, получивший квоту в нашу элитную по сути школу совершенно случайно, когда-то был на редкость неказистым подростком с порочным лицом. Когда наши одноклассники дразнили его Электроежом за вечно стоящие дыбом отросшие волосы, он лишь хмыкал, что через пару лет, когда гены его отца, которого он все же помнил в отличие от матери, вступят в силу, они еще все за ним носиться будут и умолять о свидании. Честно говоря, в это никто не верил вплоть до выпускного класса. Первого сентября последнего года обучения в класс весело ввалился бывший Электроеж, узнать которого можно было исключительно по старой сумке, льдисто-голубым глазам и чуть кособокой усмешке. И вся женская часть школы, включая учителей и уборщиц, в буквальном смысле выпала в осадок...

Эллиот дружески хлопает меня по спине, на что я смеюсь и отвечаю ему тем же... Правда через секунду он чувствует сквозь мою одежду прохладу и жесткость второго позвончика и удивленно отстраняется с некой тревогой на лице.

– Я надеюсь, что так можно делать? Я тебе никакие настройки не сбил?

– Нет, конечно. Я ж не киборг... – смеюсь, взъерошивая ему и без того буйную шевелюру, чуть не путаясь в ней пальцами, – КВИПы намного прочнее, чем может показаться.

– Не человек, а ходячий гаджет просто... – Эллиот со смехом качает горбатым носом, – ты, кстати, в курсе, что являешься кумиром моих детей?

– Детей?? – потрясенно моргаю, – Падма мне не рассказывала, что ты женился и стал отцом. А она обо всех всегда в курсе...

– Да нет, ты не понял, – одноклассник засовывает руки в карманы черных брюк, – у меня ни семьи, ни детей нет. Пока нет. Я просто работаю учителем младших классов в нашей же школе....

– Обалдеть... – медленно тяну я, потрясенно вздергивая подбородок.

– Ну да, не самая героическая профессия, – он неловко ведет плечами, – но мне нравится...

– Шутишь что ли? Да я лучше на себя одновременно Паука и Эльфа прицеплю на прогулку по городу в час-пик, чем попробую справиться с детьми!

– Не уверен, что понимаю, о чем ты... Но звучит устрашающе...

– А, не обращай внимания, – отмахиваюсь, забирая с барной стойки свой коктейль, – если попробовать перевести то, что я сказал на человеческий язык, то получится приметно следующее: вести одновременно не человекообразного робота в сцепке с кем-либо, кроме него подобного, это стопроцентная утопия. Мозг даже с помощью рукава и дополнительных нервных систем, участвующих в управлении, не способен самостоятельно справиться со столь многовариантной задачей.

– Ого... Круто... – Эллиот поджимает губы, но в его глазах разгорается любопытство.

– Прости... – делаю виноватую мину, – это профдеформация. На работу мы поступаем еще адекватными, но через год все разговоры начинаю сводиться к роботам и вопросам ремонта и управления.

– Это ты еще со мной на тему «Что такое хорошо и что такое плохо» не общался... – веселится Эллиот, делая глоток коньяка, который он все это время держал в левой руке, – или на любые детские темы... поверь мне, мои третьеклашки кого угодно в ступор загонят своими вопросами.

– Например?

– Ну из последнего, – он прищуривается на сияющие за моей спиной стробоскопы на танцполе, явно видя кого-то знакомого в толпе, но не спешит сворачивать наш разговор, – можно ли путем скрещивания акулы с альбатросом получить птеродактиля?

– Эм... А зачем им птеродактиль?

– Мы ходили на днях на экскурсию в зоологический музей. И в разделе доисторических тварей им приглянулась эта якобы птичка... Теперь они достают нашего биолога, чтобы он в школьной лаборатории с помощью генов воссоздал бы этого монстра...

– Оригинально...

– Кстати, об экскурсиях... Ты случайно не знаешь, можно ли организовать к вам в ремонтный центр поход для детей? Просто гигантские роботы – это у моей малышни идея-фикс весь последний год.

– Эм.. Честно говоря, Элли, детям на станции совершенно не место, – отрицательно качаю головой, – это слишком травмоопасно даже если они просто будут стоять рядом с тестировочной трассой. А в пультовую и комнату отдыха мы их права не имеем пустить по инструкции.

– Жаль...

– Но можно попробовать договориться, о встрече с самими роботами и их водителями на нейтральной открытой территории. Но это при условии, что все дети будут с родителями.

Насколько мне рассказывал Софьян, он в таком мероприятии участвовал лет семь назад... Они ходили на открытый стадион, по-моему...

– Здорово. Надо будет устроить родительское собрание на эту тему. Да и с вашим начальством переговорить... – Его взгляд снова падает мне за спину и, судя по тому, как его зрачки сужаются будто ударом, там явно что-то происходит из ряда вон. Но обернуться я не успеваю, потому как он хватается меня за руку, – слушай, пойдём покурим на воздухе?

– Да, конечно... – я чувствую, как его пальцы цепко направляют меня к выходу, но раздавшийся из-за спины свист и улюлюканье, все же заставляют меня повернуть голову.

От открывшегося зрелища у меня почему-то мгновенно замерзает затылок. Я вижу Падму, сидящую на коленях у парня из семьи политиков, говорящую ему на ухо что-то в то время, как ее руки подозрительно берутся в районе его брючного ремня. Машинально активизирую калибровочную пластинку, настраивая ее на усиление слуха и в больно режущим перепонки грохоте музыки я буквально мозгом ощущаю шепот Падмы.

– Да не думай ты о нем... Он даже не мужик, с ним трахаешься, как с вибратором дерматиновым. Весь в своих железках мыслями, получеловеческий придаток, блин... – отнимаю пальцы от виска и настройки тут же возвращаются на место, почти оглушая меня серией электрических импульсов, болью и судорогой проносающихся по всему телу.

– Кристиан! – голос Эллиота доносится до меня как сквозь толщу воды, – Эй! Тебе плохо?

– Нет... – хмыкаю с такой издевкой, что Элли похоже пугается еще сильнее, – в порядке. И давно Падма там развлекается?

– Две минуты назад они просто танцевали. Я думал, вы вместе пришли, и ты в курсе... – друг отводит взгляд, – извини, что попытался тебя увести. Я просто растерялся и сделал первое, что пришло в голову. Она, наверное, напилась. И ее надо домой забрать...

– Не надо, – залпом допиваю коктейль и, подав знак бармену, провожу «рукавом» над терминалом, – она в кои-то веки нашла себе полноценного мужика, а не получеловеческий придаток. Вот пусть и развлекается. Ты, кстати, сильно хочешь тут остаться? А то у меня есть приглашение на одну по-настоящему интересную вечеринку с толпой неадекватов, вроде твоего покорного слуги, которые на самом деле очень любят душевные посиделки. Поедешь со мной?

– А знаешь, с удовольствием, – Эллиот улыбается мне вполне себе по-человечески, – кто еще может похвастаться, что побывал на домашней вечеринке КВИПов?

– Она у нас, правда, скорее всего будет безалкогольная. Но если тебе будет надо, у Йоси всегда есть в запасе бутылка рома, – достаю из кармана ключи от байка и разворачиваюсь к выходу из клуба.

– Вот только не надо делать из меня алкаша... – Элли явно закатывает глаза, но я этого не вижу, пробираясь сквозь человеческую толпу в открытой двери.

**Отрывки статьи медицинского
журнала новейших болезней.
Раздел Неврология. Синдромы и
расстройства, не приводящие к инвалидности
СОГ (СЛМ) – Синдром Отложенной Гениальности.
Так же известен как Синдром Ловца Муз.**

Наследственное расстройство аутического спектра проявляется с периодичностью раз в три поколения. Его появление обусловлено побочным эффектом ранних вакцин от агрессивных штаммов менингита, вызвавших легкую мутацию генома. Передается, в основном, по мужской линии. Восемьдесят процентов носителей – мужчины.

Данное расстройство уникально тем, что имеет три этапа развития...

...Второй этап СОГ (СЛМ) наступает после двадцати лет и характеризуется следующими симптомами:

Интеллектуальное развитие очень высокое, но постепенно концентрируется в одной конкретной сфере.

Инфантильность проявляется как сигнал о том, что носитель синдрома расслаблен и чувствует себя безопасным.

С трудом отличает дружеский интерес от романтического.

Коммуникативные способности развиты, в основном, в деловой сфере.

Изучение поведения и методов общения людей обретает почти параноидальный характер.

Формируется целеустремленность и потребность добиваться своего любыми путями.

Зависимы в психологическом плане от ближайших родственников и узкого круга общения, к которому привыкли...

**Констанс-Тикку 12/03/2570 год 21:07
Общежитие КВИПов. Квартира Паприки Йа-Йа
Дэни**

Обожаю наблюдать за людьми. Даже если они близкие. Даже если братья. Впрочем, это мое маленькое увлечение все равно остается для всех тайной. Я так наострился якобы смотреть в экран планшета или компьютера, что все окружающие привычно расслабляются и перестают обращать на меня внимание. И вот тут начинается самое интересное.

Когда мы с братьями поступили учиться в КВИП-центр, я изначально планировал занять место Бо. И в общем-то я обгонял брата по всем параметрам, пока однажды не обратил внимание на слова нашей мамы, приехавшей к нам на праздники. Помню, она присутствовала на открытом уроке робототехники и внимательно наблюдала за всеми учащимися с хитрой ухмылкой лисицы. Я чувствовал на себе ее оценивающий взгляд, но в отличие от Бо и Йоси не старался оборачиваться на нее каждую свободную секунду. Мне до сих пор нравится это потрясающее искристое внутреннее удивление, зарождающееся в моей душе, когда я вижу маму после долгой разлуки. Но чтобы его испытать, необходимо по-настоящему соскучиться и чуточку забыть, насколько мы с братьями на нее не похожи. А не похожи мы от слова совсем. Более того, почти никто не верит, что у этой невысокой несколько пышной светловолосой европейки с нежным лицом фарфоровой куклы могли получиться такие сыновья. Но, межрасовые

браки никто не отменял, а азиатские гены обычно с легкостью затаптывают любые попытки своих европейских собратьев проявить себя.

После нашего занятия Бо и Йоси терпеливо ждали, когда мама закончит разговор с совершенно очарованным ей Уиллом. А я, демонстративно надев наушники, подобрался поближе и замер так, чтобы меня не особенно было видно или слышно.

Мне всегда нравилось прятаться и делать вид, что меня не существует, чтобы узнать, о чем люди думают на самом деле. Это почему-то почти всегда отличается от того, что они говорят в лицо. Это сбивает с толку и расстраивает. Мои братья умеют понимать второй смысл сказанных фраз с ходу. А мне всегда приходится на них оглядываться, чтобы уточнить правильно ли я понял. Я оказываюсь прав в восьмидесяти процентах случаев. Йоси, Бо и мама с папой считают, что я постепенно делаю успехи. Но мне этого недостаточно.

– Скажите, Катарина, а что вы сами думаете по поводу выбора профессий вашими сыновьями? – голос Уилла напоминал мне вязкий клейкий мед, от которого хочется очистить язык.

– Думаю, они несколько спешат, но в их возрасте это нормально, – мама окинула нашего врача несколько прохладным, но все же заинтересованным взглядом, – время все расставит на свои места. Пока они не слишком хорошо осознают свои возможности и пробуют силы в том, что им кажется простым и подходящим. Но я знаю их потенциал. Постепенно они сами себя удивят. Просто стоит подождать.

– Не могу не спросить, что именно вы планируете наблюдать в потенциале?

– Хм... – мама улыбнулась слегка кривоzubой и от того очень детской улыбкой, – ничего сверхъестественного на самом деле. Возьмем, например, Йоси. Умен, но унаследовал от отца не только острый ум, но и эмоциональность, помноженную на неумную энергию. Поэтому ждать от него собранности, концентрации и уравновешенности пока не приходится. С возрастом, правда, это скорее всего изменится, но мы говорим о сегодняшнем дне. В целом кажется агрессивным лидером, но на деле все намного глубже. Он привыкает нести ответственность за братьев, один из которых несколько нестандартно мыслит и строит отношения с миром в силу своего синдрома Ловца Муз.

Если бы не его преданность семье, я бы считала, что КВИП из Йоси получится шикарный. Но он хоть и жаждет одобрения и поддержки, но явно не от чужих людей, которыми для него всегда будут коллеги.

Бо может показаться аморфным и вялым, готовым всегда идти на уступки, но в нем живет холодная упрямая сила, подкреплённая смекалкой. Он уступает только тем, кого считает лучше себя. И только в качестве уважения. Этакий романтичный рыцарь, как и его отец...

– А... Дэни? – Уилл явно был удивлен такой расчетливой откровенностью, но старался не подать вида и продолжить интересный для него разговор.

– А Дэни, несмотря ни на что, похож на меня, – мама покачивает головой, явно витая в своих мыслях, – и поэтому я однозначно уверена, что КВИПом ему становиться не надо.

– Но, позвольте, Катарина. У Дэни самые высокие показатели на потоке. Как в интеллектуальном, так и психологическом плане. Даже несмотря на его некоторые сложности с общением, СОГ никогда не являлся препятствием для работы в данной сфере. Эму же проще будет. Роботы – не люди. Работать с ними ему будет намного комфортнее, чем тем же программистом.

– Ну еще бы... – она легко пожимает плечами, – но тут дело не в способностях, хотя они у него бесспорно есть, и даже не в общении с коллегами. Он любопытен. А в мире так много всего интересного. И за этим калейдоскопом ярким он пока не научился слышать сам себя. В какую бы сторону его не потянуло, он сможет добиться успеха. Вживление дополнительных нервных систем, позвоночника и «рукава» с доступом к коллективному разуму роботов и других КВИПов его здорово затормозит.

– С чего вы взяли?

– С того, что мои старшие сыновья спокойно стоят в стороне и ждут, когда я закончу разговор, – она поворачивается к моим братьям, которые, как по команде, встрепенулись от ее взгляда, – а третьего не видно. И я почти уверена, что он где-то неподалеку прячется с видом невинной чем-то очень увлеченной овечки и слушает нашу беседу. Дэни хочет все знать и думать своей головой, и на основе этого принимать решения. Рано или поздно он научится себя слышать. И начнет строить жизнь так, как ему нравится. Поэтому Дэни, детка, оставь эту игрушку братьям. Им нужнее. Я думаю, ты и сам в глубине души это понимаешь.

Тогда мне очень понравилась ее метафора про коллективный разум. Настолько, что я решил прислушаться к ее совету. Хотя она и дала его мне в шуточной форме, прекрасно понимая, что я подслушиваю. Но мама умеет принимать нас с нашими заскоками так, что мы чувствуем: она нас любит именно такими, какие мы есть.

Но уже через несколько месяцев после того, как Бо сделали вживление, я с удивлением поймал себя на том, что вижу его причастность к этому пресловутому коллективному разуму. И что мама говорила именно то, что сама видела. И от мысли, что я мог попасть в элитное звено этой совместно думающей цепочки мне становится не по себе. Я бы так существовать не смог однозначно. Бо такое положение вещей полностью устраивает. Но я от мысли, что кто-то кроме меня сможет считывать мои и без того вечно перепутанные эмоции, состояние, настроение или смущение, да еще и невольно выслушивать чужие в ответ, покрываюсь холодным потом. Не то чтобы я не хочу быть понятым и услышанным или услышать и понять в ответ... Но я не хочу так. Вернее, я не хочу, как они.

Мы сидим в кухне-гостиной типовой квартиры КВИПовской общаги, в которой живет Парика. Ну и уже почти живет Бо. Атмосфера настолько расслабленная, что мне невольно начинает не хватать потенциального скандала. Впрочем, его долго ждать не придется. Соединять в одной комнате Йоси и Тэми – все равно что поджигать километровый бикфордов шнур от ящика с динамитом. Рванет однозначно, вопрос только времени. Я такое в мультике видел на позапрошлой неделе. Мне его Бо нашел, когда я попросил его отдохнуть вместе вечером после смены.

Пока они старательно игнорируют друг друга. Настолько, что Йоси увлекся беседой с присоединившимся к нам Уиллом. Бо цедит сидр, пялясь на суетящихся у плиты девчонок. А я делаю вид, что ищу ошибку в программе в своем портативном ноутбуке. На самом деле загружаю свою разработку – программу-подсказку по распознаванию эмоций у КВИПов. Она считывает импульсы из дополнительных нервных систем и преобразовывает во вполне понятные мне графики. Покой можно потрогать руками. Он теплый, мягкий и пахнет какой-то мудреной специей, которую Паприка специально купила для старательно откопанного рецепта блюда.

– Знаешь... – Парика отвернулась от плиты и окинула пыхтящую над разделочной доской Тэми, веселым пронзительным взглядом, – я в рецепте читала, что для шакшуки помидоры должны быть мелко порезаны... А не старательно подавлены...

– Да я не понимаю почему так получается... – Тэми ведет хрупким плечом и слегка хмурится.

– Попробуй перевернуть нож... Он другой стороной заточен...

Девчонки переглядываются и тихо прыскают от смеха.

– Как тебя только муж твой терпит... – ехидничает Йоси, но Ирта легко пропускает этот камень в свой огород.

– Моя ценность в другом... – тонко улыбается она, берясь за нож правильно.

– Давай без подробностей. Результаты твоей этой ценности и так всем известны. А судя по тому, насколько редко они появляются, ты себя явно переоцениваешь...

– Вообще-то я имела в виду, что прекрасно мою посуду... И убираюсь... – Тэми бросает на моего начинающего закипать брата неестественно игривый взгляд и легко перекладывает

нашинкованный неровными ломтиками помидор на раскаленную сковородку, – а твои настойчивые мысли о чем-то другом должны настораживать. Правда Уилл?

– О, не-не-не... – наш врач поднимает руки и качает головой, – меня в ваши разборки не втягивайте. Я еще слишком молод и люблю жизнь, чтобы влезать между таким молотом и наковальней...

– Вот я, кстати, тоже не пойму, Йоси, – неожиданно оживает Бо, поворачиваясь к нашему старшему брату, – что вы все никак поделить не можете? Шесть лет работаете вместе почти... А все только хуже становится...

– Думаю, надо подождать еще года два, милый... – Паприка, пританцовывая, бросает на сковородку щепотки приправ, – однажды они подерутся, а потом переспят... И все станет нормально...

Тэми с Йоси фыркают настолько слаженно и громко, что начинает казаться, будто они репетировали неделю. Но общее напряжение снялось и сонный покой снова обнимает меня за плечи.

Неожиданный стук в дверь заставляет всех переглянуться, а Паприку еще и отставить солонку на подставку и поспешить в прихожую.

– Привет, – Голос Кристиана звучит настолько неестественно радостно, что у меня брови сами вверх ползут. Такое ощущение, что он что-то напутал и расхохотался в тот момент, когда должен заплакать. И это... неприятно. Словно издевательское отражение в кривом зеркале, от которого хочется отвернуться... – Твое приглашение еще в силе?

– Да, конечно. А это?

– А это мой одноклассник Эллиот. Мы с ним сбежали с вечера встречи и решили нормально развлечься. Эллиот, знакомься, это Парика, наш главный ПАУКовод...

Слышно, как парень рассыпается в приветствиях и комплиментах хозяйке. А я невольно замечаю, как Тэми чуть отклоняется от плиты в сторону коридора, а после бросает на Бо предостерегающий взгляд. Но если в первые секунды я подумал, что она пытается его успокоить из-за возможного приступа ревности, то, когда в комнате появляются Кристиан с Эллиотом, понял, что ошибся.

Они услышали тоже, что и я. Радость Кристиана взвизгивает истерическими нотами и фонит нервными запилами, заставляя меня ежиться и сверяться с программой-подсказкой. График показывает, что я прав.

Он держит себя в руках так, что простой человек не почувствует подвоха. Это видно по Йоси и Уиллу, которые явно заинтересовались гостем, усадили его рядом, налили в бокал ром и принялись расспрашивать на всякие отвлеченные темы. Но КВИПы с их суперчувствительностью и единым разумом насторожились, как гончие при виде зайца.

Машинально вывожу к себе на экран ноута данные с их «рукавов». Дополнительные нервные системы активизировались у всех и перекидываются информацией, как электрическими импульсами, обновляя общую базу данных. Это красиво. Мало похоже на телепатию. Но я вижу их истинный разговор, сотканный из данных на моем экране и незначительным знакам, что они посылают друг другу жестами и мимикой. При этом они раскладывают по тарелкам еду и обсуждают вслух возможности осуществления мечты третьеклашек Эллиота по поводу воскрешения птеродактиля.

Но я вижу, как Паприка демонстративно присела на колени к Бо ровно в тот момент, когда Кристиан к тому обратился, предлагая подлить сок. Как Тэми синхронно с Кристианом дернула горлом и бодро улыбнулась шутке о паукообразных роботах. Линии активности нервных систем на моем экране будто вибрируют... Откликаются на каждый взмах ресниц или глоток. Схожие рисунки пульсаций перепрыгивают с датчиков Бо к Паприке, а уж от нее к и вовсе насторожившейся Тэми. Я, кстати, давно заметил, что она на все реагирует острее других, хоть и не показывает это внешне. И у этого в общем-то есть вполне логичное объяснение.

В среднем у каждого КВИПа вживлено около десяти дополнительных нервных систем. Но активными из них бывает максимум четыре. Это дает среднюю нагрузку на мозг и организм. Если подвергнуть активации большее количество пророщенных нервных окончаний, то человек становится слишком перевозбужденным и чувствительным, ему будет сложно контролировать не только себя, но и робота. Остальные шесть существуют на всякий случай, если, например, человеку необходимо провести в сцепке сразу несколько роботов или какой-то из их подопечных перестает существовать. Каждый ГНОМ, ЭЛЬФ или ПАУК цепляется только на конкретную подходящую по проводимости систему. Вместе с переставшим существовать роботом у КВИПа блокируется нервная система, отвечающая за их сцепку. Поэтому Кибернетические Водители своих подопечных берегут фанатично. Потерять робота – все равно что частично умереть самому. Причем навсегда. И я предполагаю, что это не просто больно, но еще и очень страшно.

Тэми, которая всегда с пугающей меня гордостью заявляет, что является фактически подопытным кроликом своего мужа, которому хотелось сделать прорыв в переделке простого человека в КВИПа, наверняка сама до конца не подозревает, что с ней сделали в процессе вживления. Моя программа, рассчитанная на стандартного КВИПа, всегда сияет огнями предупреждения, что уровень ее чувствительности и нервной активности явно превышает норму в несколько раз. А это значит, что искусственных нервных систем в ней намного больше положенных десяти. И с одной стороны, это позволяет ей быть прекрасным диагностом. Но с другой, возникает вопрос, а выдержит ли ее психика такую нагрузку. Впрочем, глядя на по сути нордический характер Тэми, у меня создается впечатление, что она от природы умеет абстрагироваться от лишних чувств и эмоций. И это, похоже, спасает ее несомненно ценный расчетливый мозг от перекипания. И как же я ей в этом плане завидую...

– Так, мне этот цирк надоел! – Паприка решительно хлопает в ладоши, заставляя меня подскочить от неожиданности и едва не облиться соком, – что она натворила?

– Кто?

– Падма твоя распрекрасная, – почти рявкает девушка моего брата, нависая над Кристианом, словно высоковольтный провод, – не строй из себя придурка, Кристиан. Ты собирался с ней провести всю ночь в клубе, а вместо этого возвращаешься через час в компании друга детства взвинченный, как не знаю кто и...

– По-моему, взвинченная здесь только ты... – пытается вклиниться Кристиан, но это плохая идея. Потому что спорить с впавшей в раж Парикой бывает довольно опасно.

– Да потому что я переживаю и не понимаю, что с тобой происходит!!! А я чувствую, когда с кем-то что-то не так... И...

Краем глаза я вдруг замечаю, как Бо поглаживает ее по спине, но помогает это мало. Паприка продолжает сыпать словами с дикой скоростью, но по крайней мере ее голос не взлетает вверх стремительным звоном. Уилл сжимает пальцами переносицу и устало вздыхает. Мне кажется, что он мечтает всадить в нее транквилизатор.

– Она тебе изменила? – голос Тэми очень тих, но слышат ее все. И от этих трех слов повисает жутковатая тишина.

У Кристиана мелко вздрагивает подбородок перед тем, как он открывает рот.

– Это была очень неприятная сцена, – вдруг оживает Эллиот, строго глядя на остальных, – не думаю, что стоит это обсуждать сейчас.

– Да никто и не собирается, – откликаюсь я, снова ныряя взглядом в экран ноутбука, – он и так понимает, что они просто заставили его признаться, чтобы он совсем в себе не замыкался и не занимался бы самоедством. Произнесенное получает статус случившегося. А случившееся можно или попытаться исправить, или пережить.

– Не думаю... что есть смысл исправлять... – откликается Кристиан с кривой усмешкой. Его данные показывают, что он устал, и от былой нервозности не осталось следа. – Я не могу сказать, что у нас была прямо неземная любовь...

Бо наклоняется вперед и осторожно сжимает его руку в районе запястья.

– Не хочешь – значит не надо, – его низкий медленный голос заставляет Кристиана расправить сердитую морщинку меж бровей.

– А если передумаю?

– Устроим мозговой штурм на тему того, как вас мирить...

– Даже при учете, что она прямо посреди танцпола полезла в штаны к сынку одного политика?

Они переглядываются снова. Невесомый диалог похож на пульс новорожденного. Я однажды слышал такое в записи. Мне не очень понравилось, звучало как-то скомкано и шумно. Он скачет по их нервным системам зеркальными пиками и провалами, рисуя забавную для меня картину передачи данных.

– Знаешь, Крис... – Паприка закусывает нижнюю губу, – хорошо, что она экзамены провалила... А то я подозреваю, что с ее приходом у всех роботов начались бы массовые проблемы.

– Это точно... – серьезно кивает Тэми, разглядывая свои ногти, – например у Мэтта бы точно слетел анализатор живых объектов...

– А у Птицееда фильтры воздушные заработали бы некорректно... Да и у ЭЛЬФов...

– Там куча вариантов поломок с летальным исходом для посторонних возможна, – подхватывает Бо.

– Хорошее у вас чувство юмора... – улыбается Эллиот.

– Они не шутят, – показываю ему пальцем на данные на экране, – это реальные планы действий. Когда они юморят, эти графики выглядят по-другому. У меня здесь полное собрание их мыслей эмоций и чувств.

– Дэни, побудь с нами, пожалуйста... – Тэми снова звучит тихо, но в ее словах сквозит мягкая улыбка, на которую я даже отвечаю. Она нравится тем, что всегда говорит мне, что думает, а не то что прилично или надо. Мне с ней очень просто общаться, – я понимаю, мы, наверное, тебя уже достали... Но надо хоть иногда отдыхать... Вероятно, я лезу не в свое дело, но тебе определенно нужен друг. Живой человек.

– Своей жизнью занимайся, а к нему не лезь, – мигом огрызается на нее Йоси, но в ответ получает только вежливый кивок и молчание. Это бесит его еще больше, но даже мой старший брат понимает, что сейчас не время закатывать с ней скандал. Она не сказала ничего обидного или злого. Только хотела меня поддержать. Скорее даже повторила его мысли, только другими словами.

– Думаю, теперь ты, Эллиот, понимаешь почему я сказал, что у меня с ними каждый день как именины в дурдоме... – обреченно комментирует Уилл, наливая себе в бокал объемную порцию рома, – и это они сегодня еще сильно уставшие все и в относительно хорошем настроении.

– Напоминают моих третьеклашек, – Элли со смешком чокается с ним и делает большой глоток, – те тоже любят изобретать новые способы членовредительства и претворять их в жизнь...

– Ну эти вроде у меня постарше, чем твои... – Уилл с сомнением косится на КВИПов, которые хором показывают ему языки и корчат уродливые рожи, – хотя... может я их переоцениваю?

– Эй, ты зачем это сделал? – Кристиан явно обращается ко мне, то с недоумением глядя на экран своего рукава, то кидая мне осуждающий взгляд.

– Ты о чем? – невольно приподнимаю брови. Я ничего сейчас не сделал.

– Зачем ты меня от Мэй отрезал? – он обиженно сует мне свой «рукав» под нос, – я не первый день работаю и прекрасно держу себя в руках! На ней мое настроение не отразится!

На его «рукаве» мерцает синяя лампочка о потере соединения с ГНОМом Мэй. Неровный пунктир светового сигнала будто бьет тревогу в моей голове. Я действительно могу с помощью программ удаленно отсоединить человека от его робота, что периодически и делаю во время работы, для апгрейда их «рукавов». Но сейчас я даже близко этим не занимался.

– Подключи ее обратно, Дэни! – Кристиан обиженно кривит губы, – мне без нее в эфире некомфортно...

– Э-это не я... – осторожно произношу эту фразу, от которой у всех присутствующих, кроме Эллиота случается мгновенный столбняк.

– Она ведь на базе заряжается сейчас? – мысленно скрещиваю пальцы, в надежде, что просто в процессе зарядки скакнуло электричество, и возник кратковременный перебой в связи. Потому что о другом варианте резко появившейся тишины в эфире, я признаться честно, даже думать боюсь.

– Нет... – я вижу, что у него плохо слушаются губы, – она в ночную должна была отправиться в 16-ю шахту. Сегодня последняя смена на этом месторождении, после чего его закроют. А Мэй и всех остальных ГНОМов с нашей станции переводят на соседнюю 21-ю шахту...

ЧЕЕЕЕРТ... 16-я шахта была признана аварийной еще полгода назад, но владельцы роботов все никак не могли решиться закончить разработку и уйти с жилы полезных ископаемых в более безопасное место. Хотя угроза обвалов в ней уже была даже не в бордовой, а просто в черной зоне... Мигом перескакиваю с одного информационного окна в чат сотрудников 16-ой шахты и, пробежав глазами ворох валящихся, будто град, сообщений, понимаю, что...

– Дэни... – Паприка побледнела так, будто нырнула лицом в пепел.

– Это... Экстренное защитное отключение со стороны ГНОМа... – у меня голос не идет из горла, но я все же откашливаюсь...

Парика зажимает себе руками рот. Глаза Бо распахиваются так, что он вдруг становится похож на нашего Йоси. Тэми сжимает в руке вилку с такой силой, что она начинает гнуться. А на Кристиана мне просто страшно смотреть...

– В чате ад... – с трудом продолжаю я, чувствуя, что сердце пытается выпрыгнуть из реберного плена, – они пока сами не понимают, что делать...

– Наша станция ближе всех... – спокойный голос Тэми мог бы звучать издевкой, если бы я не видел в какой истерике заходится сигнал предупреждения на ее графике состояния, – до шестнадцатой шахты ГНОМ добегаем за сорок минут.

– А толку им от одного твоего Мэтта? – Йоси неуклюже взмахивает руками, – пока КВИПы остальных сначала до станции техобслуживания доберутся, пока активизируются... несколько часов пройдет...

– Я могу вести нескольких, – Тэми отвечает ему упрямым взглядом, – я проходила ту же программу, что Бо и Парика, и у меня есть разрешение на вождение в сцепке нескольких роботов одновременно. На базе сейчас двадцать ГНОМов. Если мне дадут коды доступа к ним, то...

– Перестань нести чушь! – Йоси рывкает так, что даже помертвевший Кристиан дергается всем телом, – ты их как на себя цеплять собираешься? По четыре штуки на канал? Это так не работает! Или ты считаешь, что если своего толстозадого Мэтта приручила, то можешь вообще все?

– Дэни, дай мне ноут, – Тэми легко забирает у меня компьютер и, выделив свой график анализа нервных систем, вбивает какой-то код из безумного количества символов, а потом разворачивает его к моему старшему брату. – Смотри.

Невольно заглядываю в экран и чувствую, как у меня отвисает челюсть, начинают дрожать руки.

Ее график, демонстрирующий количество активных каналов нервных систем преобразился. Я невольно вспомнил опыт про то, что едва наполненный воздухом шарик резко прибавлял в объеме в вакууме.

– Двадцать две системы в состоянии активности??? – Йоси от неожиданности переходит на наш родной язык, но судя по однобокой ухмылке Тэми его прекрасно поняла, – СКОЛЬКО ЖЕ ИХ У ТЕБЯ ВСЕГО? ЧТО ТЫ ТАКОЕ, ИРТА?

– Мы время теряем, – замечает она, барабаня пальцами по столу, – может все-таки предложим помощь и кинем запрос на предоставление доступа к тем, кто есть?

Забираю ноут к себе и бросаю сообщение базе 16-ой шахты с предложением о помощи в виде трех ЭЛЬФов, ПАУКов и двадцати ГНОМов. Я вижу, как Йоси со своего планшета, который он тоже вечно таскает с собой, швыряет в общий чат информацию о произошедшей аварии и просьбы предоставить доступ к роботам, с предложением присоединиться к спасательной операции уже непосредственно у самой шахты. И судя по тому, как запищали летящие ему в ответ сообщения, равнодушных не оказалось.

– Я против, – ледяной голос Уилла врзается в общую сумятицу ледоколом, заставляя всех обернуться.

– Уилл... – голос Кристиана дрожит от ненависти, – там Мэй! Под завалом!

– И ради нее ты решил угробить девчонку Ирты??? – рявкает наш врач, – ты хоть представляешь, какая для нее это нагрузка?

– Уилл, пожалуйста!

– Нет, я сказал! – он поднимается на ноги, возвышаясь над нами, как гора, и я понимаю, что начинаю невольно ежиться под его темным злым взглядом, – вести одновременно пять роботов уже большая опасность даже для самого сильного из вас! А она не Рон! Один единственный слишком сильный импульс от чужого робота и Тэми станет в лучшем случае овощем! В любом случае у нее живой человеческий мозг, а не суперкомпьютер.

– Я справлюсь... – вклинивается Тэми, но...

– Замолчи!

– Уилл... – она поднимается на ноги, и голос ее мягок как шелк, – ну ты же сам прекрасно понимаешь, что Кристиан даже одного ГНОМа вести сейчас не сможет. А Мартин создал меня с большим запасом прочности...

– Все, коды доступа получены! – слишком громко говорит Йоси, заставляя собравшихся начать подниматься с мест и активизировать свои «рукава», – остальные начинают выдвигаться в сторону 16-ой шахты. Обещают быть в течение часа... Я иду с вами, буду страховать нашу полоумную шмакодявку. А то если она вдруг станет кабачком, то ее драгоценный супруг явно не обрадуется.

– Расслабься, Уилл. Я справлюсь. В случае чего сделаю экстренное отключение через калибровочную пластинку. Поставлю ограничитель по уровню напряжения, – Тэми кусает губы, – в конце концов, там же не только Мэй сейчас. В ночную смену всегда работает минимум четыре робота.

– Шлемы защитные с собой берите... – буркает наш врач, удрученно качая головой, – там вполне может произойти утечка природного газа. Не хватало еще, чтобы вы, идиоты, им отравились...

А я отправляю в шестнадцатую шахту сообщение, что станция техобслуживания гигантских человекообразных роботов номер семь, города Констанс-Тикку идет на помощь.

Отрывок шпаргалки Паприки Йа-Йа о технических возможностях ГНОМов по обеспечению безопасности работы КВИПа на высоте.

Серьга – это условное название технологии безопасности, позволяющее в буквальном смысле привязать человека к роботу тросами так, что если тот даже будет пытаться спрыгнуть с плеча ГНОМа, то у него ничего не выйдет. На серьге не страшен ни шквальный ветер, ни землетрясение, ни падение ГНОМа. Умные, почти бронированные тросы не дадут ничему тебе навредить.

Опытные КВИПы серьгой не пользуются. Ну разве что при первых попытках водить своего подопечного на полигоне. Но охотно активируют ее, когда на плече у робота оказывается кто-то далекий от процесса непосредственного вождения....

Констанс-Тикку 12/03/2570 год 22:51 Пультовая станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Йоси

Каждый раз, когда я начинаю верить в то, что я в хорошей физической форме, мне приходится бежать вместе с Бо или кем-то из других КВИПов... И на этом мои мысли о своих достоинствах резко скатываются вниз... Я даже за шмакодявкой Ирта, которая в силу относительно короткой длины ног не может бежать с той же скоростью, как, например, Кристиан, угнаться почти не могу. Мы несемся по лестнице в пультовую, решив не ждать тормозящий по ночам лифт, и у меня с трудом хватает дыхания.

Где-то впереди с грохотом распаивается дверь, и слышится шипение от удара по кнопке открытия шкафа с аварийными костюмами.

– Йоси, у тебя какой размер ноги? – вопль Паприки мечется по лестничной клетке, как перепуганная летучая мышь.

– Тридцать девятый... – с трудом отвечаю я, но судя по ее чертыханиям, она меня услышала.

Я наконец-то дохожу до пультовой, но не успеваю перевести сбившееся дыхание, как в меня летит что-то, напоминающее навороченный гидрокостюм и магнитные ботинки. И вот тут я резко осознаю, на что подписался. Даже мои братья не знают, что я ужасно боюсь высоты. А страховать ненормальную Ирта можно только стоя рядом с ней на плече ее гигантского Мэтта.

Неуверенно обвожу взглядом комнату, в которой КВИПы переодеваются со скоростью бывалых пожарных. Обычная одежда их почти летает по комнате пестрым вихрем, в то время как они сами молча и сосредоточенно натягивают на себя спецкостюмы с уплотненным покрытием и с хрустом защелкивают застёжки на тяжелых ботинках.

– Тебе помочь? – Дэни, уже облачившийся в чей-то костюм, на ходу договорившись с Паприкой, что он вместе с Кристианом поедет на ее Птицеде, распрямляется во весь рост, и на дне его глаз я вижу странную эмоцию, напоминающую раздражение.

– Нет, справлюсь.

Костюм касается кожи липковатой прохладой, но уже через мгновение ткань начинает подстраиваться под меня, и я перестаю ее ощущать. Возникает ощущение, что я стою совершенно голый. Разве что неподъемные ботинки кажутся чуть великоваты.

– Пойдем! – пробегающая мимо меня мелкая Ирта резинкой стягивает короткие бесцветные волосы в низкий куцый хвост. Ее лицо сосредоточено настолько, что не будь я на нервах из-за предстоящего пребывания в высоте, обязательно бы посмеялся. Вижу, как Кристиан, под командованием Паприки, загружает ящик с защитными шлемами в грузовой отсек для Птицеда. А Бо уже активизирует через рукав своих трех ЭЛЬФов Иглу, Спицу и Тэчку.

– Мэтт!

Огромный неповоротливый с виду ГНОМ оживает открывшимися голубыми анализаторами и отзывается переливчатой трелью сонных вопросительных звуков.

– У нас беда... Нужна помощь на шестнадцатой шахте.

Я хочу сказать ей, что роботу эта информация не нужна, но почему-то молчу. Цвет анализаторов меняет оттенок на сероватый. А после робот выдает вопросительную интонацию, в которой я почему-то слышу: «Мэй.» Но думаю, мне это только кажется. Тем временем Ирта снимает своего ГНОМа с блокировки, и тот подходит к помосту, на котором мы стоим, почти бегом и протягивает руку так, чтобы можно было забраться к нему на плечо.

Только огромное усилие воли и обещание, данное при всех, вслух не позволяют мне развернуться и устремиться обратно в пультовую.

– Ботинки активируй, – кивает мне девчонка, указывая взглядом на мои ноги.

– Что?

Вместо ответа она наклоняется к моим коленям и дергает за красные нейлоновые широкие петли наверху задников, которые я всегда считал простым украшением.

– Так безопасней, – мелко улыбается она и, наверное, впервые в жизни мое неистребимое желание прибить ее на месте несколько сбавляет обороты, – иди вперед. Мэтт, у нас новенький. Нужна серьга!

И тут мне становится спокойно. Тросы оплетают меня мягкими сильными надежными змеями помогая подняться и устроиться почти вплотную с головой Мэтта, под защитой немного выступающих элементов, считаемых «ушами». И Тэми разворачивает робота лицом к остальным ГНОМам. Их встревоженные анализаторы приоткрыты и сияют разными огнями. Но пока команды шевелиться им не давали...

– Коды какие?

– Сейчас.

Нажимаю на планшете несколько кнопок, перекидывая информацию ей на «рукав».

– Ага, спасибо.

Я замечаю, что она переводит Мэтта в отстраненный режим, позволяющий ей цеплять на себя других ГНОМов и проверять их физический отклик, не задействуя при этом своего. Темные глаза ее кажутся слишком глубокими и мрачными на сосредоточенном бледном лице. Ее губы чуть слышно произносят универсальную команду пробуждения, но ГНОМам достаточно. Забрала полностью поднимаются с анализаторов с такой звуковой какофонией, что я невольно вздрагиваю всем телом, а Мэтт разряжается явно информативной трелью почти на тридцать секунд. И в ГНОМах напротив нас поселяется нетерпение. Они перещелкиваются, поворачивают головы, пытаются привлечь к себе внимание Тэми.

На моем планшете видно, что они стараются издали прощупать ее свободные каналы нервных систем, чтобы подстроить свои характеристики связи.

– Спокойно... – ее голосом можно останавливать ветер, – приготовились...

Она медленно разводит руки в стороны, закрывая глаза. Я наблюдаю ее медленное глубокое дыхание. «Рукав» оживает пунктирным писком. Данные мелькают на нем с такой скоростью, что меня начинает мутить. Писк доходит до наивысшей точки и...

– Плакса... – Крайний ГНОМ слева меняет цвет анализаторов на красный. Секунда, вторая, третья... Тэми распахивает глаза, а Плакса, прочирикав свое имя ехидным тембром делает шаг вперед.

– Джейсон...

Все повторяется снова и снова... ГНОМы, как послушные марионетки, ловят брошенные им каналы и откликаются своими именами, заставляя Ирта дергать головой в момент установления связи. Когда их становится десять, мне делается не по себе. На пятнадцатом ГНОМе я чувствую, как капли пота скапливаются на моих ладонях. Двадцатый робот цепляется только с третьей попытки. Роновский Забияка всегда требует к себе особого подхода.

Тэми явно с огромным трудом сводит руки вместе, изображая хлопок. И роботы с ленцой, но все же слушаются ее действий.

– Мы готовы. Можем стартовать... – такое чувство, что она превратилась в шпиль громоотвода, поймавший пару мощных зарядов природного электричества. Ее «рукав» верещит сигналом перегрузки, и она отключает оповещение щелчком пальцев.

– Ты уверена, что сможешь вести их всех? – я слышу себя будто со стороны. Как бы я к ней не относился, но ее вид сейчас меня сильно пугает. В ее лице, глазах, посадке головы... Нет ее самой. Мне кажется, что она даже не может говорить. Двадцать гигантских механизмов полных силы и нетерпения переплелись в ней, заменив собой ее бестолковую суть. И сейчас она смотрит на мир их анализаторами.

Игла под управлением Бо распахивает ворота нашего ангара, и помещение заливают нервным светом случившейся час назад ночи. Мэтт разворачивается вслед за пробежавшими в сторону еще оживленной улицы ПАУКами: Птицеедом, Вдовой и Таром – и делает первые шаги. А я наблюдаю, как за его спиной девятнадцать ГНОМов перестраиваются в шахматном порядке. Их движения легки и точны, как танец. По экрану портативного компьютера Тэми ползет трещина. Но она этого не замечает. Слепленная потоками информации и ощущениями от двадцати нервных систем не синхронно двигающихся подопечных, она ведет их вперед. А я покрепче хватаюсь за держащую меня систему серьги... Потому что мне, наверное, еще никогда в жизни не было так страшно.

Словарь терминов используемых при установлении связи между КВИПом и человекообразным роботом.

Лассо (Бросок Лассо) – технология экстренного перехвата связи канала КВИПа с роботом. Команда выполняется при необходимости срочной смены водителя без прерывания выполняемой деятельности роботом и согласования удовлетворения технических характеристик канала принимающей на себя управление стороны. ВАЖНО! Всегда предупреждать водителя, находящегося в момент сцепки с роботом, о Броске Лассо во избежание слишком резкого разрыва связи и получения психофизических травм различной этиологии.

Констанс-Тикку утра 13/03/2570 год 06:12 Душевая станции техобслуживания человекообразных роботов №7.

Тэми

Тела нет... вода, льющаяся из тронутой ржавчиной лейки душа плюется брызгами и обжигает холодом, проносясь сквозь волны взбудораженных нервных систем мягкими прикосновениями, но нисколько не помогая... Тела нет... Но я помню, что оно у меня было. Впрочем, возможно это неправда, и я лишь часть операционной системы, которая отчаянно виснет от перегрузки где-то на сервере или мне для адекватной работы и исполнения своих функций просто не хватает мощности...

Душевая вокруг меня грохочет водой и другими телами, что отчаянно пытаются от себя отмыть эту бесконечно липкую от страха ночь. Но... даже закрыв то, что раньше у меня называлось глазами, я вижу безнадежность этих попыток. Свершившееся, ставшее фактом, возможно отмыть с поверхности кожи вместе с застывшим потом и грязью. Но нереально выколупать из памяти... Хотя каждый из нас сейчас мечтает об этом...

Ледяные струи изо всех сил стучат своими искристыми кулачками в мою черепную коробку, заставляя и без того вялые мысли спотыкаться на каждом шагу, подволакивать конечности и сумбурно цепляться друг за друга, мешая делать вдохи... выдохи почему-то даются проще... Пытаюсь запрокинуть лицо... Но выходит как-то не очень удачно... Где-то в глубине оживают призраки прошлого и принимаются болтать со мной на родном языке, по которому я, если честно, очень скучаю... Местные речевые алгоритмы для меня, как вязкая клейковина, которой забиваешь себе глотку в надежде утолить информационный голод, а в результате давишься каждым слогом, что с трудом продирается через сведенную судорогой гортань.

В стародавние времена, когда люди не умели еще ценить свои жизни так, как мы теперь, существовало поверье, что, когда умирает хороший человек, небо начинает плакать дождем, оповещая вселенную о том, что настало время скорби. И так чертовски несправедливо, что единственное плачущее по утрате ГНОМа якобы небо – это душевая комната на станции обслуживания гигантских роботов... Это ужасно нечестно... Душераздирающе... Вам никто никогда этой правды не скажет, но КВИПы знают, что роботы лучше людей... А уж когда мы своими руками убиваем ГНОМа только потому, что его хозяин считает дешевле купить нового, чем оплатить ремонт того, кто оказался под завалами и искалечен камнями и рухнувшими балками...

Мой резкий выдох тонет во вспышке воспоминаний.

Химический маркер со скрипом чертит на моем шлеме порядковый номер. И я понимаю, что это не стоящий рядом Йоси, который пытается сообразить, как именно опустить механи-

ческое прозрачное забрало защитного шлема, а Элли, который непонятным образом оказался рядом с нами с какими-то бумажками в руках и пачкой химических флуоресцентных маркеров.

– Девять! – кричит Эллиот сквозь скрип отодвигаемых ГНОМами валунов и лязг выпрямляемых балок. – Это твой номер порядковый! Понимаешь?! Повтори, если услышала!

– Она не может разговаривать! – Голос Йоси полон осколков едкости и надменности, – на ней двадцать машин, которые она контролирует. КВИПы их еще не добрались до шахты.

– Она хоть что-то понимает? – Элли растеряно оборачивается на старшего Сурама, – осознает, что вокруг происходит?

Йоси вдруг делает шаг ко мне и встревоженно заглядывает в лицо.

– Надеюсь, что да. Но точно сейчас никто ничего тебе не скажет. По моим данным, мозг ее пока справляется. Но «рукав» у нее уже на ладан дышит.

– А что будет если он сломается окончательно?

– Калибровочная пластинка в виске отрубит ее от всех роботов одновременно. Система безопасности...

Их разговор вибрирует во мне резонансом, заставляя подконтрольных мне ГНОМов делать рваные резкие движения, отзывающиеся в моем костяке вспышками дрожи и простреливающей боли. С усилием прижимаю язык к пересохшему нёбу, заставляя Мэтта включить голосовую связь и оторваться от процесса бурения особо крупного камня в верхушке завала.

– ДЕВЯТЬ! И ЗАТКНИТЕСЬ ВЫ МНЕ МЕШАЕТЕ! – электронный голос его звучит надсадным рыком, заставляя Йоси отшатнуться, а Эллиота присесть от неожиданности.

– Ну в общем-то логично... – чуть слышно себе под нос бормочет старший Сурама, кивая напуганному учителю, – двадцать нервных систем рвут ее на части. Ей сейчас даже чуть заметный ветерок, как пощечина...

Звук бьющегося стекла в моей голове сплетается с грязной руганью Рона, и моя переносица вспыхивает огнем...

Оборачиваюсь на бессвязную брань, но сознание вновь уплывает.

Крохотная щель меж валунов, результат почти часовой работы Мэтта, Птицееда и Забияки, в которую собирается пролезть первый человек с осветительными шарами будто рвется на части, откликаясь на жесткий рывок одной из систем. И я будто с размаху влетаю в хрустальную стену, ощущая, как ее осколки проникают под мою кожу пчелиными жалами, мешая дышать, осознавать и видеть... Что-то вязкое и горячее касается губ, щекоча их и заставляя облизнуть.

Вопль Йоси: «Рон, твою мать, ты тут всех убить решил?! Кто кидает Лассо без предупреждения при такой нагрузке на систему? Ты хочешь, чтобы сейчас всех ГНОМов размотало?» помогает мне поднять руки и попытаться стянуть шлем, чтобы глотнуть кислорода.

– Стой – стой... – Сурама пытается отцепить мои пальцы от забрала, – не поднимай... Концентрация газа нехорошая... Да не дергай ты... Ой, черт... Подожди, сейчас...

Его жесткие ледяные пальцы царапают мне подбородок, помогая избавиться от защиты. И я невольно принохиваюсь к ним, даваясь тем густым и липким, что течет мне по лицу. Все еще находящийся на периферии моего зрения Элли протягивает Йоси бумажные платки, крича в рацию что-то про кровь и то, что «рукав» пока еще жив...

Но в этот момент Забияка с Мэттом наконец-то отваливают в сторону несколько валунов, и Вдова просачивается в завал, используя свои мощные гидравлические лапы, как распорки, расширяя проход. И роботы ловят мой сигнал: вперед...

–Тэми... – Голос Стефани долетает, как шепот из другого мира, и я обнимаю себя за покрытые гусиной кожей плечи, – я выключила воду. Ты уже вся синяя просто...

Открываю отяжелевшие глаза, но вижу лишь Паприку, что сжалась под все еще лупящими по ней горячими струями душа и беззвучно рыдает, кусая саму себя за угловатые нежные коленки... И я чувствую, как ей плохо... Но то, что случилось пару часов назад, было в разы хуже.

Мэй вывернулась из-под бетонной балки угрем под счастливые вопли испереживавшегося Кристиана, стоило Джейсону вместе с Мэттом надавить на собранный ими же рычаг из обломков каких-то рельс и камней... Она отделалась трещинами в корпусе и таким вывихом здорового коленного сустава, который восстанавливается за пару часов работы резаком и сваркой.

Конкурта и Урфина, лишившихся анализаторов и раздробивших себе правую руку и левую ногу соответственно, уже эвакуировали на поверхность, на радость подоспевшим КВИ-Пам. Под завалами в свете мигающих шаров оставался только наполовину торчащий из каменно-железных руин Лэйнс, что успокаивающе цвиркал своему КВИПу Лукасу, который носился вокруг его головы и пытался спасти пока еще наполовину работающие анализаторы.

Паприка, покусывая пухлые губы, запустила в создавшуюся ловушку своих микроскопических паучков, которые могли просканировать завал и оценить первичный ущерб, нанесенный самому старому ГНОМу, что на данный момент работал и обслуживался на нашей базе. Сам Лукас диагностировать состояние своего подопечного не мог. Защитная система Лэйнса сработала на ура, отгородив кибернетического водителя от любых побочных эффектов их связи...

– Ну что? Ну как он? Ну что ты скажешь? – Лукас тараторил без умолку, протирая тряпкой уцелевший голубой участок анализатора и пинцетом поправляя выбившиеся из головы ГНОМа проводки.

– Эээх... – Паприка с сомнением прицокивает языком и качает головой, – в счастливый день с конвейера сошел. Семь пробоев корпуса. Три сквозных. Плюс засел он плотно. Всю нижнюю часть его придется заменять на заводе. Но он жив. И в принципе, если мы его аккуратно освободим и выпилим балки, что его насквозь пробили...

– Тогда надо заказать резаки побольше. С этими, что у нас здесь, мы еще сутки проводимся, – Софьян, перепачканный угольной пылью и машинным маслом, как шахтер, откидывает назад взмокшие волосы, – перекинь эту информацию на поверхность и отправь запрос на оборудование.

– Уже... – фыркает Паприка, краем глаза наблюдая, как Бо заставляет своих ЭльФов Спицу и Иглу укреплять и без того хлипкий каменный свод специальной пеной, – велят подождать. Там какие-то переговоры с владельцем Лэйнса идут...

– Что? Какие еще переговоры? – Лукас почти подпрыгивает, высекая искры пинцетом по обшивке Лэйнса.

– Не знаю. О, подожди... Попросят громкую связь включить... – она нажимает на «рукаве» пару кнопок, выворачивая громкость на максимум.

– Всем меня слышно? – голос Карлоса Олесски, директора ремонтной базы, на которой мы работаем, и нашего непосредственного и неоспоримого начальника врывается в душное на ладан дышащее подземелье драконьим рыком. – Хорошо. Только что было принято решение о завершении спасательной операции на шахте № 16. Всем людям и машинам требуется срочно подняться на поверхность. Существует опасность новых обрушений.

– А... как же Лэйнс? – растерянный голос Лукаса дрожит так, что у всех бегут мурашки.

– Лукас... – голос меняется, и я невольно узнаю в нем аристократа-промышленника Ирвина Доуста. В голову некстати лезут факты его биографии и редкостное здравомыслие в плане ведение бизнеса, но я лишь отмахиваюсь от них, – Лэйнс, согласно данным, что были присланы Паприкой Йа-Йа, находится не в том состоянии, чтобы его спасение оказалось бы целесообразным. Он из второго поколения ГНОМов, в то время как на подходе разработка уже восьмого. Детали на него крайне редки и стоят уже дороже, чем он сам. Было принято совместное с мистером Олесски решение отключить Лэйнса.

– Нет... – обычно очень звонкий, даже визгливый голос Лукаса садится так явственно, что всем становится не по себе, – ну так же нельзя. Он живой. И у нас есть запас деталей.

Я специально его делал на всякий случай. В крайнем случае я могу попробовать пересадить на него несколько деталей из роботов третьего поколения. Такие остались в Ново-Азиатской колонии...

– Лукас, – произносит Ирвин Дууст еще более сурово, и у меня от этого в горле щиплет и хочется спорить и кричать. Но право голоса на самом деле есть только у владельца, – ты на нем десять лет отработал. А до тебя его двадцать пять лет водил твой отец... И я понимаю, как тебе тяжело. Но ты должен его отключить. Своим упрямством ты подвергаешь опасности не только Лэйнса и себя, но и других КВИПов, что остаются с тобой под завалами в надежде откопать эту механическую древность и попытаться восстановить... В конце концов... Лэйнс просто механизм... Подумай о людях, замену которым найти намного сложнее, чем устаревшей машине... Разговор окончен.

Я видела, как Кристиан, медленно выводивший Мэй к выходу из шахты, замер и хищно обернулся. Как посерела Паприка. Неверяще уставились в одну точку Рон и Стефани. Неловко дернулся Бо, явно теряя связь со своими Эльфами... А я просто пыталась осознать происходящее... Мне казалось что все мое естество вдруг треснуло неровной уродливой паутиной и заболело, как от ожога...

– Я понял... – Лукас улыбается так, что у меня волосы на руках встают дыбом, – мы сейчас поднимемся...

Он подходит к Лэйнсу на негнущихся ногах и зажатой в руке тряпочкой снова протирает анализатор, что окутывает его нежным голубоватым светом узнавания и, как мне кажется, прощения.

– Все хорошо, Лэйнс... Я с тобой... я рядом... – кривая улыбка его горчит настолько, что у всех в горле стоит комок, пока он в командной строке вбивает код из одиннадцати чисел, знаменующий окончательное отключение подачи питания ко всем системам. И отключение от центрального сервера. «Рукав» его пищит вопросом подтверждения команды. И я смотрю, как он склоняется губами к мягкому свету, что смотрит на него со всей любовью, которая есть в этой вселенной... И по ним я читаю: «Засыпай...»

Когда мы поднялись на поверхность через тридцать минут, по лицу Ирвина Дууста было понятно, что он все-таки слышал тот неконтролируемый звериный вопль, что бесконечно рвался из Лукаса после того, как единственный уцелевший анализатор Лэйнса окончательно померк... Сам же Лукас обездушенной пустоглазой куклой лежал на руках у Софьяна...

Злиться, высказывать что-то, доказывать... никто не мог ничего... всем хотелось просто лечь и ничего не чувствовать. Но я лишь ощущала, как снятые с меня роботы уходят со своими КВИПами и проваливались в неосознанную невесомость.

Сухой щелчок возле уха заставляет поморщиться. В то время как кто-то грубо пытается задрать мне подбородок. Уворачиваюсь от слишком горячих рук и вижу, как Бо легко подхватывает на руки все еще трясущуюся в истерике Паприку. Он тащит ее в сторону угла отдыха в пультовой, и все понимают, что третья полка многоярусной кровати теперь занята и это надолго.

Раскаленные пальцы сжимают мой подбородок тисками, и я слышу ругань Уилла, который явно хочет осмотреть мне нос. Ярость оживает во мне незнакомым пожаром, заставляя впиться зубами в первое, что под них подвернулось. И Уилл с ужасом отшатывается от меня, зажимая явно прокушенную ладонь второй рукой... Металлический вкус на языке отрезвляет меня настолько, что слова выпрыгивают сами собой...

– Не прикасайся ко мне... мне больно... – И сплюнув скопившуюся кровавую слюну в угол, пинком открываю дверь на тестировочную трассу, где на зарядке дремлют ГНОМы...

Мне нужен Мэтт. Чтобы он протянул свою огромную бронированную ладонь и погладил бы меня по скуле... Я видела, как однажды Кристиан так гладил свою эту Падму, и та сияла от счастья... Вот и я так хочу. Сиять от счастья. А не чувствовать, как пустота после ухода

ГНОМов, к своим водителям раздирает меня изнутри... Сиять от счастья и ничего не чувствовать... Две противоположные программы... Не сработает. Или вызовет кучу нарушений протоколов и повесит к черту всю систему... Мне неважно. Теплый свет анализаторов Мэтта касается меня, заставляя закрыть глаза. Я не заметила, как подозвала его... И его огромная в бесконечных следах сварки бронированная ладонь едва ощутимо касается моей щеки пачкая, судя по всему, угольной пылью и какой-то еще дрянью... Но их прохладная неторопливость обманывает меня настолько, что мне кажется, будто я узнаю чьи-то живые пальцы... Но только вот вспомнить чьи они – мне явно не судьба...

ГЛАВА 5

Вырезка из ежедневной утренней газеты Тикку-Ньюс от 15/03/2570 года

Правительством города Констанс-Тикку в первом чтении с перевесом в 25% голосов был принят закон о «Статусе полноценного не модифицированного человека». Согласно данному закону вводятся ограничения на допустимое количество вживленных искусственных систем в тело человека до 20% от общей массы тела. Закон имеет оговорку, что превышения данного числа возможны только в случае доказанной необходимости модификации для сохранения полноценной функциональности организма и качества жизни. В других случаях права подобных субъектов будут ограничены на законодательном уровне. Закон вступает в силу с 20 марта 2570 года...

Констанс-Тикку 16/03/2570 год 10:20 Кабинет генерального директора Карлоса Олесски станции техобслуживания человекообразных роботов №7.

Уилл

Мой сын, который в свои пять лет виртуозно ставит уколы своему любимому плюшевому еноту, не пойдет по моим стопам. Я думаю так после каждого мелкого происшествия на базе. Я успокаиваю себя тем, что он еще слишком мал, чтобы всерьез думать о карьере врача, и стараюсь в это верить. Получается не очень. Но после происшествия на шахте три дня назад, я решил, что если Йенс только рискнет посмотреть в сторону медицины, то куплю ему электрогитару, мотоцикл и научу, как воду, пить спиртные напитки, градус которых стремится к взрывоопасной высоте. Все что угодно, только не медицина. И не работа с КВИПами...

Когда я одноклассникам своим бывшим рассказываю рядовые истории с работы, они искренне не верят мне, что эти «около люди», как их часто называют противники вживления дополнительных нервных систем, в принципе, совершенно адекватны.

Потираю отчаянно чешущуюся от заживающих швов ладонь. Да, нормальные люди не кусают тех, кто пытается проверить, почему идет кровь из носа во время чудовищной физической перегрузки. Не выпивают залпом из горла двухлитровую бутылку коньяка, отчаянно давясь и кашляя, и поминая при этом свою Бусинку нежными словами, которая эту самую бутылку положила убегающему со свидания мужу в сумку на всякий случай. Не посылают матом, когда пытаешься запихнуть пусть и вдвоем в рекреационную камеру, на Ново-Азиатском языке угрожая сломать руки и ноги, если ты не отойдешь от их третьей полки на двадцать метров. И еще целый список чего не делают...

Но на их глазах убили ГНОМа и фактически его КВИПа. И я, признаться честно, ждал куда более бурной реакции.

Впрочем, реакция случилась у Карлоса Олесски, который, на мой взгляд, удерживается на своем посту только благодаря страшному упрямству. Будь моя воля, я бы этого сорока трехлетнего рано поседевшего мужчину отправил бы на пенсию, не дожидаясь четвертого инфаркта. А судя по той капельнице, что я сейчас устанавливаю ему в жилистую смуглую руку, испещренную бугристыми шнурами пульсирующих вен, он у Карлоса не за горами.

– Сейчас полегчает... – машинально отщелкиваю пластиковый трезубец жгута и закрепляю иглу веселеньким пластырем с красными морскими звездами и желтыми шипастыми рыбами-шарами. Йенс, похоже, опять играл в мою работу и оставил мне в подарок набор детских развеселых пластырей вместо обычных, на его взгляд слишком скучных, чтобы помогать выздороветь.

– Спасибо... – голос Карлоса сух, как и его растрескавшиеся губы, – Ингрид, будь добра, принеси нам чаю. Или кто-то будет кофе?

Сидящие на другом конце его длинного овального стола Дэни и Йоси Сурама отрицательно качают головами, явно избегая даже поворачиваться в сторону секретарши, терпеливо ожидающей указаний у входа в зал заседаний. И я их понимаю. Сам ее боюсь. Ингрид молода, прекрасна, благодаря усилиям десятков пластических хирургов, и сурова настолько, что Йоси в ее присутствии не рискует открывать рот совсем. Мне кажется, когда она, размеренно цокая каблуками, проходит за его спиной, его инопланетные глаза начинают слегка косить.

– Доктор Уильям, вы разрешили мистеру Карлосу чай? – она поворачивается ко мне, поджав несколько карикатурные в своей пухлости губы и чуть уведя остренький подбородок в правый бок.

– Д-д... Угу... – от ее взгляда мне хочется поправить галстук и проверить, застегнута ли у меня ширинка.

– Что ж... Захватчу вам печенье... Из злаков... Без сахара... – неторопливо припечатывает она, открывая дверь, отчего братья Сурама явно выдыхают с облегчением, а Дэни перестает выглядеть так, будто он в любой момент готов нырнуть под стол.

– Не женщина, а мечта... – восхищенно улыбается Карлос, откидываясь на стуле...

– Скорее уж бульдозер в юбке... – чуть слышно бормочет Йоси, открывая принесенную с собой папку с каким-то расчётами и данными.

– Ты еще молод, – директор вполне добродушно качает головой, – Ии не понимаешь, что для этой должности Ингрид – настоящая находка. Ладно, к делу. Начнем с тебя, Уилл. Прошло три дня. Меня журналисты и власти на части рвут, требуют комментариев о произошедшем. Не сегодня завтра до КВИПов доберутся. Мне надо понимать, в каком они состоянии и насколько можно к ним подпускать людей.

– Ну что сказать... – поправляю ему колесико капельницы, чуть уменьшая скорость вливания лекарства, висящего на стоящей за спинкой его кресла вешалке, – с Лукасом все плохо. Но это ожидаемо. Не ест, не пьет, не разговаривает. Смотрит в одну точку. Стандартное поведение при потере подопечного. При смерти подопечного КВИП теряет один канал связи, на который обычно цеплял его к себе. А это равносильно полноценному отмиранию нервной системы, хоть и искусственной. Но водители их не отличают от родной... Шансы на восстановление у него высокие. Это его первый потерянный робот, но вот сколько времени это займет – никто никогда не знает. Будем надеяться, что за год справится...

– Мда... – Карлос напряженно пожевывает нижнюю губу, – повезло, что он один такой... Могло быть четверо...

– Да, могло, – невольно сжимаю кулаки и хмурюсь, – но признаться честно, повторись вся эта ситуация снова, я бы все же запретил КВИПам эту спасательную операцию. Я свое мнение не поменял. Это безответственное ребячество.

– Ага, конечно... – откровенно фыркает Карлос, качая головой, – ты для начала заставь их себя хоть в чем-то слушаться...

– Можно подумать, что твои приказы они бегут исполнять, задрав штаны... – отбиваю я, – что с них взять... Это ж КВИПы... У меня такое ощущение, что их отбирают не по принципуб «лучшие интеллектуальные и физические показатели плюс психологическая устойчивость», а по шкале, где на старте «чувство самосохранения теоретически есть, но не работает», а на финише «полное бесстрашие и ярко выраженный мазохизм»...

– Тоже верно... – справедливо машет рукой Карлос, – как она, кстати?

– Кто?

– Девчонка Ирта... Ты ее обследовал?

– Пытался... – насмешливо демонстрирую ему свежую повязку на руке, – со второй попытки даже удалось проверить ей нос и сосуды мозга. Вообще, я после этой ночи всех погнал на медосмотр. Результаты надо сказать, полны сюрпризов...

– Хороших, надеюсь...

– Ну в общем, обнадеживающих... – я наблюдаю, как вошедшая Ингрид ставит перед встрепенувшимися Сурама чашки с зеленым чаем, – хуже всех в психологическом плане себя чувствует Рон.

– Рон?? – у Карлоса брови ползут вверх несколько забавно: левая оказывается намного выше правой.

– Его Забияке уже двадцать лет. Теперь он боится, что случится какая-то очередная катастрофа или сложная поломка, ему прикажут ГНОМа отключить. Остальные его подопечные немногим младше Забияки...

– Хм... Ну опасения небезосновательные... – Олески с благодарностью во взгляде забирает у секретарши свою чашку с чаем, – но преждевременные явно.

– Паприка теперь часто плачет. Но она эмоциональная от природы, – делаю глоток чуть горьковатого чая и с наслаждением откидываюсь в кресле, – а Стефани через несколько месяцев пойдет в декрет.

– Опять??? Это который уже раз?

– Четвертый...

– Напомни мне не брать больше на работу КВИПами женщин... – почти стонет Карлос, потирая лоб.

– Не преувеличивай... С ними обычно проблем в разы меньше...

– Издеваешься, да? – фыркает Карлос, шумно отхлебывая чай, – ты хоть представляешь вообще, во что мы вляпались с юридической точки зрения из-за этой гиперактивной девчонки Ирты и около подпольных экспериментов ее муженька? Нет? А я тебе расскажу. По новым законам о трансплантологии и робототехники в Констанс-Тикку людям для сохранения статуса полноценного человека со всеми правами и обязанностями нельзя иметь в организме более двадцати процентов искусственных или каким-либо образом модифицированных органов. Приняли на той неделе не без помощи мужа нашей экспериментальной Ирты. Зачем, кстати, совершенно непонятно. Раньше эта цифра составляла двадцать пять процентов. По всем документам мы проводим, что у КВИПов с их искусственными позвоночниками и дополнительными нервными системами этот процент – двадцать, просто чтобы не было юридической лишней возни и проблем у КВИПов. Но по факту все эти модификации в процентном соотношении колеблются от 28 до 35. Это из расчёта на семь систем. А теперь представь себе какой у нее будет этот процент, если только активных у нее 22 штуки.

– По факту сейчас она вне закона, как человек, – голос Йоси звучит усталым равнодушием, – мы с братом изучали данный вопрос все эти дни. Технология, использованная в ее случае, не прошла проверку и была признана нецелесообразной для дальнейшей работы с КВИПами. Материалы, из которых выращиваются дополнительные нервные системы в этой технологии с одной стороны намного тоньше стандартных и имеют лучшую проводимость, но такое, как бы сказать... проращивание... может иметь массу побочных эффектов. Влияние этого недавно открытого элемента «свидия» на организм человека слишком мало изучено. По идее он не разлагается и не вступает в химические реакции с кровью и остальными составляющими человеческого тела. Но никто не гарантирует, что какие-то неприятные сюрпризы от этого элемента не начнутся лет через десять или пятнадцать... Значит то, что у нее они

не наблюдаются, это просто вопрос ее фантастического везения... Впрочем, таким идиоткам часто везет...

– Так нельзя говорить, Йоси... Это плохое слово... – Дэни укоризненно смотрит на брата.

– Меня уже завалили из всех щелей вопросами: как такое возможно, что один КВИП ведет двадцать роботов одновременно, когда всем известно – больше пяти тащить на себе не реально, – Карлос стучит пальцем по серебристой кромке своей чашки, – откуда узнали только, прохвосты...

– Лично у меня другой вопрос, – неожиданно бодро вступает Дэни, – Тэми работает на станции шесть лет. И все знали, что нервных систем в ней больше, чем в остальных... Так почему никого не смутило, что при этом на ней стоит стандартный «рукав», который просто не способен отрегулировать работу всех этих нервных систем корректно?

В повисшей тишине карандаш, которым он стучит по краю папки с данными, звучит вызывающе грубо.

– Нет, вы не подумайте, я с себя ответственности не снимаю сейчас, – продолжает Дэни, окидывая всех тяжелым взглядом темных глаз, – это моя специализация и мой вопрос. И то, что я не поднял эту проблему раньше, это только мое упущение...

– Дэни, – Карлос добродушно поднимает руку, заставляя младшего Сурама перестать частить словами. Надо сказать, что общаться даже с несколько особенными сотрудниками наш генеральный умеет просто великолепно. – Ты не один состоишь в отделе. Поэтому не бери весь груз на себя. Тэми начала работать раньше тебя. Ты не занимался подбором оборудования для нее. Только обновлением программ. А это не дает полной картины происходящего в компьютере или возможностях самого КВИПа.

– Я разобрал тот, что был на ней в ночь аварии, – Дэни расслабленно выдыхает, явно чувствуя облегчение от перехода на свою тему, – проверил программы, что стояли на нем...

– И что в результате?

– Он ей не подходит. Вообще. Но в этом конкретном случае сработал как защита на все сто.

– В каком смысле? – невольно подаюсь вперед.

– Эм... «Рукав» позволяет синхронизировать человека и робота, но не только. Еще он регулирует восприятие информации человека от родной нервной системы в сочетании с дополнительными.

– Ты решил нам прочитать базовую лекцию с первого курса робототехники? – добродушно ехидничает Йоси, но брат не обращает на него внимания.

– Слишком большое количество искусственных систем влияли на адекватность работы «рукава». Когда в эфире слишком много информационных помех, срабатывает программа защиты человеческого мозга от перегрузки. Говоря простыми словами, «рукав» здорово тормозил Тэми в плане восприятия и адекватной оценки своих ощущений.

– Хочешь сказать, он делал ее безэмоциональной и глупой? – от такой перспективы мне захотелось себе поставить ту же капельницу, что уже есть у Карлоса...

– Ну это слишком грубо сказано, – младший Сурама дергает носом, – нет. От него она не тупела. Да и утверждать, что она не испытывает эмоций, я не могу. Даже я вижу, что она все чувствует и воспринимает более или менее адекватно. Но скорее всего она живет, как во сне. Когда спишь, ты так или иначе угадываешь, что все вокруг нереально. Потому что тебе вроде радостно или страшно, но в полной мере тебя это не трогает. Поэтому ту чудовищную перегрузку она и перенесла без потерь. До нее просто большая часть подаваемых роботами сигналов о своем дискомфорте или проблемах просто не доходила. «Рукав» отрезал их, как помехи в программе.

– Мда... – мы с Карлосом неуверенно переглядываемся, – действительно нечеловеческое везение...

– Сейчас у нее стоит такой же «рукав», как был все время. Ей выдали замену, вместо треснувшего.... Но ей нужен совершенно другой компьютер с программами, которые позволят ей адекватно жить и чувствовать.

– Дэни, а хуже не станет? – с сомнением сцепляю пальцы в замок, – Сейчас она прекрасный диагност. Не конфликтная... Спокойная... Что если с новым «рукавом» она перестанет справляться?

– Не перестанет, – отрезает Дэни так, что Йоси с удивлением косится на него, – все те же защитные системы я на нем установлю. Ее может немного покидать из крайности в крайность пару недель в эмоциональном плане, но не думаю, что ее нордический характер позволит себе ярко это проявиться. «Рукав» с моими программами поможет Тэми нормально работать и быть собой. Или вам больше нравится перспектива иметь в штате покорного зомби, лишь бы проблем не создавал и с обязанностями справлялся?

Невольно сглатываю от звука его тона. Мне впервые в голову приходит мысль, что из всей тройки Сурама самым опасным может быть не взрывной, довольно грубый и нетерпимый Йоси, а мягкий и даже ласковый с виду их самый младший брат, вот уже пару лет стоящий на пороге перехода в третью стадию синдрома Ловца Муз...

Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней. Раздел: Неврология. Синдромы и расстройства, не приводящие к инвалидности

Первый этап Синдрома Отложенной Гениальности (Синдрома Ловца Муз) длится приблизительно до 18 лет и характеризуется следующими симптомами:

Психологическая уязвимость/плаксивость

Склонность к доскональному копированию поведения старших родственников вследствие неспособности принятия решения в выборе плана действий в непривычной ситуации

Болезненная привязанность к одному или нескольким членам семьи

Трудности в распознавании собственных чувств при общении с малознакомыми людьми и, как следствие, снижение коммуникативных способностей

Инфантильность

Повышенная акцентуация на деталях

Высокий уровень интеллекта

Слабо выраженные проблемы мелкой моторики (неправильно держит ручку, ложку, с трудом завязывает шнурки), которые при определенных тренировках практически исчезают.

Констанс-Тикку 16/03/2570 год 11:30 Пультовая станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Софьян

Хорошая вещь время... Что бы ни происходило, оно умудряется заставить людей делать следующий вдох, шаг и постепенно закручивает их в рутинных делах, позволяющих почувствовать, что жизнь продолжается... Пока она еще горчит утратой в неуклюжих движениях и кривых ухмылках коллег... Но моя смена подходит к концу. Джейсон сияет намаасленными суставами и подцвиркивает странный мотивчик, отдыхая на зарядке, и я невольно наблюдаю за окружающими.

Дверь в небольшой ангар, где мы обычно занимаемся сваркой и резкой по металлу приоткрыта, и оттуда несет паленым и раскаленным железом. Кристиан уже несколько часов занимается восстановлением искореженных деталей для фаланг пальцев Конкурта. Светлые волосы его взмокли от пота и торчат дыбом во все стороны. Защитная маска его подрагивает от напряжения, что все еще живет в нем. Но раз Кристиан увлекся железными пазлами, значит он постепенно приходит в норму.

Сидящий в соседнем кресле Бо с опухшим лицом от перепитого в последнее время кофе, отчего его узкие глаза вовсе стали щелочками, лениво ползает по страницам интернет-магазина. Он ищет необычные формочки для леденцов. Одно из многих странных его хобби, которым он и покорило сердце Паприки, – изготовление фигурных разноцветных леденцов в виде животных, рыб, насекомых и прочих несъедобных вещей...

– Что думаешь? – Бо поворачивается ко мне, показывая форму в виде слишком упитанной свинки.

– Может еще поищешь? – вяло откликаюсь я. Свинка не вызывает аппетита от слова совсем. Уж больно карикатурная и от этого грубая...

– Да? Хм... – средний Сурама прищуривается, отчего глаза вовсе исчезают с его белокожего лица, – а мне понравилось...

– Тогда покупай, – улыбаюсь ему, но он закрывает страницу с этим товаром и принимается снова листать ленту.

– Я тебе доверяю, у вас с Паприкой похожий вкус... – вздыхает он, встряхивая белоснежными прядями, выбившимися из низкого хвоста, – в плане конфет, имею ввиду...

– Я так и понял... – вытягиваюсь в кресле, забрасывая руки за голову.

За нашими спинами шуршащей тенью передвигается Тэми, снимающая с нижней полки стеллажа ящики с проводами. В последнее время в них царит полный хаос, и она решила разобрать их по размерам. В такие моменты она напоминает мне кошку, что играет с клубками шерсти. Но этот безмерно скучный довольно долгий процесс почему-то всегда настраивает ее на легкий смешливый лад.

– Всем привет, – вошедший в пультовую Дэни машинально дает пять старшему брату и направляется прямо к Тэми, сидящей на низенькой табуреточке в наушниках на голове и с размерным сканером в правой руке. – Пойдем, я договорился со Стефани, чтобы она просканировала твои искусственные нити бессчетные, и сказала бы мне точно, что и в каком объеме в тебе на данный момент есть.

– В смысле? – Тэми стягивает с головы наушники и непонимающе смотрит на Сурама. – Это еще зачем?

– Затем, что мне нужны твои точные данные, чтобы написать новую программу и сконструировать нормальный для тебя «рукав».

– Но зачем? – она растерянно улыбается, поднимая левую руку, – у меня же есть новый. Ты мне его сам выдал.

– Он тебе не подходит. Я был на совещании у генерального. Принято решение, что тебе нужен компьютер, собранный по индивидуальному расчёту и дизайну.

– Но...

– Твоего мужа и тех, кто занимался твоим проектом, поставили в известность. Они признали за собой техническую ошибку. Поэтому нам дали полную свободу действий.

– Мой муж сейчас в Лупи-Нуар... – отмахивается Тэми, сканируя очередной провод и откладывая его в коробку к другим того же размера.

– Да... Но телефоны там прекрасно работают, – Дэни упрямо подбоченивается и, явно сделав над собой усилие, отбирает у нее сканер, заставляя посмотреть на себя, – так что пошли к Стефани, пока она не собралась домой. Это ненадолго...

– Ей работать еще минимум два часа... И зачем мне нужен другой «рукав», если я и с этим неплохо справляюсь.

– Это вопрос твоего здоровья как психического, так и физического, – Дэни смягчает тон, заглядывая ей в лицо, – тот что на тебе сейчас... Ты и половины не чувствуешь из того, что должна...

В ответ она фыркает с таким надрывом, что мы с Бо невольно оборачиваемся на них.

– Что? – Дэни непонимающе моргает, явно растерянный ее эмоциями.

– Я так понимаю, никто не задумывался даже о том, что я знаю, как именно влияет на меня этот компьютер? – Тэми веселится как-то зло. На дне ее темных глаз живут сонные эмоции, но кажется, что они отрастили острые зубы и когти, – и что это может быть мой осознанный выбор. Не чувствовать.

– Тэми... – я сам не понимаю почему, встречаю в этот разговор, но промолчать сейчас у меня не получится, даже если я кляп себе в рот суну, – мы все расстроены смертью Лэйнса... И ты не одна переживаешь утрату...

– Утрату? – она качает головой, вновь беря в руки провод и осторожно выуживая у Дэни сканер. – Софьян, смерть – это естественное продолжение жизни. Она закономерна и неиз-

бежна. Каждый из нас через это пройдет. Однажды у меня не станет Мэтта. А у тебя Джейсона... В случае с Лэйнсом мне жаль только Лукаса, чье существование сейчас потеряло смысл. Жалеть надо не тех, кто уходит. А того, кто остается и пытается заполнить свою жизнь хоть чем-то. И рано или поздно эта причина жить дальше найдется.

Слышать такое от нее странно. Человек, который взваливает на себя двадцать роботов, рискуя тем самым остаться калекой, и бежит спасать чужих подопечных, несмотря на все запреты, не должен сейчас так равнодушно рассказывать о конечности бытия.

– Ну вот об этом я и говорил... – вздыхает Дэни и неожиданно для всех присаживается на корточках рядом с Тэми, – ты все еще не стабилизировалась после перегрузки во время аварии. Твои дополнительные системы слишком остро реагируют на малейшие раздражители. И «рукав» глушит любые проявления адекватных чувств, принимая их за побочные шумы. Если твою систему не разгрузить, то ты так очень долго в себя не придешь.

– Я в порядке, – она упрямо сжимает челюсти.

Мне хочется возразить, что от порядка она так же далека, как пингвин от ящерицы, но не успеваю.

– Послушай меня, – Дэни осторожно берет ее за руку, заставляя содрогнуться всем телом и попытаться отстраниться, а всех присутствующих замереть в самых нелепых позах, боясь начать слишком громко дышать. На моей памяти это впервые, когда он сам прикасается к кому-то кроме братьев, которые являются для него гарантом покоя и защищенности. Видимо, Тэмили нравится ему намного больше, чем кто-либо из нас мог себе предположить. А это уже может быть реальной проблемой, учитывая наличие у нее столь влиятельного мужа... – помнишь, в тот вечер, когда все произошло, ты говорила, что мне нужен друг. Живой человек, который меня услышит и поймет.

– Отпусти, пожалуйста, мне неприятно... – я замечаю, как она, сморщившись, старается освободить свои пальцы из его едва ощутимого захвата, хотя она никогда не проявляла неприятия прикосновений.

Но вместо того, чтобы отпустить ее, Дэни осторожно поглаживает ее костяшки большим пальцем, и глаза Тэми вдруг наполняются усталостью.

– Я хочу, чтобы ты была моим другом.

И мне вдруг становится страшно вспугнуть эту невесомую связь, что призрачной паучьей ниткой повисла между Тэми и младшим Сурама.

– Я хочу тебе помочь не потому, что с тобой что-то не так, и вознамерился это исправить согласно регламенту. И не ради интересного проекта. И уж не для того, чтобы выяснить, на что еще ты будешь способна, живя в полную силу. Я делаю это только для тебя. Я хочу, чтобы тебе стало немного легче. Потому что, возможно, могу и сам почувствовать, как это все не просто.

Наблюдаю, как она разглядывает его пальцы, мягко касающиеся ее худых, кое-где покрытых пылью ладоней. Что-то невероятно личное и одновременно с этим трогательное происходит между ними.

– М-м-м, ладно... – она согласно кивает и вслед за ним поднимается на ноги. Дэни распахивает перед ней дверь в короткий коридор, ведущий в епархию Стефани и ее диагностических компьютеров и программ.

С минуту стоит такая тишина, что мне мое дыхание кажется каким-то иерихонским ревом.

– Кхем... – Бо явно пытается подобрать слова, покусывая кончик языка, – не думал, что скажу такое когда-то... Но или сейчас случился какой-то нереальный прогресс у Дэни, или моего брата похитили инопланетяне, а тут его копия ходит...

– Не знал, что он такой дамский угодник. И что он вообще может интересоваться противоположным полом... Я вроде читал, что такие, как он, влечения вообще не испытывают...

Или это байки, а, Бо? – почесывая бороду, хмыкает Рон, который все это время валялся на самой нижней полке многоярусной кровати и притворялся спящим.

– Ну вообще-то у нашего прадеда с тем же синдромом есть дети. Его рано женили на нашей прабабушке. Ему лет девятнадцать было или около того, и свою жену он знал, считай, с горшка. У них родились две дочери. Но это случилось до того, как он нашел свою «Музу». Как только он встретил того, кто стал его вдохновителем и раскрыл его гениальность, интимная жизнь полностью закончилась. У таких, как Дэни или наш с ним прадед, в этом плане выбор невелик: либо секс, либо гениальность. Исключения, конечно, бывают: у некоторых эта функция частично сохраняется, но это случай один на миллион... Но при этом нельзя сказать, что в своей гениальности при учете наличия рядом «Музы» они хоть в чем-то несчастливы... Скорее наоборот. По рассказам моего прадеда после появления «Музы» его жизнь обрела не просто смысл... Он действительно начал жить...

– Как все сложно... – удивленно качаю головой. Таких подробностей о младшем Сурама я не знал. И эта информация вызывает очень смешанные чувства. – А Дэни вы не подыскиваете невесту, пока есть возможность?

– Он сказал, что не хочет. И отец не настаивает. Нас у него, слава богу, трое... – КВИП улыбается довольно солнечно, поправляя низкий хвост из белых волос. – Ну и потом... Дэни двадцать пять. «Музы» у него нет. Возможно ее вообще не будет, потому что никто никогда не знает, на что именно ловец должен среагировать и понять, что вот это та или тот, кто ему нужен для раскрытия своих способностей. Спусковым крючком к формированию зависимости от человека, который будет вдохновлять, может быть вообще все, что угодно. Да и никто не даст гарантии, что «Муза» согласится со своей ролью. И не станет пользоваться тем, что ради нее ловец на полном серьезе может и мир перевернуть с ног на голову, и с обрыва на скалы прыгнуть, не задумываясь. Честно говоря, мы с Йоси искренне надеемся, что Дэни все же своего человека не найдет. Да, «Муза» помогла бы ему избавиться от практически всех проявлений синдрома, которые у него сейчас есть. И дала бы возможность нереального интеллектуального развития. Но вот та физическая и психологическая зависимость, что приходит на третьем этапе к Ловцам Муз, реально пугает. Ее мало кто способен выдержать из нормальных людей. А мы не хотим, чтобы Дэни причиняли боль, требуя у него ослабить хватку и дать возможность жить и дышать по-человечески. Он просто не сможет это контролировать. Дэни таким родился.

– Он у вас замечательный... – Рон добродушно поглаживает свою бороду. – У него будет все хорошо. Вот увидишь...

Бо собирается что-то сказать, но его прервал осторожный стук в дверь. Переглядываемся. Обычно кто-то из своих в пультовую заходит, распахивая тяжелую дверь с ноги.

– Мы кого-то ждем? – Кристиан появляется на пороге сварочной, задрав на затылок защитную маску.

– Да вроде нет... – пожимаю плечами, копаясь мысленно в расписании сегодняшнего дня, – а хотя подожди... Сегодня новенький должен вроде как прийти познакомиться... Он же в нашу смену заступать должен будет.

– О-о-о... Ну тогда это точно по твою душу, Софьян... – Кристиан закатывает глаза на очередное робкое поскребывание.

Показываю ему комбинацию из трех пальцев и все же поднимаюсь на гудящие от многочасовой беготни по тестировочной трассе и по бронированному телу Джейсона ноги. У нас у всех тут есть негласные обязанности. Чаще всего они основываются на скрытых талантах. Моя обязанность – приветствие новеньких, проведение первичного инструктажа и знакомство с базой.

– Да, иду! – откликаюсь на уже совсем мышиный шорох у двери и распахиваю ее, – Добро... пожаловать?

За дверью никого нет. Пустой коридор смотрит на меня округлыми изредка мерцающими лампами и железным ребристым полом...

– Привет, – бодрый голос доносится откуда-то снизу, и я невольно опускаю глаза, – меня зовут Сандр Дрюмер. Я ваш новенький.

Пока он говорит, я изо всех сил стараюсь удержать приветливое лицо, но стоит Сандру все же пройти в пультовую, как всеобщее удивление поднимается до потолка. В принципе, для КВИПа не так важен рост и объем мускулов, как выносливость. Но глядя на этого откровенно маленького хилого парня, одетого в поношенные кроссовки с ярко желтыми резинками вместо шнурков, обтрепанные джинсы и смешную майку с надписью: «И ПУСТЬ ВЕСЬ МИР ПОДОЖДЕТ», под которой нарисован ядерный взрыв и две черепахи, занимающиеся сексом, даже вечно дружелюбный к окружающим Бо присвистнул...

До этого момента главным задохликом на базе справедливо была Тэми с ее хорошо, если полутораметровым ростом в прыжке, и тонким, почти детским костяком. Сандр едва ли выше ее хоть на пять сантиметров. Худой, жилистый, с какой-то неуверенной полуулыбочкой на вытянутом тонкогубом темноглазом лице, он выглядит настолько несерьезно, что я, если честно, не понимаю, как мне себя с ним вести...

– Приятно познакомиться, – первым оживает Прайс и, стащив зубами защитную перчатку, протягивает ему руку, – я Кристиан. А это Бо, Рон и Софьян. Есть еще Дэни, Паприка, Тэми и Стефани, но они сейчас заняты, так что представятся попозже.

– Мне тоже очень приятно... – он пожимает всем руки, и я с удивлением понимаю, что хватка у него довольно цепкая и сильная.

– Ты местный?

– М-м-м... Нет... – кажется, что он хочет покачать головой, но в результате просто склоняет ее на бок, – переехал три дня назад, сразу после экзамена...

– Тебе у нас понравится, – поднявшийся на ноги Рон, явно планируя пошутить, от души хлопает мальчишку по плечу, от чего тот едва не падает на пол от неожиданности.

– Уже нравится... – он мерит Рона насмешливым едким взглядом и задирает нос с чуть заметной горбинкой.

А парень-то с характером, – невольно проносится в моей голове, когда Рон вдруг отступает на шаг, почуввав градус плотности в голосе новенького, – ростом с клопа, но постоять за себя явно может.

– Думаю, есть смысл сразу сходить к Стефани, – задумчиво тяну я, прикидывая, как бы помягче сместить внимание с возможно зарождающегося конфликта, – она сейчас проводит диагностику Тэми, и заодно протестирует тебя на физические возможности для твоего будущего робота.

– Хорошо... – снова эта странная полуулыбка с убегающим подбородком, – куда мне идти?

– Да мы тебя проводим... – Кристиан вешает рабочие перчатки себе на пояс и стягивает с головы защитную маску, – всем интересно на самом деле, на что ты способен.

– Не думаю, что на что-то выдающееся, но буду рад не проходить это в одиночку.

– Нам туда, – указываю на приоткрытый коридор в кабинет диагностики.

Сандр, стоящий рядом с ним, распахивает дверь пошире, но при этом пропускает нас с Кристианом вперед, чуть склонив голову, и мне невольно становится любопытно, откуда он приехал. Он не похож на жителя окрестных деревень. Да и в детдоме, в котором я воспитывался, куда везли детей со всех окрестных городов, таких тоже не наблюдалось. Несмотря на довольно простой, даже раздолбайский вид и якобы неуверенные манеры, создается ощущение, что будто он скроен из чего-то иного и малознакомого... И это не то, чтобы настораживает, скорее вызывает здоровый интерес.

– Мне не нравится то, что я у тебя вижу... – голос Стефани звучит спокойно, хотя мы еще не дошли до ее кабинета, – это откровенный перебор... Но я готова признать, что работа над тобой, Тэми, произведена ошеломляющая. Хотя то, что эту технику запретили, лично меня очень успокаивает.

– Ладно, Стефи, – Дэни звучит несколько раздраженно, – ты мне лучше скажи, насколько последняя перегрузка повлияла на ее восприятие?

– Может мне тебе еще и код от личного банковского сейфа хозяина города сообщить? – сквозь открытую дверь я вижу, как Стефани откинулась на стуле и снисходительно смотрит на копающегося в распечатанных данных Дэни, в то время как Тэми с явно брезгливым выражением снимает с себя датчики.

Крупные сочные черты красивого лица Стефани полны эмоций, говорящих о том, что хоть перед ней и стоят идиотики, но они являются ее любимцами... Очередная беременность явно проявила ее возраст, однако эти сорок лет несколько Стефи не портят, а скорее даже придают ей роскоши. Так же, как и очень короткий ежик светло-русых волос и россыпи перстней на каждом пальце.

– Ну хоть примерно...

– Да как я, по-твоему, должна это сделать, если у меня нет изначальных данных?

– Ну взять среднестатистический показатель... и попытаться вычислить...

– Дэни, я вроде считала тебя умным человеком. – Стефани закатывает глаза цвета ночного океана и успокаивающе поглаживает пока еще плоский живот, – среднестатистическое значение в случае оценки КВИПовского восприятия всегда плавающее, и его коэффициенты рассчитываются с условием, что дополнительных нервных систем семь. А у нее их... сколько там? Двадцать семь?

– Двадцать восемь... – почти огрызается Тэми, встряхиваясь всем телом, как промокшая собака, – и хватит говорить обо мне так, будто меня тут нет. Это раздражает!

– Всем привет! – вклиниваюсь в их перепалку, параллельно вытаскивая из-за спины нашего новенького, – Стефани мы тебе еще одного подопытного привели! Нужна полная диагностика и ... Сандр??

Такое ощущение, что он увидел привидение. Никогда в жизни я не видел еще, чтобы человек с такой скоростью бледнел и застыл с приоткрытым ртом на половине шага. Однако в следующую секунду я замечаю неожиданно ставшие огромными и страшными глаза Тэми... Словно ее вечно прохладная доброжелательная оболочка некрасиво треснула неровными сколами, и сквозь них в реальность стало просачиваться нечто темное и пугающее до глубины души.

– Э-эм... Вы знакомы? – неуверенный голос Кристиана как будто схлопывает непонятный ужас их явного взаимного узнавания до привычного вежливого равнодушия. И то как быстро это произошло, меня откровенно удивляет.

– Не думаю, что это будет правильное утверждение... – Тэми выбрасывает на лицо дежурную милую улыбку и получает в ответ от Сандра не менее механический отточенный кивок.

– Ну в любом случае, – похоже, что сегодня моя задача неизменно сглаживать шероховатости в общении, – знакомьтесь, это Сандр... А это Стефани, Дэни, наш программист-рукавник, и Тэми.

Я хочу продолжить объяснять, но Стефани почти насильно заталкивает Сандра в диагностическое кресло, заставляет снять с шеи тонкую золотую цепочку с крошечным медальоном, разглядеть который никто не успевает, потому что его почему-то отдают подержать стоящему рядом Дэни, и ловко втыкает в мышцы кисти правой руки почти десяток тоненьких иголочек-датчиков.

– Не бойся, это не больно... – Стефани подмигивает Сандру, который явно пребывает в своих мыслях, – ты почувствуешь легкое покалывание и... ого...

Стефи удивленно вскидывает широкие густые брови, разглядывая появляющиеся на мониторе данные.

– Слушай, ты не против, если я начну тест сначала? – озадаченно интересуется она, заставляя всех, кроме Тэми и тестируемого Сандра подойти к ней поближе и взглянуть на экран, – я просто не уверена, что программа не словила глюк...

– Да, конечно, если это необходимо... – Сандр кивает ей как марионетка, бросая взгляд исподтишка на листающую обновленный справочник по индукционной плавке и последующей сварке металлов Тэми. Но та, увлеченная книгой, не обращает на него никакого внимания.

Стефи перезапускает программу и нажимает на клавиатуре несколько довольно странных комбинаций символов...

– Тааааак...

Данные обновляются с небольшой задержкой, но, если честно, я не вижу никакой разницы между ними и предыдущими результатами.

Стефани озадаченно пожевывает мягкую нижнюю губу. Отбирает у Дэни данные Тэми и принимается их сверять с графиками на экране.

– Вы что, родственники? – наконец интересуется она, поднимая распечатку над головой.

– Нет, – их почти мертвые голоса звучат в унисон, и мне становится не по себе.

– А данные говорят об обратном. У вас коэффициент корреляции биоактивности почти как у близнецов. Иными словами, если отбросить внешность и пол... вы почти одинаковые... Компьютер автоматически при расчете объединил ваши параметры, как если бы я исследовала наших погодок Сурама. Только у вас коэффициенты отклонений по одним и тем же признакам намного меньше, чем у них, родных братьев...

– И что это значит? – осторожно интересуюсь я, понимая, что уже мысленно готов попытать эту странную парочку недоросликов.

– Слушай... – Сандр барабанит длинными костлявыми пальцами по подбородку, – а Ветренная... как ее... забыл имя...

– Сейсан... – откликается нахмурившаяся Тэми, – если мне память не изменяет... Но она жила за семь поколений до меня... И все рожденные Гаммой дети остаются в семье.

– Много ты о моем клане знаешь... – Фыркает Сандр, – они своих наследников, рожденных вне статуса, любыми способами в клан выцарапают. А Сейсан Харта славилась рекордной для Гаммы плодовитостью и способностью пудрить своему мужу мозги насчет его авторства бесчисленных отпрысков. Регулярное обновление крови с помощью лучших генетических бастардов, которым присущи самые ценные наши черты, это для Дрюмеров не шутки.

– Да, за такое стоит побороться однозначно... – беловолосая девчонка серьезно качает головой, переворачивая очередную страницу.

– Не-ет... – Стефани снова сличает графики, – мало похоже на правду. За семь поколений сохранить такую схожесть вы бы не смогли...

От их очередного одновременного смешка мне уже окончательно становится не по себе.

– Это если бы Ветренная Сэйсан весело жила в Констанс-Тикку. Тут бы следа от ее крови не нашли уже через два поколения... – Тэми захлопывает книгу и неуловимо схожим с Сандром жестом чуть уводит челюсть в бок, тем самым склоняя голову капельку вправо, – но вот там, откуда мы родом, генетическая идентичность при необходимости старательно сохраняется десятками поколений.

– Как это? – Кристиан удивленно моргает, и его зеленые глаза кажутся совсем темными.

– Ну... – Сандр якобы неуверенно пожимает плечами, – на самом деле в нашем городе практически никто просто так не рождается. Над этим в основном корпят ученые в лабораториях. Проще говоря...

– В Санта-Чилокки абы кого не изготавливают... – заканчивает за него Тэми, возвращая книгу на полку, – ладно, я пойду. Мне еще целых два контейнера проводов до конца смены надо перебрать.

И с этими словами она скрывается в коридоре. Я смотрю на новенького и на то, как он с интересом разглядывает датчики на своей смуглой руке, и не могу отделаться от мыслей, что вместе с ним к нам пришли совершенно непредсказуемые перемены. И я искренне не понимаю, как мне к этому относиться. И хочется услышать мнение своей Бусинки.

Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней. Раздел: Неврология. Синдромы и расстройства, не приводящие к инвалидности

...Носитель синдрома СОГ (СЛМ) никогда не является вундеркиндом. Однако в детском и подростковом периоде жизни имеет достаточно высокие способности к обучению и мобильный, быстро развивающийся интеллект.

С самого раннего возраста пациент склонен искать и находить себе кумиров, стараясь подогнать свое поведение и жизненный уклад под понятие «прекрасного» в глазах выбранного объекта. Вследствие чего имеют очень высокие способности к подражанию и актерской игре, но при этом лишены истероидной компоненты. В их сознании подражание образу избранного кумира является единственно верным сценарием жизни.

Констанс-Тикку 16/03/2570 год 14:07 Общежитие КВИПов. Квартира братьев Сурама Дэни

Смена, моя смена в кои-то веки закончилась одновременно со сменой Бо. Но... мне не отдыхается. Сажу в нашей с братьями квартире-студии в общежитии КВИПов и мучаю ноутбук специально программой, которую я пишу для усовершенствованного «рукава» Тэми. Но программа буксует и не получается, так как мысли мои, имеющие четкий и ясный план всего пару часов назад неожиданно утратили всякую структуру и превратились в кашу. И я сам не знаю, почему так получилось. Наша мама в таких случаях обычно говорит, что у меня просто кончился завод. И надо отдохнуть, но проблема в том, что «рукав» уже изготавливается, и программа нужна буквально через пару дней. А сколько я с ней провожусь в таком апатичном состоянии – большой вопрос.

На столе передо мной мерцает на экране код. И в кои-то веки смотреть в символы мне невыносимо скучно. Словно что-то не дает мне погрузиться в него, несильно царапая край сознания. Кофе в кружке остыл и стал пахнуть унылостью.

Дверь деликатно открывается, пропуская в квартиру мило щебечущую на высоких нотах Паприку с корзинкой продуктов в тонких руках, украшенных кучей браслетов. Следом за ней входит Бо, которому длинные, чуть ниже лопаток волосы раздражающе лезут в глаза. Но из-за пакетов в руках, он просто периодически встряхивает головой, стараясь отбросить их с лица.

Улыбаюсь и киваю на приветствие Паприки, в то время как Бо неожиданно мерит меня задумчивым пронзительным взглядом. И это мне не нравится.

– Паприка, радость моя, – Бо почти мурлычет это тихим басом, и к моему удивлению в комнате миглом наступает приятная тишина. Только девушка нежно улыбается моему брату, ставя продукты на разделочный стол возле мойки, – мне нужно серьезно поговорить с Дэни.

– Думаю, то лимонное платье все же стоит купить. Пойду за ним прогуляюсь... – отвечает она ему через пару секунд, танцующей походкой направляясь к выходу из квартиры. Меня радует, что я не вижу обиды в ее лице.

Бо нажимает на своем «рукаве» несколько комбинаций, явно кидая ей деньги на счет.

– Люблю тебя... – говорит он ей в спину.

– Я тебя сильнее... – смеется она уже почти из-за двери.

Я откидываюсь в кресле, наблюдая, как старший брат достает из кармана джинсов черную резинку для волос и завязывает на затылке немного неаккуратный хвост, после чего устраивается на стуле напротив меня и пальцами аккуратно закрывает крышку ноута.

– Знаешь, Бо, ты мне сейчас так отца напоминаешь, что даже не по себе... – машинально перехожу на родной Ново-Азиатский язык, качая головой.

– Ну при учете, что я собираюсь исполнить его роль в нашем разговоре... – брат поджимает губы в некоем подобии веселья, однако понятно, что он серьезен, как никогда.

– Я тебя слушаю, – подаюсь вперед, опираясь локтями о столешницу.

Бо берет мою чашку, отпивает остывший кофе, от вкуса которого я бы сморщился, и ставит ее на прежнее место.

– Ты же помнишь, что наша семья занимает не последнее место в иерархии Ново-Азиатских кланов? – Бо видимо решил начать издалека. – А если быть точным, Сурама эту иерархию возглавляет.

– Ну такое забыть нереально, как и то, что наша мама изначально задумывалась просто наложницей для молодого Шин Сурама, – в тон ему откликаюсь приятным воспоминаниям. Йоси всегда так делает, когда мы вспоминаем о семье. Становится улыбочивым и игривым.

– В ее суперспособности заставляя отца делать то, что ей нужно, но при этом все только на благо клана и укрепления его позиций уже никто не сомневается не только дома, – тепло улыбается Бо, снова пригубляет мой отвратительно холодный кофе, – но сейчас речь не о ней. И даже не о том, что, прибыв на учебу и работу в Констанс-Тикку, мы не демонстрируем свое происхождение, а налаживаем связи с людьми, имеющими тут вес и силу. И делаем это для дальнейшего укрепления нашего клана и возможности развить промышленность на родине, и создать свой институт для обучения КВИПов.

Киваю ему. Не тот случай, чтобы я имел право перебивать старшего брата или как-то требовать от него выдавать информацию немного быстрее.

– Сурама всегда получают то, что хотят, – голос Бо суровее и от него веет решительным полководцем, коими были наши предки, – мы добиваемся своего упорным трудом, связями, подкупом, хитростью, продуманной игрой... Не важно, что именно мы хотим получить. Знание. Должность. Предмет старины. Уважение. Женщину. Или новую библиотеку для только открывающейся под нашим руководством школы. И мы в своем праве. В праве сильнейших и лучших. Хранящих порядок и справедливость. Пусть порой довольно жестокими способами, но все же... Наш выбор не обсуждается.

– Я помню. Только если честно, я не очень понимаю к чему ты клонишь, Бо.

– Тэмили Аманда Ирта, – брат поднимает на меня жесткий взгляд, – ваш разговор сегодня звучал довольно однозначно.

– Разве? – от удивления у меня аж затылок покалывает.

– Ты в своем праве, – Бо барабанит пальцами по столешнице, – но ты же понимаешь, что Мартин Ирта с его лучшими относительно доступными вакцинами от суперинфекций далеко не последний человек не то что в Констанс-Тикку, но и во всем мире. И что претендовать на его женщину...

– Я не претендую! – спешу перебить брата, чувствуя себя дураком. Я действительно не имел в виду ничего такого сегодня. Я просто хотел хорошо выполнить свою работу, – честно, Бо, она меня не интересует!

– Дэни, те слова о дружбе и заботе о ней женщины воспринимают однозначно, – он устало потирает переносицу, – и судя по тому, что она тебе ответила, она твои ухаживания готова принять. Я бы на твоём месте подумал.

– О чем? Как ввязаться в конфликт с самым влиятельным человеком города, в котором мы живем и работаем? Я просто использовал мамин проверенный способ убеждения. Не помнишь что ли, как она мелкого Йоси уговаривала пить лекарства? Смешала внимание с горькой

микстуры на то, что он самый лучший в мире ребенок, просто подарок вселенной, и что микстура от кашля превратит его в героя ее мечты. Он, по-моему, лет до пятнадцати велся. Известный фокус – восхищайся человеком и показывай, как он для тебя важен – и вей спокойно из него веревки. Мне надо было убедить ее пройти обследование для создания правильного «рукава». А судя по ее поведению после диагностики, она прекрасно понимала мои намерения. И потом, ты же знаешь ее эти вечные песни про очень удачный брак.

– Конечно. Особенно когда приходит на работу, покрытая этими последствиями удачного замужества с ног до головы... – Бо с досадой машет рукой, – мне вот даже порой интересно становится, что ей движет оставаться в этом союзе? Любовь к деньгам? Или личные качества ее мужа, которые нам по большому счету малоизвестны?

– Не знаю... – поднимаюсь на ноги, засовывая руки в карманы и нащупывая вдруг что-то на самом дне правого, – ой, а что это у меня?

Вытаскиваю руку. Между пальцами оказывается золотая цепочка с крохотным медальоном, на котором эмалью выписана черно-багряная колибри.

– Это еще откуда? – брат непонимающе хмурится.

– Хм... Это мне Стэфани у себя в кабинете подержать дала. Когда новенького тестировала... А я, наверное, машинально в карман сунул, – разглядываю потрясающе техничную роспись, которой исполнена птичка, размером хорошо если миллиметров в восемь. Мне кажется на ней даже отдельные перышки прорисованы. – Это что получается, я его украл? Я не хотел так делать, Бо! Я не хотел поступать плохо!

– Это просто случайность, Дэни. И нет, ты не украл и не сделал ничего плохого. Просто нужно его отдать и извиниться, – брат произносит слова медленно и спокойно, отчего мне становится немного легче дышать, – довольно странное украшение для молодого мужчины, кстати... Оно очень дорогое, судя по всему. И больше бы подошло какой-нибудь девочке-подростку из высшего общества.

– Ну мало ли какая в Санта-Чилокки мода... – несмело улыбаюсь я, – в любом случае надо вернуть. Знать бы, где он остановился... Сомневаюсь, что он уже переехал в общежитие. А судя по цене этой штучки, он вполне может позволить себе собственное жилье.

– Я слышал случайно его разговор с Ирта... – Бо задумчиво кусает губы, – только он почему-то назвал ее Леди Вега. Но она тут же одернула его довольно резко. Сказала, что статус Вега ей утрачен, и здесь ее зовут Леди Ирта. По мужу. Но лучше всего просто по имени. Они договорились встретиться в «Полной луне» в два часа дня. Сейчас... пятнадцать минут третьего... они скорее всего там... От общежития до этого ресторана идти два квартала... ты можешь их там еще застанешь...

– Если меня туда еще пустят, – усмехаюсь, кидая взгляд в зеркало. «Полная луна» – одно из самых пафосных заведений города. Но с другой стороны, оно славится тем, что там никто никогда ни на что не обращает внимания и не задает вопросов.

Отрывок из дневника игрушки Дома Рихтера по кличке Падший, спрятанный за дощечкой пола одной из комнат отдыха для персонала

...Это мне сказала моя драгоценная маленькая девочка с глазами цвета самой непроглядной тьмы, которую только можно было вообразить. Ей только исполнилось девять. И она была старше этой вселенной на несколько жизней.

«Ты же понимаешь, что на самом деле все очень просто Сандр. Мы живем в самом благополучном и безопасном месте на земле... Поэтому сложно найти более холодное логичное и безжалостное место, чем это. Правила, оценки, коллективное безумие множится тут под строим контролем со скоростью звука. Поэтому, раз ты уже сам понял, что в твоём строго выверенном геноме живет что-то потусторонне-прекрасное, имей смелость стараться выжить. Поэтому изворачивайся, как можешь, и ври! Ври, как в последний раз в жизни. Дай им те ответы на их заковыристые вопросы, которые они так жаждут. Натяни на себя иллюзию принадлежности к лучшим и постарайся выжить... Хотя бы ради того, что у меня так не получится...»

Констанс-Тикку 16/03/2570 год 14:35 Ресторан «Полная Луна» Тэми

Я будто нырнула в реку безумно несущихся лет и замерла в ее бурном потоке. И от этого кожа холодеет на загривке... Вам этого никто никогда не скажет, но КВИПы все до одного побаиваются свободной воды и глубины. Второй позвончик тянет на дно, как камень. Но сегодня мне и без него неясно, как заставить свое лицо не неметь в непонятных гримасах. Голос Сандра из моего детства накладывается на повзрослевшие ухмыляющиеся в смущении ноты тембра, и я не верю в картину перед собой.

– Заказать тебе сладкого? – он держит чашку из тонкого фарфора двумя руками, и мне кажется, что его смуглые длинные пальцы с такими же слишком плоскими ногтями, как в моей прошлой жизни, созданы не из человеческих тканей, а из огнеупорного вещества.

– Здесь... не подают того, что я люблю... – слова горчат от того, что я пытаюсь растянуть губы в улыбке...

– Досадное упущение... – Сандр мелко кивает мне тонким птичьим носом с чуть заметной горбинкой, – лимонный пирог со взбитым белковым кремом явно бы имел огромный успех...

– Даже не верится, что ты такое помнишь... – пытаюсь поднести чашку ко рту, но оставляю ее в сторону. Аромат чая дразнит мой нос, но горло схватило таким спазмом, что мне страшно подавиться, – ты давно здесь?

– Несколько дней... – звучит чуть медленней, чем я ожидала, но я понимаю, что это не от привычной игры аристократа из Санта-Чилокки, – на выбраковку я, правда, попал четыре года назад... И учился на родине...

– Сам ее организовал... – понимаю, что бью по-большому, но мне почему-то очень важно это знать, – или?

У него вздрагивают тонкие губы, и он опускает взгляд в чашку. Однотонная черная майка, драные джинсы и разрисованные фломастером кеды с лимонно-желтыми резинками вместо шнурков превращают его в отпетого раздолбая среди сытой отутюженной элиты мест-

ного заведения, но я вижу в нем то, чего нет во всех этих подчеркнута благовоспитанных джентльменах, которые думают, что, вызубрив этикет, начинают чего-то стоить в этой жизни.

– Сам... – в кривой улыбке открываются зубы с едва уловимым желтым отливом. И в этой улыбке я читаю правду, от которой мне дурно. Дом Рихтера. Страшное место, пройдя которое в полной мере, ты в любом случае уйдешь из Санта-Чилокки. Или на выбраковку. Или на тот свет.

– Месяц? Два?

Он понимает, о чем я, ободряюще делает глоток своего огненного чая, даже не морщась.

– Почти год...

– О, боги... – касаюсь пальцами лба, чувствуя растерянность. Теперь я не удивлюсь, если выяснится, что передо мной сидит призрак.

– Помнишь, когда мне было шесть, а тебе восемь, и я свалился на детском празднике со взрослой лошади, на которой меня еще катать не хотели, ты мне сказала, что я счастливчик? – тусклые искорки увядшего смеха оживают в его темных глазах.

– Это когда ты рухнул в живую изгородь прямо в паре сантиметров от острых пик железной ограды парка? – прищуриваюсь своим воспоминаниям, ожившим в моей голове истошными криками выгуливающих нас нянек и ржанием недовольной серой кобылы.

– Ага... – мне кажется, он тоже нырнул в воспоминания, и они прохладными пальцами разгладили ему чуть заметную морщинку на лбу, – так вот ты была права... Я действительно такой.

– Вопрос только в том, стоила ли свобода этих месяцев в Доме Рихтера... – вздыхаю, скорее просто думая вслух.

– И да, и нет... – от его ответа меня в дрожь бросает, – но выхода другого не было... тестирование на соответствие роду Дрюмеров перед совершеннолетием я бы все равно не прошел. Но с реальностью Дома Рихтера сталкиваться оказалось намного сложнее, чем я мог себе представить. Хотя я, можно сказать, стал там довольно дорогой игрушкой... с моими-то способностями, которые в какой-то момент раскрылись полностью перед тем, как в один момент окончательно и бесповоротно угаснуть...

– О, Сандр... – невольно подаюсь вперед, удерживая себя от желания коснуться его руки. Я не знаю, как теперь он станет реагировать на такое. – Мне так жаль...

– Не надо, Тэми... Я все это уже пережил... Смог уйти... Выучиться... – от звука его голоса на нашем родном языке мне кажется, что зазубренная и ржавая булава со всего маху ударила меня в грудь, и что-то внутри треснуло с ужасным душераздирающим хрустом. Словно все те слова, что я твердила себе последние девять лет, как мантру, и в которые я успела прочно поверить, неожиданно потеряли силу и смысл и просто разлетелись кучей опаленных безголовых изломанных букв к моим ногам, – теперь меня берут на работу мечты... Все довольно неплохо. А в Санта-Чилокки я бы не остался, даже если бы умудрился пройти тестирование на соответствие запросам рода... Я просто бы не смог там больше жить...

– Почему? – я спрашиваю прежде, чем понимаю, что возможно лезу во что-то очень личное. Чем он бы ни с кем не захотел делиться.

– Знаешь... – он достает из подставки зубочистку и начинает вертеть ее в пальцах, – когда все это с тобой случилось...

– О боги... – ежусь всем телом, ощущая, как омерзение ползет по рукам липковатым потом, – давай не будем об этом... Я не должна была спрашивать...

– Я был на твоих похоронах... – родной для нас с ним язык ломается на выдохе, заставляя меня сцепить зубы, чтобы удержать лицо.

В Санта-Чилокки дружба – редкое явление. Настолько редкое, что про нее рассказывают небылицы и сказки в волшебном ключе. Я не могу сказать, что мы с Сандром были исключе-

нием, которым повезло это испытать на себе, но все же... Я бы не хотела причинять ему боль участием в таком мероприятии со мной в главной роли.

Я не знала, как именно Мэйса обставила мое исчезновение, но подозревала подобный исход. В конце концов, моя двоюродная бабка обладает феноменальными способностями выкручивать ситуацию в нужное ей русло.

– Я была красивая?

– Ты выпала из окна психушки на пятнадцатом этаже. Ты была в закрытом гробу. Но одежду для обряжения я все же видел... Тебе бы понравилось...

– Какой кошмар... – вымученно усмехаюсь, качая головой...

– Вот у меня были те же мысли... И, наверное, в этот момент я понял, что у меня с Санта-Чилоки не сложится...

– Из-за меня?

– Нет... – он смеется очень тихо, но при этом запрокинув голову. И я понимаю, что он смущен, – из-за всей этой чудовищной системы, в которую там превратилась жизнь. И вроде я знаю, что все эти глупые законы и искусственное выведение нужных людей позволяют решать кучу проблем... Но в попытке отгородиться от наступающей реальности в виде постоянных новых вирусов и вырождения человечества мы вынуждены кидать себя в такую идиотскую мясорубку, что мне стало страшно. Я струсил жить в этом железобетонном благополучии...

– Знаешь... – закусываю нижнюю губу, разглядывая его повзрослевшие черты. Они утратили легкость и живость эмоций, которые мне так нравились. Но в то же время я не чувствую в нем учтивого льда, присущего всем сливкам общества Санта-Чилоки. Внутри он жив. Но боюсь, мне не под силу сделать его прежним. Да и нужно ли ему это... – я считаю, что ты просто нереальный храбрец. Мне бы смелости так уйти никогда не хватило.

– Леди Тэмили Аманда Ирга... – он откидывается на спинку стула и тонкие губы его изгибаются в лстивой усмешке, – вы рождены быть украшением этого мира и его редчайшей драгоценностью, а не прорываться к мнимой свободе с боем сквозь грязь, боль и позор.

Смеюсь... У меня складывается ощущение, что мы сидим с ним за игрушечным кукольным столом, как две сломанные марионетки, и отчаянно пытаемся найти друг в друге отголоски прежних людей. Мы видим их, пытаемся докричаться высокопарными словами или комплиментами. Но это все не то...

– Ты так повзрослел... – делаю глоток чая. Он остыл и горчит невысказанными секретами и шутками за последние девять лет.

– А ты все та же... Только похорошела очень...

– Извините... – деликатный голос Дэни обрушивается на нас, как ведро машинного масла, заставляя вздрогнуть и потерять теплое марево нашей непростой беседы, – не хотел мешать вашему разговору, но я случайно обнаружил у себя кое-что, мне не принадлежащее.

Он достает из кармана тонкую цепочку с крохотным овальным медальоном, и я понимаю, что у меня вот-вот отвиснет челюсть.

– О, – Сандр поднимается навстречу Дэни и благодарно склоняет голову на старинный манер, – благодарю, что вернули! Простите, я не запомнил вашего имени.

У Дэни вдруг краснеют уши, и он отвечает на поклон.

– Я... Я Дэни Сурама. Извините, если помешал вам...

– Ты не помешал... – указываю ему на свободный стул, приглашая к столу. После беседы с Сандром переходить на местный диалект мне немного неудобно, но я легко это проглатываю, – мы предавались воспоминаниям детства. А ты принес нам еще одну вещь из прошлого, увидеть которую я, если честно, совсем не ожидала...

– Издеваешься? – Сандр возвращается на свое место и знаком показывает официанту, что нам нужна еще одна чашка, – да это же мой самый дорогой приз зрительских симпатий,

который я выиграл в своей жизни. На такой поэтический подвиг я никогда больше уже не буду способен...

– Что ж... Не берусь опровергать твое последнее высказывание... Но тогда я в очередной раз убедилась, что Энола никогда не умела ценить настоящее нетривиальное искусство. Чтобы выиграть в поэтическом конкурсе, который она, как именинница, судила, достаточно было написать ей рифмованные комплименты... А у тебя была настоящая захватывающая баллада, – отмахиваюсь я, но замечаю, что в глазах Дэни зажегся интерес, – ей с ее статусом Гаммы просто не хватило интеллекта на то, чтобы оценить твой труд...

– Ну да, конечно... – фыркает Сандр, наблюдая, как я наливаю в только что принесенную для Дэни чашку чай, – давай будем откровенны. Я этот кулон просто наревел.

– Н-наревел? – Дэни с таким удивлением вскидывает брови, что мне становится смешно. Переглядываемся с Сандром и хором давимся смехом.

– Ну... Начнем с того, что мы с Леди... – Сандр одевает кулон себе на шею и прячет под майку.

– Просто Тэми, – невольно встречаю я.

– Да, конечно, мы с Тэми росли вместе. Ну и однажды на их с сестрой дне рождения был объявлен конкурс стихов в качестве детского развлечения.

– Это была идея Энолы, которой вечно не хватало и так всеобщего внимания... – пытаюсь сделать лицо попроще, но мнение о способностях моей старшей сестры-двойняшки слишком красноречиво отражается в моей мимике. – Сандр был самый младший участник в этом конкурсе. Но на мой взгляд самый талантливый.

– Перестань! Я написал балладу о непобедимом оборотне-слизне!

– О ком?? – Дэни едва не давится чаем.

– Великий и прекрасный никем не побежденный оборотень-слизень! – на распев повторяю, стараясь звучать достаточно пафосно. – Жалко текст у меня не сохранился, я бы перечитала... Но это творчество почему-то никто не оценил...

– Да потому что это был чистый бред, – отмахивается Сандр, – но мне только исполнилось восемь лет, я считал себя самым умным и, ничего не выиграв, принялся плакать.

– Я бы тоже заплакала на твоём месте.

– Тэми... – в его голосе столько осуждения, что мне становится весело.

– Что? Ну в общем мне-то его стих на самом деле тогда очень понравился. И я решила, что не только Энола может награждать победителей, и подарила ему эту штучку...

– Которую до этого полгода зарабатывала в школе хорошими оценками... – качает головой Сандр. – И я это знал.

– Добрый день, милая... – голос Мартина повисает в воздухе за моей спиной, захлопывая возникшее веселье огромной железной дверью, укрепленной толстыми гвоздями. Механическая улыбка выпрыгивает на лицо быстрее, чем я успеваю это осознать, – не думал тебя здесь встретить, но не скажу, но наша встреча несвоевременная.

– Здравствуй, дорогой, – поднимаюсь и поворачиваюсь к нему всем телом, – не знала, что ты вернулся. Я надеюсь, отдых порадовал тебя.

– Более чем... – его бледно-голубые глаза ощупывают моих спутников сканирующим взглядом, – боюсь, я вынужден украсть тебя из столь подходящего тебе, как КВИПу, общества. Нас ждут дела и машина.

– Хорошо, – снимаю со спинки стула сумочку и делаю знак официанту, что готова расплатиться, – я буду готова через минуту.

– Жду тебя в машине, – его кивки моим спутникам неискренни, как и ласковое обращение ко мне, но это не важно. Ему можно все.

Расплачиваюсь с помощью «рукава», желаю Сандру и Дэни хорошего дня и уже разворачиваюсь, чтобы уходить, как краем уха слышу вопрос младшего Сурама.

– А как оборотень-слизень мог стать непобедимым воином?

– Он был очень трусливым человеком в своем обычном облике. И вот когда он чего-то пугался, то превращался в слизня и пытался спрятаться, а те, кто гнался за ним, поскользнулись на его слизи и ломали себе шеи... – с явным стыдом вздыхает Сандр, глядя на потрясенно хлопающего глазами Сурама.

– Блин, ты гений... – Дэни закрывает ладонью непомечающуюся на лице ухмылку.

– Вот и я так решила. Всего хорошего...

С этими словами я направляюсь к выходу из ресторана.

Срочные новости на радио «Вспышка» в Лупи-Нуар 16/03/2570 года

Пресс-лужба холдинга «Медикс-Ирта» анонсировало начало разработки вакцины от нового штамма атипичной ангины–301, вспыхнувшего в Северной части трущоб Лупи-Нуар несколько дней назад. На ее разработку потребуется пять дней. Штамм АА-301 имеет средний уровень смертности и летучести. Туристам рекомендуется воздержаться от самостоятельных поездок по городу на частном транспорте и прогулок по густонаселенным районам...

Констанс-Тикку 16/03/2570 год 15:00 Парковка перед рестораном «Полная Луна» Мартин

Наблюдаю краем глаза, как Тэми степенно идет к машине. Мне хочется выйти снова на улицу и дернуть ее за руку так, чтобы хрустнул тонкокостный локоть.

Звонок от директора центра КВИПов, прозвучавший посреди большого глотка тропического коктейля с дорогущим выпендренным алкоголем, который там принято пить в полдень, едва не заставил меня захлебнуться этим химическим пойлом. Видите ли, этой змее, молчаливой, исполнительной, не подходит тот «рукав», что на нее в начале карьеры КВИПа навесили. И выяснилось это потому, что ей приспичило по геройствовать, не думая о том, как это может отразиться на здоровье...

Хотя с ее статусом Вега про подобное волноваться глупо. За долгие годы экспериментов на основе ее биологических материалов я понял, что иммунитет и кровь Тэми можно использовать, как оружие массового поражения для всего, что может угрожать человечеству в плане болезней. Спасибо огромное идиотским законам в Санта-Чилокки за то, что мой бизнес настолько процветает и приносит мне почет, деньги, а главное власть в Констанс-Тикку. Но это совершенно не значит, что я считаю допустимым привлекать внимание к своему главному поставщику необходимых материалов для создания угрозы моей безупречной репутации и бизнесу.

Тэми изящно опускается на сидение рядом со мной и тянет на себя дверь. Мягкий звук сцепления пазов кажется липковатым, и вызывает новую волну раздражения. Жена поворачивается с приятной нежной улыбкой, от вида которой у меня руки чешутся схватить ее за волосы.

– Я рада, что ты вернулся именно сегодня, – певуче выдает она, сбивая меня с заранее приготовленной тирады, – у меня для тебя подарок.

Она достает из сумочки небольшую черную коробочку на крышке которой серебром выгравировано название престижной фирмы наручных часов.

– Хм... Это в честь чего? – невольно поджимаю губы, не спеша забирать из ее руки презент. Шофер уже завел мотор, и мы плавно вываливаем на шоссе.

– Годовщина свадьбы... Девять лет... – она бросает равнодушный взгляд в окно...

– Тогда уж логичней годовщина заключения взаимовыгодного контракта, – забираю из ее руки коробочку и машинально засовываю в пустой подстаканник, – и, как мне кажется, ты решила это отметить с помпой.

– Не уверена, что правильно тебя понимаю...

– Да? Тогда будь добра объясни, почему я имел сомнительное удовольствие общаться с некими Сурама, которые задавали мне на отдыхе кучу дурацких вопросов о том, какого черта

под тебя, распрекрасную, индивидуальный «рукав» не разработали, раз уж взялись вживлять неопробованную технологию?

– Я не знала о звонке. Так же как и о том, что моя система требует какой-то особенной программы в «рукаве», – ее ровный спокойный голос бесит настолько, что я вдруг вспоминаю цель своего возвращения домой на несколько дней раньше, и на душе становится немного теплее, – КВИПы таких подробностей не изучают на базовом курсе. «Рукавами» занимаются программисты, прошедшие углубленный курс подготовки. Мне жаль, что этот звонок испортил тебе настроение. Я попрошу Дэни больше тебе не звонить.

– Мне звонил некто Йошимото... Подожди, парня по фамилии Сурама зовут Дэни? – невольно вскидываю брови.

– Они метисы. Их мать Катарина родом из Констанс-Тикку вышла замуж за довольно толкового Ново-Азиатского инженера. И родила ему трех погодок Йошимото, Бо и Дэни. Йошимото не любит своего полного имени, и его все называют Йоси. Он и Дэни – программисты. А Бо водит ЭЛЬФов. Дэни ты, кстати, только что видел. Он сидел со мной за одним столом в ресторане вместе с Сандром Дрюмером – нашим новым коллегой, который скоро пойдет на вживление.

– М-м-м... – киваю, припоминая лица ее собеседников, – второй парнишка не очень похож на местного. Тоже какая-то помесь?

– О-о-о, не-е-ет... – она вдруг улыбается совершенно незнакомой улыбкой, от которой у меня резко потеет загривок под новым серебристым пиджаком, – Дрюмеры от бастардов, конечно, не отказываются, но в основную ветвь достойной фамилии не вводят. Они своих главных наследников выводят в лабораториях, доводя их до совершенства. За представителей этого рода все невесты Санта-Чилокки друг другу глотки готовы перегрызть...

– Так, стоп-стоп... – воспоминания о встрече с Мейсой Харта девятилетней давности вдруг вспыхивают в моем сознании. И я поднимаю руку, борясь с желанием заставить Тэми отвернуться или стереть с ее лица это незнакомое мечтательное выражение, – подожди... Ты сказала Дрюмер? Это... тот, о ком я думаю?

– Нет... – Тэми гаснет как свеча, поймавшая сильный порыв ветра, – ты думаешь об Оскаре. Сандр – его младший брат, прошедший добровольную выбраковку и получивший свободу, как и некоторые другие.

– Что еще за странный термин такой? – невольно хмурюсь ее словам. – Насколько я знаю, Санта-Чилоки закрытый город, уехать из которого легально могут только чужаки.

– Хм... – она медленно закрывает глаза и ведет шеей так, словно она у нее затекла, – ну, насколько мне известно, сбежать невозможно разве что с того света... И то в прошлом были претенденты, легшие в основу религий...

– Тогда почему Мэйса...

– Предложила меня тебе? – насмешливо перебивает она, не открывая глаз.

– Да.

– Статус Вега, – она равнодушно пожимает плечами, – сам понимаешь, с какими трудностями сталкиваются те, кто участвует в создании подобных экземпляров. Я его утратила в связи с проявлением, якобы излишней, агрессии и непокорности, а не потому, что ничего не стоила в плане своего предназначения.

У меня от ее слов на языке поселяется кислый привкус. Не понимаю, с чего Тэми вдруг так осмелела, чтобы напрямую напоминать мне о своем происхождении, которое вызывает во мне лишь чувство брезгливости. Она лишь результат странной мутации, которой вообще быть не должно. И этого бы не было, если бы Алиа все же стала моей.

– Мэйса искала того, кто сможет использовать такой потенциал на взаимовыгодных условиях... Когда еще представится возможность провести такие необычные исследования? Кого-то из Констанс-Тикку, потому что ваш язык очень моден среди аристократов Санта-Чилоки.

С Констанс-Тикку часто ведут деловые переговоры и имеют совместный бизнес. Поэтому этот язык учат, как обязательный иностранный. И ей подвернулся ты. Думаю, Мэйса все же очень меня любила...

– Не обольщайся. Она имеет три процента с продаж вакцин моей фирмы, – не то чтобы мне было жалко таких денег за полученное в личное пользование Вегу, но за прошедшие девять лет Мэйса должна была сколотить на этом целое состояние.

– Что ж... Думаю, она продешевила... – тонко улыбается Тэми, барабанила хрупкими пальцами по коленке, – но, возвращаясь к изначальной теме разговора, если ты не носитель статуса, то вполне можешь организовать себе выбраковку самостоятельно. Решаются, правда, на это единицы. Но все же эти отважные самоубийцы периодически пополняют высший свет Констанс-Тикку свежей кровью.

– Что-то я такого не припомню, – честно напрягаю память, перебирая сплетни о родословных своих знакомых и партнеров, но...

– Об это не кричат на каждом углу, – моя жена горько качает головой, – на выбраковку можно попасть, только если найдутся неопровержимые доказательства наличия изъянов, которые не нужны в генетическом плане следующим поколениям. Добровольная выбраковка – это всегда полномасштабная подстава самому себе. Что-то, что уничтожает тебя в глазах общества до состояния «отмыть невозможно и связываться бессмысленно». И самое неприятное, что на подобное обычно решаются лучшие из лучших.

– Ну и что же тогда сделал твой этот Сандр, чтобы обрести свободу?

– Без комментариев. Ему здесь еще жить и работать предстоит. Как и влиться в высший свет и стать одним из самых элитных его представителей.

У меня аж рот приоткрывается от негодования и ее спокойной уверенности.

– Да ладно... Можно подумать, что в элиту так просто пробиться. Мой отец всю жизнь положил на то, чтобы хотя бы приблизиться к этим людям. Меня туда приняли только потому, что я лучший производитель лекарств...

Ее тихий смех звучит, как хлесткая пощечина, и желание одернуть ее вспыхивает во мне как пожар, но я не успеваю ничего сделать...

– Мартин... Тебя приняли, как самого богатого бизнесмена... и уважают за то, что ты делаешь для человечества... Но... Те, кого ты считаешь политическими и экономическими лидерами, лишь яркое прикрытие людей, имеющих реальную власть в этом мире. В круг тех, кто реально вершит судьбы, тебе путь закрыт. Хотя к твоему мнению прислушиваются, потому что ты обеспечиваешь жителям Констанс-Тикку и некоторых других городов отличную выживаемость.

– Ты не могла бы сменить тон? – скучающе интересуюсь я, стараясь зафиксировать в памяти каждое ее слово. Что-то, но информация, которой она со мной делится еще ни разу не оказывалась ложной, – а то, по-моему, ты забывать стала свое место, и чем именно ты мне обязана.

– Извини, – она берет мою ладонь и вдруг целует мне руку, которую я резко у нее отнимаю, вытирая о сидение машины, – как мне заслужить прощение твое?

– Кто состоит в кругу по-настоящему власть имущих? И как найти к ним подход?

– Тебе нужны семьи с ярко выраженными наследственными физическими аномалиями...

– Тэми сцепляет пальцы в замок, – челюстно-лицевые дефекты, косоглазие, мышечная атрофия или...

– Очень смешно...

– Мартин, ты же врач... В Санта-Чилоки почти все дети появляются из пробирок не только потому, что выводят популяцию людей с определенными параметрами. Но и для того, чтобы отсеять все возможные аномалии, возникающие в результате близкородственных союзов еще на стартовом этапе.

– Близкородственных? – меня аж передергивает от таких новостей.

– Ну а как ты думал... – она вздыхает особенно устало, – город очень маленький и замкнутый сам на себе последние лет двести. Брачные союзы там принято заключать довольно рано. Естественно, что при таких обстоятельствах, все жители состоят в том или ином родстве. А вырвавшиеся из Санта-Чилоки на свободу лишаются блага лабораторных работ по созданию здорового потомства. И природа, над которой издевались откровенно десятки поколений, получает возможность отыграться.

– Но если ты говоришь, что они попадают сюда, лишившись всего, то почему они потом взлетают так высоко?

– Потому что они лучшие из лучших. Интеллект. Предприимчивость. Бесстрашие. Деловая хватка. Чтобы вырваться из благополучия моей родины надо пройти через очень многое... Выживают не все. Но те, кто смог, определенно обладают потенциалом повелителей мира, уж прости за пафос. Да и потом связи в самом передовом городе мира они не теряют. Может они выбраковываются для создания семьи с себе подобными, но бизнес – это совсем другая история. В их закрытый клуб можно попасть, пройдя то же, что и они.

– То есть мне никак? – закусываю указательный палец, невольно ощущая солоноватый привкус своей кожи.

– Зачем ты туда стремишься? У тебя есть все... – Тэми озабоченно заглядывает мне в лицо, как карманная собачка, выклянчивающая угощения.

– Нет предела совершенству... Всегда можно обладать большим... Мне мало...

Она ничего не отвечает. В салоне повисает тишина, нарушаемая приятным шорохом новых шин по шоссе. Я пытаюсь переварить ту информацию, что Теми щедрой рукой отсыпала мне. Что-то на периферии моего сознания взблескивает идеей, но я пока не в состоянии ухватить суть.

– А мы домой едем? – голос Тэми звучит зарождающейся тревогой. И я лениво улыбаюсь, понимая, что мой звездный час настал.

– Нет. В лабораторию. Я, знаешь ли, тоже привез себе подарок к нашей годовщине. На редкость заковыристый и буйный вирус из предместья Лупи-Нуара... Тебе понравится...

– Даже не сомневаюсь... – ее механический голос с заученным беззаботным выражением лица вызывает во мне почти детское нетерпение.

– На работу твою я уже позвонил, так что тебя там ждут только через четыре дня...

– Мартин... – она закусывает нижнюю губу, и мне это не нравится.

– Да, дорогая?

– Знаешь... я тебя за все это время просила только один раз... позволить устроиться мне на работу, чтобы быть полезной и нужной, а не сидеть дома в ожидании, когда понадобится мое участие в твоих делах...

– Надоело бегать с роботами и хочешь обратно домой?

– Нет... Я о другом... – от того, как медленно она говорит, мне хочется ее встряхнуть, – мне двадцать пять через три с половиной месяца... Ты же понимаешь, что это значит...

Мысленно усмехаюсь... О да... к этой сакраментальной дате у меня давно все готово. До сих пор не понимаю, почему на ее родине никто не додумался делать Вегам такие необходимые и вместе с тем простые, при их уровне медицины, подарки.

– И что?

– Я понимаю, что говорить о высоких и чистых чувствах между нами – это откровенная глупость. Я безмерно благодарна тебе за то, что ты для меня сделал... И стараюсь быть для тебя полезной... Но я хочу попросить... Давай проведем сегодняшний день вместе... съездим куда-нибудь... погуляем вдвоем... поужинаем или поговорим о каких-нибудь неважных мелочах...

– Мелочах?? – мне настолько смешно от ее смущенного вида и стиснутых пальцев, что я не могу удержать лица.

– Пожалуйста, Мартин... Второе желание за девять лет, это ведь не так много... После этой дурацкой перегрузки при работе на аварии шахты, я... мне сложно прийти в себя... я стараюсь... но...

– Ну и кто в этом виноват? – раздраженно смотрю на ее поникшие плечи и незнакомо покрасневший кончик носа, – тебя никто каленым железом геройствовать не гнал... И потом имей ввиду, что мы уже анонсировали старт разработки вакцины. Люди ждут. Или хочешь, чтобы из-за твоей глупости компания «Медикс-Ирта» задержала бы выпуск лекарств для тех, кто в них нуждается?

– Нет, конечно... ты прав... Извини... – она мило улыбается мне, но ее пальцы дрожат, когда она пытается открыть замок своей сумочки и достать из нее пудреницу.

А я вдруг понимаю, какая мысль не дает мне покоя. Согласно тем данным, что мне при последней встрече предоставила Мэйса Харта, крайне редкие по целому ряду обстоятельств потомки Вег не наследуют главных качеств своих матерей и соответственно статус у них отсутствует... Получается есть вероятность, что те тоже сбегают в лояльный Констанс-Тикку. Шансы их тут обнаружить стремятся к нулю, но проверить все же стоит...

За окнами появляются серые двери главного входа лаборатории «Медикс-Ирта». Но мысленно я уже составляю список заданий для моего верного Джуллиуса. Он поработать частным детективом не откажется... В его тучной малоподвижной жизни это то редкое развлечение, которое он может себе позволить...

ГЛАВА 6

Сообщение, сохраненное в черновиках и составленное с помощью голосового помощника от 20/03/2570

Знаешь отец... Я ведь никогда не рискну отправить тебе это сообщение... Мне хочется оставаться твоей гордостью и опорой, а не тем, кто готов выть от бессилия. Но... разве многого я прошу? Почему я словно кричу в бронированном стеклянном куполе, а мир просто летит мимо меня, заткнув уши и нацепив на себя вежливый оскал под названием «Не лезь не в свое дело!». Знаю, что не мое. Что чужое. Неприкосновенное... Сегодня снова отчаянно скалится осколками разбитыми, шипя правилами приличия через судороги боли... Смотреть не могу на это больше. Но еще страшнее закрыть глаза и отвернуться... И в результате потерять последнее, на что я могу надеяться. Холодные спокойные ответы на мои вопросы равнодушным ровным голосом...

Констанс-Тикку 20/03/2570 год 09:30 Пультовая станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Кристиан

Девизом сегодняшнего дня может стать одно слово: «ДОЖДАЛИСЬ!». Причем, каждый свое.

Рон получил письмо от брата, в котором сообщалось, что давно желанный дом на краю потрясающе красивого обрыва достроен. Стэфани доломала-таки свой старый компьютер и получила разрешение на заказ нового оборудования. Бо уже минут двадцать радостно выковыривает из посылки новую форму для леденцов в форме уточек. Паприка убежала на встречу с отцом, который приехал наконец-то в Констанс-Тикку из полугодовой геологической экспедиции. Я получил документы, подтверждающие, что через два часа меня с Мэй ждут на заводе для замены коленного сустава и полной химической диагностики всех ее частей на предмет потенциальных разрушений. Дэни с загадочной улыбкой и пугающими синяками под глазами от недосыпа показывает чем-то вечно раздраженному Йоси наконец-то написанную им новую программу для «рукавов». Старший Сурама откровенно спит с открытыми глазами, но делает вид, что слушает брата, издавая ухающие удивленные звуки, отдаленно напоминающие храп. А Софьян добился от новенького четкого произнесения всех правил жизни и работы на станции КВИПов.

– Так, Сандр, прежде чем мы с тобой пойдем непосредственно к баллонам с маслом, повтори мне еще раз, – лисомордый Софьян терпеливо нависает над мальчишкой, в котором я в упор не могу разглядеть ни серьезного подхода к делу, ни страстного отношения к потенциальным подопечным, – если ты видишь, что кто-то из КВИПов залип посреди трассы в странной позе, а тебе надо по ней прогнать своего робота, то?

– Не кричать, а спокойно сказать или через «рукав», или через громкую связь в пультовой, – хмыкает Сандр, скреживая руки на груди, – потому что возможно идет диагностика и человек просто анализирует свои ощущения, а криком можно напугать.

– Верно, – Софьян кивает с такой гордостью, что всем вокруг становится весело и даже Йоси слегка фокусирует на них свой взгляд, – далее, если ты замечаешь, что на старте полосы препятствий мнетя Забияка, Плакса или Балбеска...

– Дается кодовое оповещение всем «Внимание, Рон на трассе!» А так же, готовится сварочный аппарат и спецоборудование для исправления вмятин.

– И наконец основное, о чем я тебе, по-моему, забыл сказать... Это, конечно, очень большая редкость, но все же... Если при тебе ползет какое-то насекомое, и кто-то спрашивает, что это... То надо говорить?

– Эм... – Сандр с сомнением прищуривает почти черные глаза, озадаченно скашивая тонкие губы, – муравей?

– Нет... – Софьян явно вздрагивает всем своим могучим телом, – паук. Потому что муравьев боюсь я. Рон при одном упоминании о тараканах верещит, как подстреленный, и старается запрыгнуть на стол или стену. Бо тошнит от многоножек, и это, к сожалению, не образное выражение. А других насекомых тут не бывает. Ну разве что бабочки...

– Заткнись! – невольно рявкаю, сбиваясь в заполнении очередной строки в огромной пачке документов для разрешения провести ГНОМа по улице в дневное время и не по стандартному маршруту. Чувствую, как у меня на всем теле волосы поднимаются дыбом и на загривке проступает ледяной пот.

Когда мне было лет пять, я увидел в кино, созданном при помощи макросъемки, как умывает свои фасеточные влажно-липкие глаза какая-то тропическая бабочка с гнилыми темными нечеткими пятнами бесчисленных зрачков... Мне эта мерзость до сих пор в кошмарах снится. А в детстве после этого кино я запрещал выключать свет в своей спальне почти три недели...

– Ну вот, сам видишь, – Софьян с горьким весельем разводит руками, – а арахнофобов у нас, как ни странно, нет... Впрочем, это скорее всего благодаря роботам, которых водит Паприка. Насмотревшись на ПАУКа размером почти с грузовик бояться их мелких сородичей перестаешь на автопилоте.

– Понятно, – Сандр явно старается скрыть веселье в голосе, но выходит у него средне, – боюсь представить, как наши прекрасные дамы реагируют на появление живности тут...

– А дамы молча берут тапочек и расправляются с неудачливой букашкой, пока джентльмены лежат в обмороке, – хриловатый голос Тэми раздается от входа в пультовую, где располагаются стеллажи, которые мы приспособили под некий склад одежды, – извините за опоздание. Меня задержали домашние дела.

Машинально кидаю на нее взгляд и ... настроение тут же портится, причем не только у меня. Софьян закатывает глаза, младшие Сурама хором мрачнеют, Рон с преувеличенным вниманием принимается перечитывать свое письмо, а Йоси так раздувает ноздри, что, кажется, вот-вот из них заструится дым. Мне же хочется очень многое сказать, но...

– Да, и самое последнее, – Софьян звучит застарелой усталостью, – мы не задаем друг другу вопросов, что бы ни происходило. Личная жизнь каждого не обсуждается и не порицается, только поддерживается, при необходимости.

– Очень удобно, – от яда в голосе Йоси должны, наверное, передохнуть все Ново-Азиатские змеи, – правда, Тэми?

Она замирает на середине движения, которым расстегивает на себе плотную рубашку. Ее лицо заострилось и приобрело пергаментный оттенок, став почему-то еще более неземным и красивым. Полопавшиеся капилляры глаз делают взгляд затравленным и каким-то вампирским.

– Правда, – она улыбается ему беззаботно, а у меня вдруг сердце начинает ныть от ее сорванного до песочного шелеста голоса. – Ты как обычно, совершенно прав, Йоси. А теперь сделай мне одолжение: отвернись и не смотри на меня. Я устала от взгляда...

И я по привычке пытаюсь вернуться к заполнению анкеты, слыша, как она стягивает с себя плотную не по сезону одежду.

Сандр стремительно подходит к ней. И я краем глаза замечаю, как осторожно он тянется пальцами к огромным уродливым синякам, раскрасившим ее руки, спину и ребра. И мысль, что он тоже к этому привыкнет, как и все мы, спокойствием ложится на бунтующие чувства. Моя рука тянется к виску и калибровочной пластинке, чтобы активировать фонетический декодер. Не знаю, почему я так уверен, что они сейчас перейдут на родной диалект. И оказываюсь прав. Но такого мата в его исполнении, если честно, даже не ожидал...

– Тебе не кажется, что ты несколько перегрузил конструкцию своей речи эпитетами? – ровным тоном замечает Тэми, натягивая на себя свободную рабочую майку с удлиненным рукавом и доставая с нижней полки свои магнитные ботинки.

– Нет.

Она усмехается и присаживается на ступеньку стоящей рядом стремянки, чтобы переобуться.

– Надеюсь, ты не будешь меня убеждать в том, что я не понимаю, что на самом деле с тобой происходит, – Сандр скрещивает костлявые руки на груди, – и как именно на тебе это все отразится уже в ближайшем будущем.

– Я никогда не считала тебя идиотом.

– Вот! – вдруг рявкает Йоси, подтверждая мои догадки о том, что не я один включил декодер, и старший Сурама видит перевод на экране своего карманного лэп-топа, – хоть кого-то она считает умственно полноценным и возможно будет слушать! А не как обычно твердить свою мантру про удачный брак, и то что в постельные игры супругов никто не имеет права лезть! Дрюмер, хоть ты объясни ей, что никакие богатства и власть супруга не дают ему права колошматить ее годами каждые два-три месяца!

От того как Тэми с Сандром переглядываются и невесело хмыкают, становится особенно неприятно.

– Остынь, Йоси... – Сандр поворачивается к нему, свысока разглядывая разъяренного азиата, – никто не бьет ее. Больше скажу, ее и пальцем не трогают. Ты просто делаешь неправильные выводы из того, что видишь...

– Что??? – обычно низкий голос Йоси пускает визгливого петуха. – А знаете, да пошли вы все!!!

Он стремительно пронесится через всю пультовую, так грохнув напоследок дверь, что у меня закладывает уши, а роботы, стоящие на зарядке на другом конце тренировочного полигона, оживают удивленными трелями и запросами на наличие волновых ударов, тревожащих чересчур чувствительных к такому КВИПов.

– Он очень ранимый... – Тэми успокаивающе касается плеча новенького, – не бери в голову.

– Даже не собирался... Но надо отдать ему должное, кое в чем он прав...

– Вспомни последнее правило, о котором тебе только что сказал Софьян, – очередная беззаботная улыбка посылается в никуда.

Временный «рукав» Тэми оживает сообщением, и она щелкает пальцами по экрану, открывая его.

– Что там? – сам не знаю почему, спрашиваю ее. Может потому что она как-то особенно недовольно хмурится.

– Это от генерального... – отвечает вместо нее Дэни, откидываясь на кресле и потирая лоб пальцами, – ее новый портативный компьютер готов. Просят приехать на завод и забрать...

– А почему его нельзя сюда прислать, чтобы уже на месте сделать калибровку? – Тэми непонимающе отбрасывает пряди пухлых волос с лица.

– Потому что квалификацию под такое оборудование получают только на заводе после подтверждения наличия у тебя необходимых ресурсов. Чтобы ее получить, надо снять то барахло, что сейчас на тебе в качестве временного «рукава» надето, приехать на завод, подписать несколько бумажек и подождать пару часов, пока бюрократическая машина все одобрит. Потом тебе выдадут твой законный «рукав», – нараспев рассказывает Дэни, лениво качаясь в кресле. – И все...

– А отладка? Подгонка?

– В нем будет сидеть очень забавная программа. Она все сделает сама... Не бойся, тебе понравится.

– Ты решил отнять работу у других программистов-рукавников? – Сандр забавно вскидывает бровь.

– Ничего подобного... – сонно откликается Дэни, глядя в стену пустыми глазами, – просто меня посетило вдохновение. Для других «рукавов» эта программа не подойдет.

– В любом случае, пошли... – поднимаюсь на ноги и, проходя мимо Тэми, отдаю ей в руки пачку документов, которые до этого заполнял минут сорок, – я все равно на тот же самый завод сейчас отправляюсь вместе с Мэй, чтобы менять ей коленку. Мы и тебя захватим. А ты заодно поможешь мне заполнить все необходимые бланки, потому что ты это, в отличие от меня, умеешь делать правильно и с первой попытки...

Она ничего не отвечает, хоть и выглядит удивленной. А я ловлю себя на мысли, что мне не понравился ее разговор с Сандром и мне хочется поговорить с ней об этом наедине.

SMS переписка между Бо и Йоси Сурама от 20/03/2570

Бо: Мне одному показалось странным то, как малой сегодня разговаривает?

Йос: А что не так?

Бо: Хотя бы то, что он сказал, что его посетило вдохновение... Что он там в своей программе написал такого интересного, кстати, что ты его почти час неотрывно слушал и поддакивал?

Йос: Не издевайся, я сквозь сон подробности не улавливаю...

Бо: Зато изображаешь внимание на ура...=)

Йос: X)) Я не специально! После двух суток на смене я в сознании нахожусь очень условно!

Бо: Знаю... X))

Йос: Тебя что-то насторожило? Думаешь стоит приглядеться к нему и окружению? Он и раньше создавал что-то хорошее для других...

Бо: Хм... Ты прав... Наверное, мне показалось... Просто сегодня после твоего ухода он разговаривал с Тэми... И звучал так спокойно и уверенно ни на кого не оглядываясь... Да и программу он писал для нее... Он хоть и говорит, что не заинтересован в ней... Но мало ли...

Йос: Ну только этого нам всем для полного счастья не хватало! =(((Ладно, посмотрим, как он дальше себя поведет... Авось проскочит и на ней не заикнется...

Бо: Дай бог...

Констанс-Тикку 20/03/2570 год 11:00 Комната отдыха на Заводе комплектующих и оборудования для обслуживания ГНОМов. Тэми

От одного вида высоты стопки документов, которые мне выдали на заполнение, проводив в комнату отдыха и ожидания для КВИПов, мне становится еще тоскливее, чем от ощущения, что вместе с «рукавом» с меня сняли связь с Мэттом. Непривычное чувство быть наедине с собой и целым миром поднимается изнутри, касаясь меня холодными равнодушными пальцами. И я нервно веду плечами. Но это не помогает. Дополнительные нервные системы отключены, и мне кажется, что я оглохла и ослепла... а за окном бушует почти тропический ливень.

Так странно... В детстве я не любила дождь. А теперь он кажется мне безопасной завесой от вселенной, в которой я временно утратила связь с чем-то важным... И я даже не о Мэтте сейчас... А о чем-то более простом и одновременно мне недоступном.

Как-то раз, когда мне только исполнилось одиннадцать, в школе я закончила писать контрольную раньше остальных и была отпущена с урока. Я медленно брела по тихим пустым коридорам пока не наткнулась на чуть приоткрытую дверь класса социологии, где старый профессор Маклюн с окладистой рыжей бородой и совершенно седой шевелюрой мягко наставлял выпускника Майлза Петерса.

За неделю до этого семейство Петерс объявило о помолвке своего старшего сына с пятнадцатилетней Сольфиной Уотс, получившей подтверждение статуса Вега пару месяцев назад. Для не самых достойных Петерсов выцарапать для своего наследника Вегу было почти что чудом, с которым их все откровенно неискренне поздравляли. Однако потенциальные молодожены даже близко не выглядели хоть сколько-то довольными подобным раскладом.

– Тебе повезло, Майлз... – размеренный голос Маклюна стелился мягким басом по пространству. Я невольно представляла себе, что он превращается в теплую пушистую ткань, в

которую можно укутаться с головой, – Сольфина – прекрасная юная леди. И она сможет сделать тебя счастливым... И, хотя я вижу, как ты смотришь на свою одноклассницу Эмму, найди в себе смелость и благородство ответить Сольфине тем же... В конце концов, Вега – это не навсегда...

Слова профессора тогда не напугали меня, но бросили ростки смутной тревоги. А те росли... И теперь, когда эти сорняки окутали мою душу так, что я даже небо разглядеть не могу, я завидую Сольфине, которой достался Майлз, прислушавшийся к мудрому совету.

И может я бы продолжала существовать в сонной одуре последних девяти лет, в которую нырнула добровольно, оправдываясь тем, что все, что происходит со мной, служит благу окружающих, но чертова авария на шахте подлым пинком вышибла меня в реальность и показала, насколько на самом деле я, оказывается, не железная. Я думала, что новые технологии авторства мужа и мой собственный организм, рассчитанный природой, как панацея от болезней, делают меня неуязвимой перед миром. Но оказывается, я не в состоянии справиться с самой собой.

Холод прорастает в моем теле пустотой, которая глотает все, что попадает на ее пути, и голод ее неутолим... Акульими кривыми зубами она перемальвает книги, музыку, встречи и разговоры в бесполезную пеструю мишуру, что покрывает меня с ног до головы, и от бессилия хочется заткнуть уши и зажмурить глаза. Но я смотрю и слушаю этот мир, стараясь надыхаться его текучей живой красотой. Такой ядовитой и тонкой в своем непостоянстве...

За моей спиной распахивается дверь, и я понимаю, что это Кристиан, который наконец-то сдал с рук на руки мастерам свою драгоценную Мэй. Этот теплый запах кофе с металлической горчинкой, который почему-то окутывает его по жизни тонким шлейфом, я ни с чем не перепутаю.

– Представляешь, с меня тоже «рукав» стянули, – жалуется он, приземляясь на соседнее кресло, размахивая очередной порцией документации, на которой ему надо расписаться.

– Таковы правила техники безопасности... – задумчиво постукиваю ручкой по листу полному цифр и диаграмм, – если ты будешь к ней прицеплен, то она может в процессе проснуться или дернуться, в лучшем случае, а в худшем – ты сам можешь почувствовать, как из тебя твою коленную чашечку извлекают...

– Да это-то понятно... – он ставит размашистую подпись внизу листа с крайне кислой миной, – просто я уже без «рукава» чувствую себя голым... А без Мэй неполноценным...

– М-м-м... – понимающе киваю, перелистывая страницы, которым конца и края не видно.

– Права, наверное, была Падма... – бормочет он себе под нос, заставляя меня перестать чиркать ручкой, отмечая пункты в списке, – видимо я действительно стал бесполезным придатком механизма, которого вожу...

– Не думаю, что могу как-то прокомментировать это ее высказывание, не переходя на личности... – неуверенно улыбаюсь, действительно не представляя, что можно на это ответить, – но предполагаю, что она просто хотела возвысить другого мужчину, сравнивая его с тобой, чтобы получить желаемое...

– Знаешь, – он закусывает кончик ручки и разворачивается ко мне всем телом, – я всегда хотел спросить, почему ты так разговариваешь? Такое ощущение, что ты пытаешься одновременно задрать нос к потолку, но при этом не хочешь никого обижать своим высоким происхождением...

Я краснею так, что щеки начинает пощипывать.

– Если бы я хотела кичиться происхождением или статусом, то явно не пошла бы работать КВИПом, – стараюсь звучать спокойно, но получается отчужденно и холодно, – но если тебе не нравится моя манера разговаривать, то я могу молчать.

– Нет-нет, не надо, – Кристиан растерянно моргает и поднимается на ноги, принимаясь ходить по комнате у меня за спиной, – я не так выразился, извини... Просто ты всегда гово-

ришь очень официально, а мы с тобой уже несколько лет работаем вместе. И я не могу отделаться от мысли, что толи я тупо косячу на работе, толи просто тебя бешу своими постоянными просьбами о помощи...

– Это... не так... – вспыхнувшее было раздражение укладывается во мне кольцами, как убаюканная змея, – просто местный диалект для меня – иностранный язык... Я учила его в школе... А там проходят, в основном, классический книжный вариант общения... Я знаю местный сленг... и могу на нем говорить, но на автопилоте получается, как на уроке...

Его руки смыкаются вокруг меня, обнимая со спины, и лопаткой я чувствую, как стучит его сердце. От неожиданности у меня перехватывает дыхание и кончаются мысли. Ровное спокойное тепло неторопливо заслоняет собой мир... Слегка поворачиваю голову, ощущая щекой ноты кофейного дыхания, и вижу светлые длинные ресницы, на кончиках которых живет невесомость. Темный взгляд его странен и незнаком, но мне хочется рассмотреть его поближе.

– Не сердись, ладно? – он чуть усмехается, и впервые местный диалект не кажется мне вязким и тяжеловесным, словно бадья мазута, – и кстати, я так и не сказал тебе спасибо за Мэй... И за всех остальных роботов, которых смогли вытащить из-под завала...

– Не хочу говорить о роботах... – я слышу себя как будто со стороны, ощущая, как мое сердце почему-то решило подстроиться под ритм чужих ударов.

– О... Ладно... – чувствую, как его руки начинают разжиматься, и это оказывается настолько страшно, что я вцепляюсь пальцами в его предплечье, явно причиняя боль.

– Прости...

– Если бы на мне сейчас был «рукав», то Уилл получил бы мега-странное сообщение... – тихо смеется Кристиан, наблюдая за тем, как разжимаются мои пальцы, – так что в нашем положении, оказывается, есть плюсы.

– Да... Это точно... – от смущения у меня холодок бежит по плечам, и дрожит под ложечкой.

Ручка выскальзывает, не желая писать очередное никому не нужное слово, катится по полу. Кристиан неуклюже наклоняется, чтобы поднять ее, чуть не заваливаясь на бок на ровном месте, и пару раз шкрябнув пальцами по полу, так и не успевает поймать ту, прежде, чем она оказывается под столом... Переглядываемся... неловкость висит в воздухе каменным потолком, давя на нас так, что я начинаю дышать через раз...

– Схожу за кофе... – голос Кристиана звучит не то, вопросом «отпускаю ли я его», не то просьбой остановить.

Закрываю глаза. Слышу, как он делает шаг, второй... Третий...

– Кристиан... – мой голос спокоен и глух.

– Да?

– Если ты сейчас уйдешь за этим странным кофе, я тебя убью... – губы дрожат в попытке улыбнуться, когда я вижу его удивление, которое не помещается в этой маленькой странной комнате, полной лохматых растений и неудобных низких кресел, и полусломанных столов. – Я уроню на тебя Мэтта... или заставлю есть то, что сама приготовлю... или выгоню на трассу, когда там чистятся воздушные фильтры Птицееда... или...

Договорить я не успеваю... Он цепляет спинку моего кресла и подтаскивает к еле живой трехногой софе, которую я никогда не замечала раньше.

– Как думаешь, эта штука не развалится, если мы на нее завалимся вместе с документами? Я очень хочу вытянуть ноги...

– Даже не знаю... – с сомнением кошусь на хлипкое сооружение, которое явно молит о поминальном костре, а не о том, чтобы на ней располагались два КВИПа с горой документов, которая почти догоняет их по размерам...

– Тогда стоит попробовать... – философски произносит Кристиан медленно опускаясь на диван под душераздирающий скрип последнего...

Энциклопедия правил поведения для самых маленьких девочек со статусом Вега

... Хорошая Вега должна быть честной, послушной и покорной.

Категорически запрещается следующее:

Спорить

Высказывать свое мнение

Требовать внимания, подарков, «справедливости» и т.д.

Отказывать в помощи окружающим

Ярко проявлять эмоции (смеяться, плакать, кричать и т.д.)

Главная добродетель Веги – ее покорность и служение людям. Несоответствие данным правилам ставит вопрос о лишении статуса Вега и досрочной выбраковке по причине несоответствия утвержденным стандартам.

Констанс-Тикку 20/03/2570 год 15:15 Комната отдыха на Заводе комплектующих и оборудования для обслуживания ГНОМов. Вид сверху

Солнечные квадраты входят в комнату отдыха совершенно бесшумно. И реальность приподнимается на цыпочки, наблюдая за двумя людьми, утратившими привычную связь с искусственным интеллектом гигантских роботов, но постепенно обретающими в себе давно забытых людей.

– Ты знаешь, что надо писать в этом пункте? – Кристиан тыкает ручкой в опросник, заставляя лежащую рядом Тэми оторваться от книги и перевести посветлевший взгляд на его планшет.

– Без-по-ня-ти-я... – медленно тянет она, поудобнее устраивая голову у него на плече.

– Слава богу... А то я уж решил, что ты освоила безрукавное подключение к интернету или какой-то информационной базе данных... – хмыкает он, помахивая планшетом над головой...

– Зануда... – улыбается Тэми, перелистывая страницу.

– Что читаешь?

– Любовный роман...

– Да ладно... Не думал, что тебе такое нравится... – он пытается перевернуть обложку к себе, но Тэми сама вдруг кладет раскрытую книгу ему на грудь.

– Не нравится... – с полуопущенными веками, расслабленными приоткрытым губами она выглядит сонной и совершенно незнакомой, – глупость редкая... Какие-то вечные страдания на пустом месте... И проблемы вселенского масштаба под названием «кто-то на кого-то не так посмотрел или не то сказал...»

– В подобном чтиве часто считается, что люди рабы своих эмоций... – Кристиан с сомнением косится на старую потрепанную книгу в замызганном переплете, которую Тэми вытащила из-под какого-то цветочного горшка почти два часа назад...

Тогда же ей принесли ее новый «рукав», упакованный в заводской железный ящик. Но она просто оставила его на столе, даже не попытавшись посмотреть внутрь.

– Я не знаю хорошо это или плохо...

– Сложно сказать... Так что мне написать в этом пункте? – Кристиан жалобно повышает голос, строя страдающее лицо.

– Дай сюда... – она протягивает руку к планшету, но он отводит его в сторону.

– Если ты собираешься ответить, что они уже достали спрашивать всякую ерунду, то это я и сам могу сделать... даже матом...

– Как знаешь... – Тэми поднимается на ноги неловким рывком, едва не сваливаясь с узкого лежака. Кристиан осторожно ловит ее за локоть, стараясь не сжимать спрятанные плотным рукавом толстовки синяки.

Она идет к столу несколько нервно, явно собираясь открыть ящик с новым портативным компьютером, но...

– Не одевай его, пожалуйста, сейчас... – мягкий голос Кристиана касается ее спины, заставляя обернуться, – я понимаю, тебе любопытно... Но если ты сейчас подключишься, то... просто уплывешь к Мэтту и остальным...

– Не хочешь оставаться один?

– Нет... Не в этом дело... Хочу... быть с тобой... – он садится на софе, сцепляя руки в замок и опуская на них взгляд, громко шмыгая носом.

Она закусывает нижнюю губу, мелко переступая аккуратными ступнями в лиловых носочках.

– Знаешь... – задумчиво произносит она, бросая взгляд на стол, – там, откуда я родом, эмоции считаются проявлением слабости и недальновидности... У каждого есть цель или миссия, которую необходимо выполнить, невзирая на свои желания или внутренние потребности... всеобщее благо превыше всего. Я там девять лет не живу, но считаю, что эти правила себя во многом оправдывают...

– Я понимаю... – он кивает, не поднимая на нее глаз, – ты замужем... у тебя... очень удачный брак...

– Да... – половицы глотают шаги Тэми, не давая понять Кристиану, куда именно она направляется, но в следующий миг ее пальцы касаются его подбородка, заставляя поднять лицо, – в этой книге написана глупость... Но она не отменяет того, что сейчас... с тобой... мне хорошо...

Он поднимается на ноги, заставляя ее отступить на полшага.

– Только не говори мне ничего сейчас, ладно? – ее чуть слышный голос крадется по солнечным квадратам, разбросанным по комнате, заставляя пространство оживать странным трепетом, – я просто не выдержу никакой критики или откровений.

Она собирается сказать что-то еще, но дыхание, коснувшееся ее макушки, разбивает мысли на бессвязные осколки.

– Не буду...

И она натягивает на пальцы рукава своей кофты, прежде чем обнять его, чувствуя, как он касается лицом ее слегка взлохмаченных волос...

Отрывки статьи медицинского журнала новейших болезней. Раздел: Неврология. Синдромы и расстройства, не приводящие к инвалидности

Второй этап Синдрома Отложенной Гениальности (Синдром Ловца Муз) наступает в основном после двадцати лет. Этот период зачастую определяет будущее носителя в плане карьерного роста и сферы, в которой может открыться гениальность. Носитель начинает проявлять интерес к самым разным сферам жизни. Его коммуникативные навыки значительно улучшаются, однако все так же вызывают у него повышенную тревогу и носят, в основном, периодический, выборочный характер. Он перестает избегать общения, но активного участия в неформальном разговоре в компании даже знакомых людей от него по-прежнему сложно добиться. Он почти перестает копировать кого-то в повседневном поведении, опираясь на перечень подстроенных под собственное удобство и характер правил. Однако начинает пристально рассматривать окружение и анализировать каждое действие и слово. Это период поиска «Музы», который может длиться годами.

Констанс-Тикку 20/03/2570 год 19:12 Отдел программирования «рукавов» станции техобслуживания человекообразных роботов №7. Дэни

Если я скажу, что сам не до конца осознаю, что именно создал для Тэмили Ирты, то мне, скорее всего, никто не поверит. Поток эмоций, захлестнувший тогда меня после разговора с Сандром в «Полной Луне», и после, когда мы стояли на крыше общаги, не поддавался никакой логике. Я просил его вспомнить ту балладу об оборотне-слизне. Мне правда было очень интересно ее услышать. А он лишь отмахивался и говорил, что с некоторых пор совершенно утратил писательские способности. Тем более, что Энола тогда еще запретила ему сочинять, а неисполнение воли юной леди убьет в нем остатки благородного джентльмена. Глупая какая-то эта Энола. Мне было бы так интересно послушать такую необычную историю.

– Но Тэми, по твоим словам, наградила тебя самым дорогим, что у нее было, и посчитала гением, – упорствовал я, в надежде разговорить Сандра и заставить его поделиться произведением.

– Не сравнивай. Таких, как она создавали удобными для всех вокруг. Хотя надо отметить, что характер у нее все же есть. Жаль, он в ней редко поднимает голову... – он недобро хмыкает своим мыслям, – лучше расскажи мне о себе.

– Ну я программист... Работаю с братьями в КВИП-центре... – по привычке начал перечислять я, но заметил, как он приподнял руку в останавливающем жесте.

– Я не о том. Мне интересно, кто ты?

– Я родился в семье Сурама в Ново-Азиатской колонии...

– Ты снова не отвечаешь мне на вопрос, а даешь общую информацию, – улыбнулся он, делая глоток чая.

– Я тебя не понимаю... – я растерянно кусал губы, глядя в его черные серьезные глаза.

Неужели он уже заметил мою особенность и теперь ждет, что я признаюсь? Я не хочу этого делать. Мне не нравится, когда из-за этого люди начинают относиться ко мне, как к глупому или ребенку. Это не так. Я умный. И почти всегда веду себя хорошо и прилично. Я могу

считаться нормальным. Просто порой мне трудно понять самому, что происходит среди людей, и нужна небольшая подсказка, но далеко не всегда. В основном, я справляюсь хоть и нервничаю...

– Мне не важно, из какой ты семьи и кем работаешь. Но мне интересно, что в твоём понимании делает тебя тобой. Из каких кирпичиков состоит твоя личность, привычки, что формирует увлечения, и почему ты выбрал именно их...

– Не знаю... – от неожиданности я едва не пролил чай на слишком белую плотную скатерть, – я никогда не думал об этом...

– А вот это уже любопытно... – нараспев произнес он, окинув меня заинтересованным взглядом.

– Почему?

– Страшен человек, все всегда про себя знающий. Он предсказуем и скучен, как учебник макроэкономики. А вот те, кому только предстоит открыть себя, обычно полны небанальных сюрпризов и имеют огромный потенциал.

– Предпочитаешь заводить перспективные знакомства? – я старался звучать насмешливо, но выходило слишком серьезно.

Эту фразу как-то сказал Йоси одному парню с его курса. Тот был противным и скользким настолько, что я вообще никогда не мог понять, где заканчиваются его шутки или приколы, и начинается настоящий разговор. Поэтому я даже жалею, что сказал это Сандру, который явно не пытается меня задеть. Просто он немного странен в том, что его интересует. Но не мне судить. Мне, например, нравится наблюдать за жуками, которые умеют летать. Те, которые только ползают, кажутся мне скучными.

– О, нет, благодарю покорно. Я этого в Санта-Чилоки наелся до тошноты. Правильные люди, знакомства, мероприятия и полный расчет каждого шага в каждую секунду жизни... – он смешно сморщил узкое вытянутое лицо, – кроме шуток, мне нравятся люди-загадки, способные создавать что-то принципиально новое.

– С чего ты взял, что я такой?

– Интуиция... – он пожал плечами, – возможно, я ошибаюсь, но мне интересно это проверить. А тебе разве нет?

Я не знал, что на это сказать. Как и на пару сотен последующих его вопросов обо мне самом, ответы на которые я или не знал, или затруднялся признать точными.

– Я, наверное, очень скучный... – усмешка у меня горчила непониманием происходящего.

Мы давно покинули ресторан и теперь стояли на крыше КВИПовского общежития, сами не очень понимая, как именно там оказались.

– О-о-о... Это ты меня еще не знаешь... – Сандр задумчиво опирается на ржавые перила и сплевывает вниз, вызывая у меня тем самым легкий шок. Ведь все это время он вел себя очень прилично, и даже вопросы задавал, не затрагивая тему частной жизни. – Сказать, в чем между нами разница?

– Ну?

– В твоих руках лежит целый мир, который ты можешь при желании менять и подстраивать под свое восприятие интересного, необходимого или прекрасного.

Он пристально смотрел на лежащий перед ним город, и в его темном взгляде жило мрачное веселье, от которого у меня мороз бежал по коже.

– Я же вырвался в этот мир из аквариума под названием Санта-Чилоки, оплатив свой билет на волю всем человеческим, что было в моей душе... Иногда я об этом жалею... Но не слишком часто... Пока этот мир в руках тебе подобных, надежда на то, что вы умудритесь сделать для кого-то что-то по-настоящему ценное, не оставляет меня.

– Почему ты так слепо веришь в меня? – я встал рядом с ним, чувствуя кожей локтей, как крошатся грязными хлопьями погибающие от времени и дождей перила, – мы с тобой знакомы пару часов всего, а ты не перестаешь твердить мне, что я способен на что-то великое. Хотя это явно не так. Даже моя мама в подобное никогда не поверит, а она знает меня лучше всех. Это какой-то социальный эксперимент?

Он отрицательно покачал головой.

– Тогда что? Желание помочь Тэми? Чтобы я не схалтурил, разрабатывая ей портативный компьютер?

– Она в моей заботе не нуждается совершенно. Как и ты в стороннем контроле, – если ему и не нравится моя подозрительность, то он этого совершенно не показывает, – я сюда пришел не для нее и не для того, чтобы стоять у тебя над душой. Это бессмысленно. В конкретно этой ситуации я вообще бессилён что-либо сделать, кроме как поверить в твою креативность и профессионализм, что я собственно и делаю.

Расстались мы в тот вечер несколько скомкано. Мне позвонил Йоси, который еще утром забыл ключи от квартиры. Бо не было дома и тревожить его наш брат почему-то не рискнул. А вот мне капризным голосом было приказано вернуться домой, ибо наш самый взрослый брат хотел уже лечь и не просыпаться до завтра. Сандр улыбнулся интонациям Йоси на Ново-Азиатском языке и снова уставился вдаль. Я принялся извиняться за то, что вынужден прекратить нашу странную беседу, но он лишь отмахнулся и сказал, что хочет досмотреть закат.

Я спустился с крыши, открыл надувшемуся непонятно на что Йоси дверь, выпил чаю, наблюдая, как старший брат остервенело чистит зубы и направляется к своей кровати у окна, параллельно натягивая пижаму. В голове было странно пусто. Пришло сообщение от Бо, что он с Паприкой уехал за город в элитный клуб выгуливать ее новое платье. Работать не хотелось совершенно, и я тоже решил лечь отдохнуть...

Сон пришел как продолжение вдоха: невесомой рукой откинул полог сознания и... Небо прикидывалось закатным, но я видел в нем сонмы огня, чей жар не долетал до моего лица. Десятки роботов толпились на улицах, и свет их анализаторов был холодным и незнакомым. Словно они пытались обработать поступающую информацию, но им не хватало ресурсов...

– Ты не туда смотришь... – голос заставил меня обернуться и увидеть за своей спиной странного парня с платиновыми лохматыми волосами и такими светло-голубыми глазами, что от них становилось не по себе. Его длинный горбатый нос с тонким породистым кончиком должен был придавать его лицу определенную угрюмость, но этого не происходило. В его откровенной некрасивости жило такое заразительное обаяние, что я поймал себя на том, что мне захотелось ему улыбнуться.

– А куда надо? – невольно поинтересовался я, ощущая, что разговор этот не так прост, как мог бы показаться.

– На птичку... – парень закуривает тонкую сигарету, изогнув рот печальной дугой, от чего становится еще притягательней.

– На какую? – невольно оглядываюсь вокруг, но не вижу никаких пернатых.

– Ту... – он глубоко затягивается, откидывая голову назад, – что у тебя в кармане... Выпусти ее, а то задохнется...

Судорожно сую руку в карман штанов и рывком достаю оттуда безжизненный перьевой комочек с приоткрытым перепачканным чем-то бурым клювом.

– Опоздал... – парень задумчиво пожимает плечами... – Хотя, как посмотреть... В этом мире пока только живое дохнет, питая собой человеческие замены... Вон их тут сколько... стоят... заряжаются...

– Но они нужны для выживания человечества... – растеряно смотрю на мертвую птичку в своей ладони: от ее мягких перышек еще идет тепло.

– Ну да... ну да... – он снова затягивается, задирая крючок носа к пылающему небу, – только вот металл прочнее и долговечнее живых...

– Но не важнее...

– О! – собеседник поднимает палец вверх и выглядит при этом невероятно глупо. – А вот это верная мысль... Дает шанс...

– На что?

– Что небо сегодня не рухнет, придурок, – лающе смеется он, кивая на мою руку. И я едва успеваю заметить, как ожившая птица стремительно взмывает с моей ладони к завывающему огнем небосклону. И я хочу крикнуть ей, что она сгорит, но вместо этого она взрывается серебристо-голубоватой сетью, охватывающей весь горизонт, и пламя растворяется в ничто, уступая место яркой утренней голубизне, отражающейся в глазах лохматого парня с сигаретой в длинных пальцах...

Я проснулся, рывком садясь на кровати, ощущая, что сердце не находит своего привычного места в груди. На соседней койке завозился Йоси, но он просто перевернулся на другой бок... А у меня в голове царил полная каша из сна и мечтательного голоса Сандра, говорящего о мире в моих руках... Я встал, чтобы выпить воды, прошел мимо стола с ноутбуком, на котором смиренно ждало меня написанное начало кода программы, и вот тут меня озарило, что все что я писал до этого, было в корне неверно...

Следующие дни слились для меня в бесконечное изучение справочников по КВИПовской анатомии, данных о состоянии дополнительных нервных систем Тэми, и попытки изменить тело привычного кода для «рукавов» в то, что меня бы устроило согласно моей задумке... Мозг кипел и требовал отдыха, желудок предупреждал, что устроит мне веселую жизнь и гастрит, но я все никак не мог остановиться...

На исходе почти третьих суток я сидел в пультовой в гордом одиночестве, пока работающие на смене КВИПы занимались своим подопечными на тестировочной трассе, когда передо мной вдруг возникла чашка кофе.

– Не думаю, что тебе она пойдет на пользу, но, похоже, ты реально в ней нуждаешься... – саркастический голос Сандра прозвучал добродушно, и я машинально забрал у него напиток и сделал глоток. Он оказался таким вкусным, что я невольно вынырнул в реальность и уставился на него удивленными воспаленными до чесотки глазами.

– Ого... да у тебя похоже талант варить просто потрясающий кофе... – я удивленно покачал головой и сделал еще глоток.

– Ничего подобного... – он отрицательно качает головой в испачканной машинным маслом бандане, – я просто выкинул просроченную пару лет назад отраву, которой тут все давились, и купил пачку нормального.

– Тебе денег не жалко? Тут все кофейные маньяки. Поэтому начальство нам само все закупает...

– Скажи честно, вы что все ему такого плохого сделали, что он вам это подсовывает? – Сандр картинно садится в кресло, скрещивая ноги в лодыжках, в новеньких магнитных ботинках, – у этой дряни не было ни вкуса, ни аромата. Да и польза сомнительная. Вы его поэтому литрами и пили, что он своих функций не выполнял. Этот кофе ты больше двух чашек в день не выпьешь. Просто потому, что не надо будет. Так что нет... мне не жалко...

– Знаешь... а ведь ты прав... – я бросил очередной взгляд на замученный мной в последнее время код, – зачем пытаться улучшить старое и просроченное, когда можно создать новое?

– Ты ведь не о кофе сейчас? – Сандр кивает на мой ноутбук. – Ну тогда я пойду и не буду мешать тебе творить...

– Нет, посиди со мной, ты мне помогаешь думать... – слова вырвались прежде, чем я успел подумать о том, насколько уместно вообще говорить такое. И я испугался, что он сейчас рассмеется, но...

– Хорошо... – он ответил немного удивленно, – у меня все равно перерыв...

Но я его уже не слушал. Я стирал старый код подчистую, мысленно выстраивая, как должен выглядеть новый...

– Дэни, привет... – голос Тэми возвращает меня в реальность, заставляя улыбнуться тому, как она старательно тащит к моему рабочему столу стальной ящик со своим новым «рукавом», – слушай, я не решилась без тебя его мерить...

– Почему? – помогаю ей поставить ящик на свободное от клавиатуры место.

– Потому что я даже не поняла, как его включать... – она сдувает с лица вспотевшие волосы и почесывает указательным пальцем левую бровь, – а уж твоя эта записка «следуй за птичкой!» вообще поставила меня в тупик, если честно...

– М-м... – киваю ей, открывая ящик, внутри которого в специальном креплении лежит «рукав», который больше напоминает произведение искусства, чем серьезный компьютер. Мне не захотелось создавать что-то привычное, с рубленными квадратными краями и кучей кнопок. Он выглядит как широкий браслет от запястья до локтя, выполненный из имитации резной слоновой кости с овальным темным матовым неактивированным экраном, – не надо бояться, тут все на самом деле просто. Принцип работы почти не изменился. Пойдем к вам, я тебе все покажу, и ты заодно попробуешь... Кстати, а почему тебе не помог это нести Кристиан? Девочкам нельзя таскать тяжести, это вредно! Или он все еще на заводе?

– Да нет, конечно... – Тэми улыбается несколько смущенной незнакомой улыбкой, – он на трассе, Мэй проверяет...

– Скорее просто от радости ее с ног до головы облизывает... – фыркаю я, удивляясь тому, что говорю. Такое мне впервые приходит в голову. Это, наверное, не очень хорошая мысль... Но девушка лишь мягко улыбается, и я понимаю, что сказанное мной, в принципе, приемлемо...

– Не без этого... – вздыхает Тэми, следуя за мной к выходу из компьютерного отдела.

SMS переписка между Бо и Йоси Сурама от 20/03/2570

Бо: Слушай, может если мы не станем акцентировать его внимание на происходящем, то все само собой как-то решится? Думаю, он просто прогрессирует в своей специальности... для него это нормально.

Йос: Да, ты прав. Так и есть.

Бо: Утешитель из тебя, прямо скажем, никакой...

Йос: Иди нафиг, без тебя тошно...

Констанс-Тикку 20/03/2570 год 19:42

Тестировочная трасса станции техобслуживания человекообразных роботов №7.

Вид сверху

– А что, ни у кого нет никаких дел? – Тэми звучит неуверенно, окидывая взглядом собравшихся.

На тестировочной трассе помимо ее и Дэни собрались Уилл, Йоси, Бо, Софьян, Рон и Сандр. Они озадаченно уставились на плазменную панель, куда Дэни для наглядности вывел код программы и ее внешний облик, который отличался от привычных схем и графиков, как таракан от трицератопса. Около стены, где роботы обычно заряжаются, стоящий на подъемнике Кристиан с маниакальным видом протирал и без того блестящие новые коленные суставы своей Мэй.

– Отстань, нам интересно... – Рон прищуривается, поглаживая свою ухоженную бороду.

– Полегче, Рон, – Бо добродушно улыбается ей, подходя ближе, – ты сама-то к подключению готова?

– Сейчас... – она наклоняется, чтобы открепить защелки на магнитных ботинках, – хочу быть босиком: как-то увереннее себя чувствую, когда не обута...

– Как тебе удобнее, – средний Сурама придерживает ее за локоть, пока она прыгает на одной ноге, вынимая из высокого голенища вторую, – может хочешь на воздух выйти, чтобы дышалось легче?

– Нет, спасибо, – она отставляет ботинки в сторону и делает судорожный вдох-выдох, – все давай, я готова.

Дэни достает из ящика ее новый «рукав».

– Крепление тут надежнее. Не пара ремней на утяжке, а сплошной корпус, оплетающий конечность. Эти узоры на внутренней стороне – не простая резьба. Просто просовывай руку. Когда компьютер окажется на правильном месте, они зафиксируются и уплотнятся, не давая «рукаву» скользить и переворачиваться, но при этом не мешая движениям костей и мышц. Этим рукавом за что-то зацепиться почти нереально...

– Ух ты... – Тэми осторожно поправляет компьютер на своей руке, – он почти невесомый...

– Ну да. Современные материалы, – Дэни пожимает плечами, – мне, кстати, одному кажется странным, что мы постоянно совершенствуем ГНОМов, ЭЛЬФов, ПАУКов, но вот технологии для КВИПов почему-то стоят на уровне первых экспериментов вживления нервных систем и дополнительных позвоночников.

– Нет, я тоже об этом думаю... – Сандр привычно прикрывает рот кончиками пальцев, чуть дергая плечом. Остальные косятся на него с откровенным сомнением, – но это как извечный вопрос: что важнее? Робот или человек?

– Робот... – голоса Рона, Бо и Софьяна звучат одновременно.

Уилл закатывает глаза, а Тэми странно переглядывается с Сандром. И в их молчании нет согласия с остальными, но они явно не спешат делиться своими мыслями.

– Ладно, – Дэни явно не хочет погружаться в эту дискуссию, – чтобы активировать экран, проведи над ним второй рукой. Ну или коснись его. Он ударопрочный, кстати.

Тэми послушно ведет пальцами, и над вспыхнувшим голубым светом экраном вдруг материализуется голографическая крохотная колибри, трепещущая крыльями, как в замедленной съемке.

– Это помощник. Отвечает на голосовые и письменные запросы. Трансформируется в любые нужные образы от деталей в разрезе и 3D-формате до книжной страницы. Также поможет тебе цепляться к роботам, автоматически подыскивая для каждого наиболее подходящий по параметрам канал. Ну или каналы...

Он явно хочет сказать что-то еще, но останавливается, видя, как девушка протянула свободную от «рукава» руку птичке, и та послушно села на палец, бликуя багряно-зелеными перышками...

– Хм... – Тэми расплывается в широкой детской улыбке и неожиданно садится прямо на пол, скрестив ноги по-турецки, – синхронизация...

– Есть начать синхронизацию, – Дэни нажимает пару кнопок на лэптопе и смотрит на плазму, демонстрирующую старт работы программы...

– О-ого... – у Йоси и без того огромные глаза открываются еще шире. Уилл шевелит губами, стараясь понять, что он видит, остальные же явно прибывают в столбняке.

Дэни довольно кивает самому себе, наблюдая, как у Тэми взгляд слегка теряет фокус, а плечи, прикрытые майкой на тонких бретельках, покрываются гусиной кожей поверх еще не заживших синяков.

– Дэни, а это, вообще, что? – Уилл указывает на некое подобие графика, больше напоминающее кружевные арки древнего Колизея, – я, конечно, не спец по программам для «рукавов», но обычно примерно понимаю, что в них происходит. Но тут...

– А-а-а... – младший Сурама с усилием ведет плечами, будто у него затекла спина, – это новая разработка, идею которой мне подсказал один хороший человек. Я не буду уходить в подробности самого кода, суть в том, что у нашей Ирга перебор в искусственных нервных системах, и, как следствие, подобрав под них подходящее оборудование, мы дали им, с одной стороны, возможность работать корректно, но с другой – такая острота восприятия ей реально ни к чему. Люди не могут жить с такой чувствительностью. Поэтому я долго думал, куда направить всю их мощь.

– И что ты придумал? – Сандр спрашивает это, чуть склоняя голову на бок.

– Дополнительная нервная система – не только орган восприятия и обработки информации, посылающий сигнал в мозг и «рукав», – Дэни закусывает нижнюю губу, устало потирая воспаленные припухшие щелки глаз. – В физическом плане это сеть микроскопических датчиков, размером чуть меньше обычных нервных клеток человека, которые вполне себе способны подстроиться под программу, регулирующую их работу. В случае Тэми я выбрал десять самых мощных искусственных нервных систем, которыми она пользуется чаще всего и оставил их нетронутыми. Она к ним привыкла и с их помощью останется отличным диагностом, за что ее собственно все здесь и ценят... А вот остальные я превратил в этаких оборотней...

– Чего? – Бо с Йоси недоверчиво выпячивают подбородки.

– Все просто... – их брат переключает экран, и на нем появляется схематичное изображение человеческого тела, расцвеченное кружевным узором странно замкнутых линий, – человек подобен хрупкому миру, живущему по своим законам. И у каждого такого мироздания есть свои слабые стороны. У кого-то это ломкие кости... У другого – слабый желудок. У третьего неустойчивая психика. И так далее. Перечислять можно до бесконечности. Для

нормального существования обычный организм вырабатывает привычку или биологическую особенность способную компенсировать недостаток. Например, у слепых развивается очень тонкий слух и способность читать пальцами. У нашей Тэми не хватит природных ресурсов для компенсации урона от двадцати восьми нервных систем. Она физически не сможет так перестроиться, но смогут сами вживленные сети датчиков. Я пошаманил с помощью проги и превратил то, что должно ее разрушать, в этакую систему защиты. Эти восемнадцать информационных линий направлены на оценку работы остальных десяти нервных систем. Их задача укрепить слабые места и максимально разгрузить сильные, давая возможность быстро обрабатывать потоки информации и не взрывать Тэми мозг нагромождениями ощущений и прочих данных.

– Но что это значит для нее? – Уилл тревожно смотрит на все еще сидящую на полу девушку, которая наблюдает за голограммой колибри на ее пальце.

– Тут можно только предполагать, насколько сильно это повлияет на ее жизнь... – Дэни откладывает лэптоп на ящик с деталями и осторожно подходит к Ирта, – но более ясное сознание и ускорение процесса принятия решений за счет того, что мозг ее перестанет трещать от обилия поступающих данных, которые она даже не успевает осознать, я практически могу гарантировать...

– Звучит как фантастический рассказ, если честно... – Рон с сомнением морщит нос.

– Знаю... – программист осторожно присаживается на корточки рядом с Тэми, – ты как? Что ощущаешь?

– Я не хочу разговаривать... – подавленный голос звучит вяло, а колибри вдруг срывается с ее руки и стремительно порхает в сторону Мэтта, мирно спящего на зарядке, – мне не по себе. Я хочу только всем напомнить, что завтра у нас с мужем званый вечер и прием по случаю начала бала невест. И мы всех приглашаем на данное мероприятие. И передайте Кристиану, что если он опять не придет, я ему никогда больше ни в чем не стану помогать...

– Хорошо...

– Ты может пойдешь ляжешь? – Йоси направляется было к ней, и в его голосе в кои-то веки нет даже намек на привычный яд, но его прерывает шум размеренных тяжеловесных шагов Мэтта, следующего за призрачной птицей, как привязанный. Дойдя до Тэми, он осторожно опускается на одно колено и филигранно складывает ладони лодочкой, поднимая ими своего КВИПа и осторожно прижимая ее к своей бронированной груди. Между его гигантских пальцев заметно, что Тэми спрятала лицо в ладонях.

– Она что там, рыдает? – откровенно кривится старший Сурама.

– Нет, просто хочет побыть одна, – Сандр качает головой, бросая на Дэни пронзительный взгляд, в котором явно живет благодарность.

– Он прав, – тот разводит руками, – ей надо привыкнуть. А с Мэттом она, как КВИП, чувствует себя в наибольшей безопасности...

– На твоём месте, Дэни, я бы запатентовал такое изобретение, – Сандр указывает на плазму, на которой все еще крутится работающая программа, – это реально нужная и полезная вещь...

– Ой, Дрюмер, иди ради разнообразия поработай, – огрызается проходящий мимо него Йоси, ощутимо задевая невысокого парня плечом, – без тебя разберемся, что с этим делать!

Сандр настолько откровенно громко фыркает, задирая нос к потолку, что становится понятно: извечные перепалки с молчаливой улыбчивой Тэми были цветочками. А драка между этими двумя откровенно не за горами...

ГЛАВА 7

Заключение исследования, проводимого институтом по изучению и созданию представителей статусов Гамма, Вега и Дэльта города Санта-Чилокки за 2516 год.

...Согласно полученным последним данным, для обеспечения вакцинами населения города численностью 19100 человек с периодичностью раз в пять месяцев (данный временной промежуток обусловлен повышенным уровнем иммунитета жителей, относительно других городов) необходимо иметь в работе не менее девяти половозрелых Вег одновременно. В случае достижения населением отметки в 20 000 человек, количество Вег должно быть увеличено на одну человеческую особь...

Констанс-Тикку 21/03/2570 год 10:00 Дом семьи Ирта. Летняя беседка-столовая. Мартин

Если я кому-то расскажу, какую непомерную брезгливость я испытываю к своей так называемой жене в первые две недели после окончания ее занятости в подвалах моей лаборатории, меня сочтут параноиком. Несмотря на то, что вытащить на себе из наших священных подземелий можно разве что совершенную стерильность, ее принадлежность к процессу борьбы с вирусами сидит в моем мозгу занозой. Поэтому сегодня я прихожу на завтрак, устроенный в саду моего поместья такой дорогой, чтобы точно не оказаться с Тэми на одной стороне стола.

Огибаю пышные кусты, покрытые мелкими тонко пахнущими цветами, и вижу, как она, одетая в длинное оливковое платье со свободными рукавами откладывает газету, параллельно отдавая распоряжения сияющей, как начищенный медяк, Этне.

– Доброе утро... – заставляю себя произнести это благодушно. В конце концов, перед тем как выпускать ее к людям, мои лаборанты проверяют все по десять раз.

– Доброе утро, милый... – жена окидывает меня слишком пристальным взглядом, от которого у меня невольно екает в животе, но привычная улыбка уже заняла свое законное место на ее лице, и я невольно расслабляюсь, – надеюсь, ты не против, что я попросила подать нам завтрак в саду. В доме уже начались подготовительные работы к сегодняшнему вечеру. И потом нам явно не помешает сменить обстановку.

– Ничуть. Хотя я все же тешу себя надеждой, что не найду в своем кофе зазевавшейся мошкеры... – киваю Этне, давая прислуге знак, что можно приступать к подаче блюд.

Тэми неразборчиво хмыкает себе под нос, что заставляет меня приподнять бровь. Не припомню у нее такого поведения в моем присутствии. Невольно принимаюсь пристально рассматривать ее. Привычная медленная безмятежность ее, похожая на океан ночью, будто обрела тревожное внутреннее движение. Она вроде все та же: стремительный разлет хрупких тонкокостных плеч, гордая посадка головы, аккуратно подстриженные до плеч серебристо-белые волосы, губы, слегка тронутые природной краской, а не столь любимой ей клюквенной помадой. Но вот обычно размытый равнодушием взгляд однозначно стал другим. В нем словно появилось что-то непримиримо цепкое и таинственное. Такое чувство, что у нее появились от меня секреты, и она совершенно не собирается раскрывать их.

– Кстати, сегодня утром я разговаривала с Рамоном, твоим шофером... – Тэми благодарно кивает Этне, ставящей перед ней мудреный салат с ее любимой сырой рыбой и кучей фруктов, – он очень рад, что дослужился до твоей личной похвалы. Думаю, мой подарок тебе на годовщину свадьбы, он действительно оценит в полной мере...

– Надеюсь после того, как ты огорошила его такой новостью, он не уволится, отказавшись от выходного пособия в счет стоимости тех самых часов? – беру свой кофе и добавляю в него четыре ложки сахара. – А то как водитель он меня полностью устраивает, не хотелось бы его терять.

– Нет, что ты... – она лениво копается в салате странной двузубой вилкой, – я решила не радовать человека таким специфическим способом. Это не гуманно. В конце концов, ты сама решаешь, что делать с твоими подарками.

– Тем более, что второй твой подарок оказался куда интереснее и полезнее... – как бы между прочим бросаю я, наблюдая за ее реакцией исподтишка.

– Второй? – она чуть хмурит брови, и ее темные глаза оживают непониманием.

– Меня знаешь ли очень заинтересовали люди, сбегаящие из Санта-Чилоки всеми правдами и неправдами, и в особенности их потомки, – неспешно принимаюсь за воздушный омлет.

– М-м-м... – Тэми кивает довольно равнодушно, но я ей не верю.

Она похожа на насторожившуюся ящерицу, которая еще не знает, как ей поступить: уку-ситься, убежать, отбросив юркий хвост, или расслабиться и нежиться на солнце. И в моей душе оживает предвкушение удовольствия от власти над ситуацией и разговором.

– Я даже озадачил Джуллиуса небольшим расследованием.

– Нашли что-то интересное?

– Я бы не сказал, что найденное носит развлекательный характер... Но при этом ставит нас на порог интересных открытий, – сцепляю руки в замок и кладу на них подбородок, – не мне тебе рассказывать, что производством Вег занимаются десять самых влиятельных кланов Санта-Чилоки. Харта славятся самыми качественными результатами в данном вопросе. Еще пять кланов стабильно создают конкурентоспособный продукт, лишь чуть-чуть уступающий Харта. Оставшиеся четыре клана, к сожалению, грешат тем, что их Вег в некотором роде умственно неполноценны и не подходят под стандарт в полном смысле.

– Счастливицы... – Улыбка моей жены мягка и нежна настолько, что я на секунду теряю нить своей мысли.

– Это... почему?

– Я знала девочек из этих кланов. Тэтсы, Освик, Людзи и Холл. Они всегда держались вместе и с нетерпением ждали своих помолвок с, как им казалось, прекрасными принцами. Интеллекта у них было, как у одноклеточных простейших... Но при этом они были начисто лишены какой-либо способности делать другим гадости или даже плохо про кого-то думать... Впрочем, о чем тут говорить, если даже всю горькую истину про Вег им рассказывали раз по десять-пятнадцать, и они или не понимали ничего из объяснений, или просто отвлекались и забывали...

– Не думал, что в твоём понимании счастье состоит в непроходимой тупизне... – надменно хмыкаю над ее воспоминаниями.

– Порой она дарит неведение... Но мы отвлеклись.

– Я попросил Джуллиуса поискать потомков Вег в Констанс-Тикку. – Впиваюсь в нее взглядом, ожидая хоть какой-то реакции. Но Тэми явно не чуёт подвоха.

– Ну учитывая некоторые обстоятельства, это вполне логичная попытка для «Медикс-Ирта» остаться на плаву в будущем. Проблема в том, что все немногочисленные дети Вег не наследуют супер-иммунитет и, соответственно, для медицинских манипуляций бесполезны.

– А я не о них... Я правильно понимаю, что последующие поколения никто даже исследовать не стал?

– Хм... хороший вопрос... – она выглядит несколько растерянной, – признаться честно, я не в курсе. Там откуда я родом, больше озабочены получением стойкого результата проверенным способом, а не исследованием побочных ветвей потенциального расходного материала.

– А вот это зря... Между прочим, внуки Вег, хоть и склонны к импульсивности в принятии решений и взрывным проявлениям эмоций, а также не дотягивают до задуманного уровня IQ, но по уровню иммунитета почти догоняют своих предков. По моим расчётам, если взять Вегу из Клана Харта и принять за абсолют, то ее дети будут обладать лишь пятнадцатью процентами ее потенциала. А вот следующие поколения покажут уже до семидесяти процентов от ее возможности...

– Хм... Очень смелое заявление... Я полагаю, что подобные теории требуют лабораторных исследований.

– Так я их организовал... – отодвигаю от себя опустевшую тарелку и жестом прошу подлить мне кофе, – взял образец крови из медцентра для КВИПов и провел несколько экспериментов.

– Что? – она подается вперед всем телом. Ее тонкие пальцы комкают салфетку одним порывистым движением.

– А ты не знала, что среди вас есть кое-кто, носящий в себе генетические сюрпризы из лабораторий твоей родины? – видеть ее смятение нереально приятно.

– Сандр не давал разрешения на использование образцов! Он еще даже не КВИП! – Тэми барабанит пальцами левой руки по столешнице, продолжая сжимать салфетку правой, – эта кровь бралась не для того, чтобы ты изъял ее для подтверждения своей теории, а для проверки и подбора метода наименее травматичного вживления дополнительного позвоночника!

– Так я не про него говорю.

– А... Про кого?

– Двадцать четыре года назад молодой человек по имени Адам заключил брак с очаровательной юной барышней по имени Астория. Все были настолько потрясены ее красотой и непосредственностью, что даже не заподозрили у нее легкие психические отклонения, которые особенно обострились после рождения второго ребенка. Тот, к сожалению, не выжил во время очередного яростного «прихода» его матери. Вся проблема с приступами ярости на самом деле решалась парочкой пилюль, принимаемых за завтраком. Но Адам решил не рисковать, развелся, и с тех пор явно одержим идеей контроля жизнью всех, кто его окружает.

Я вижу, как на дне ее глаз неожиданно вспыхивает понимание, о ком именно ей рассказываю.

– Но нормальным людям такой прессинг явно не по душе. И они от него бегут. И бесконечные женщины, которыми он пытается заменить Асторию, и старший сын...

– Кристиан... – его имя будто ломается на ее языке на сотни острых осколков.

– Девичья фамилия его матери Холл. Астория Холл вышла замуж за Адама Прайса, нынешнего обувного магната. Двадцать три года назад она родила ему сына, которого назвали Кристиан Прайс. И странно, что ты не в курсе таких вещей о своих сослуживцах, при учете что про остальных членов высшего света ты знаешь столько, что в пору открывать справочное бюро, в котором ты сыграешь роль суперкомпьютера.

– Все просто. Мы не задаем вопросов и не осуждаем. Принимаем друг друга, как данность, и помогаем, если только есть об этом просьба, – она звучит неуверенно, хотя старается этого не показывать.

– Ну так попроси его прийти ко мне в лабораторию по сотрудничать. Думаю, он не откажет для начала поделиться со мной половиной стакана крови во имя будущего всего человечества.

Ее лицо становится непроницаемым, и мне это резко перестает нравиться. Насколько смог выяснить Джуллиус, с молодым Прайсом у Тэми сложились приятельские отношения, и я не требую от нее ничего сверхъестественного.

– Забудь о нем, – от ледяного металла в ее голосе у меня мурашки бегут, – я не стану его просить участвовать в этом. Ему этого не надо. Так что выбери кого-то другого для своих экспериментов...

– Не хочу, – улыбаюсь, ожидая ее просьб, но... – он мне нужен. Так что звони ему и приглашай в лабораторию. Ну или я сам это сделаю. Мне он не откажет.

– Хм... – ее усмешка звучит такой затаенной яростью и силой, что я невольно ощущаю, как у меня внутренности начинают неприятно ежиться, – милый... Если ты это сделаешь, то я обнародую, как именно получается, что вакцины «Медикс-Ирта» становятся лучшими во всем мире. Меньше ты от этого зарабатывать скорее всего не станешь... Но в высший свет тебя больше никогда не пустят... Да и вес твой в бизнес-кругах поубавится.

Она неторопливо поднимается из-за стола. Перед моим внутренним взором расцветает картина того, как я поднимаюсь следом и отвешиваю ей такую затрепину, что она неловко валится на каменную дорожку, и ее кровь пачкает гальку, вытекая из сломанного носа. Ноги напряжиниваются вместе с кулаками, но... О да... Эта скользкая тварь знает прекрасно, что я не рискну. Слишком драгоценная, чтобы вот так тратить ее ресурсы. И лишь потому смотрит на меня свысока, роняя: «Найди себе другого подопытного кролика. А Кристиана оставь в покое.»

– Как скажешь, дорогая... – криво улыбаюсь ей.

Что ж... Так даже лучше. Она развязала мне руки. Потомки Холл не единственные, кто вырвался из Санта-Чилоки. Спасибо ушлому Джуллиусу, который девять лет назад уж очень старался выслужиться передо мной. Благодаря его таланту и своим словам Тэми сама выбрала себе наказание за непокорность. Да будет так...

Официальное приглашение на первый весенний бал в честь начавшейся ярмарки невест

Уважаемые господа!

Мартин Ирта со своей супругой приглашают Вас посетить первый весенний бал, посвященный дебюту старшей дочери Лорда Зойтан – Агнетты Зойтан.

Ждем Вас 21 марта 2570 года в фамильном загородном поместье семьи Ирта в 20.00.

Форма одежды – парадно-бальная.

Констанс-Тикку 21/03/2570 год 20:05 Дом семьи Ирта. Подъездная аллея к особняку. Кристиан

Я чувствую себя таким идиотом, что не передать словами. Никогда не любил классический официальный стиль, принятый на мероприятиях высшего света, и теперь у меня нестерпимо чешется все тело от этого идеально подогнанного под меня костюма.

– Кристиан, если ты не прекратишь дергаться, то все подумают, что у тебя лишай... – Бо произносит это со смехом, отрывая взгляд от окна такси, везущего нас на праздник.

– А если он у тебя все же есть, то у меня к тебе будет отдельная просьба, – оживает на переднем сиденье Йоси, заставляя нас его братом озадаченно сощуриться, – крепко обнять этого придурка Дрюмера. А еще лучше потереться об него всем телом.

– Эм... Чего? – наблюдаю за тем, как Бо устало закатывает глаза.

– Да не обращай внимания, Кристиан... У нашего старшенького очередной приступ брюзжания, – средний Сурама картинно крутит пальцем у виска.

– О, да перестань, Бо! – Йоси раздраженно поворачивается к нам, почти вылезая из сиденья, – ты представляешь, Кристиан. Мы с Дэни в кои-то веки сидели сегодня, рубились в приставку. И тут залетает этот неадекват Дрюмер с целой кипой каких-то бумажек, почти сносит со стола консоль. Хватает за шкирку Дэни и заставляя его их подписывать с воплем, что ему только что прислала сообщение Тэми о том, что она умудрилась погавкаться с мужем. И тот может из вредности попытаться заработать на изобретении Дэни. И поэтому она попросила Сандра срочно заняться патентованием «рукава» и программы на имя нашего брата!

– Ну вообще не лишено логики... – осторожно замечаю я под сверкающим, как у инопланетянина, взглядом старшего из погодок Сурама, – как показывает практика моего отца, большие капиталы редко делаются легально...

– Не спорю, – Йоси упрямо встряхивает густой челкой, – но у меня два вопроса. Первый: это ж как надо расплеваться с законным супругом, чтобы тот из вредности решил бы отыграться на тех, кто к их семье даже приблизительного отношения не имеет? Второй: какого черта этим занимается Сандр?

– Йос, ты уже реально достал! – Бо понижает тембр почти до штормового рыка, – признай, наконец, тебя просто бесит, что Дэни, услышав, как Сандр торопится с документами сначала в нотариальную контору, а оттуда в патентный центр, не продолжил играть с тобой в стрелялку, а схватил ключи от байка и повез его по делам, пока все эти заведения не закрылись!

– Он меня поиграть упрасивал с ним почти неделю! Я специально время под это освободил. А через полчаса он вскочил как ни в чем не бывало и, отказавшись от моей помощи, просто уехал с этим чудиком! В конце концов, мы и сами могли съездить с этими документами... – Йоси недовольно поджимает губы.

– Ага... Только вот Сандр заранее со всеми договорился, и во всех учреждениях ждали именно его! А мы там никого не знаем и проваландались бы с этим не один день! И давай начистоту. Этому Дрюмеру по-твоему заняться было больше нечем, кроме как после основной работы в ночную смену нестись с нашим Дэни решать, по сути, его же рабочие вопросы вместо того, чтобы лечь отдыхать? Ты нашего брата не знаешь что ли? Он в такие официальные места только за ручку с кем-то зайти может и осторожно кивать на любые вопросы, глядя в пол. Так что вся волокита и переговоры там на полусонном с непривычки Дрюмере!

– Да что он там работает-то? – от хмыка старшего Сурама мне становится неприятно. Сандр не вызывает у меня никаких особых эмоций, но такую агрессию в свой адрес он явно не заслуживает, – он еще пока даже не КВИП, а заниматься сваркой деталей и чисткой роботов великого ума и упорства не надо!

– Прекрати... – чувствую, как машинально выпячиваю нижнюю челюсть в угрожающем жесте, – я пока мало его знаю, но видно, что он старается. А то, что он не похож на нас, не повод обесценивать его. Ты, Йоси, тоже ни на кого не похож. Но мы тебя все равно принимаем со всеми твоими убойными особенностями характера.

– О, только не надо мне петь песни о великой любви ко мне... – у Йоси краснеют скулы...

– Так, все, закрыли тему. Мне не досуг вас разнимать, – Бо произносит это так, что невольно понимаешь – возражать опасно.

– Ну ты главное скажи, они везде успели? – пытаюсь вывести разговор на более или менее положительное русло.

– Не знаем... – средний Сурама беззаботно пожимает плечами и на его щеках вдруг появляются ямочки, – я звонил Дэни два часа назад, и он сказал, что они с Сандром пока заняты, но на званый прием в поместье Ирта скорее всего приедут... Что, кстати, тоже странно, обычно его на такие мероприятия можно затащить, только наобещав нереальные плюшки.

– Скорее всего приедут... – писклявым голосом передразнивает Йоси, за что тут же получает подзатыльник от Бо и короткую реплику на их родном языке.

– Ты меня понял? – я аж ежусь от очередного шторма в интонации Бо, и его старший брат неожиданно успокаивается и кивает, – хорошо.

В этот момент средний Сурама невольно напоминает мне отца. Становится неуютно, и я вновь принимаюсь поправлять галстук. С момента как я лег на вживление, мы не общаемся. В коридоре больницы, где все это происходило, он просил передать мне, что у него больше нет сына. И с одной стороны, это принесло мне небывалое облегчение. А с другой, страх нашей встречи и его бесконечных насмешек над моей никчемностью никуда не делся. Но еще больше, чем насмешек, я боюсь, что, если мы с ним столкнемся лицом к лицу, он скорчит презрительную брюзгливую физиономию и просто пройдет дальше.

– Ты из-за отца? – неожиданно проявляет проницательность Бо. Его тонкая, будто птичья лапка, рука успокаивающим движением заставляет меня разжать пальцы на галстучном узле, которым я вот-вот себя придушу.

– Не знаю, что делать, если мы встретимся, – честно признаюсь, раздраженно сцепляя руки в замок.

– Поздороваться для начала, – Бо светло улыбается своим мыслям, – вы уже взрослые люди. Не идти по его плану был твой осознанный выбор. Ему нужно это принять. А это для отцов порой непросто.

– О да, – нервно фыркаю я, хрустнув пальцами, – мне рассказывали, какой грандиозный скандал был в больнице, пока я спал на операционном столе.

– Честно говоря, я тогда понял насколько продуманно ты поступил, рассказав ему все только тогда, когда что-то предпринимать или отменять было уже поздно... – Йоси произносит это, не поворачиваясь к нам.

– Подозреваю, что шоу было то еще... И я опасаясь второго акта. Не хотелось бы испортить сегодня чью-то помолвку...

– Об этом можешь не волноваться, – замечаю, как Йоси постукивает себя костяшками по лбу, – на светских раутах у Ирты скандалов не бывает.

– Всем так нравится атмосфера?

– Нет... – Бо выбрасывает на лицо одну из своих коронных потусторонних улыбок, – просто большая часть приглашенных настолько возмущена тем, что лучшие приемы в Констанс-Тикку устраиваются в доме, где хозяйка неместная, да еще и КВИП, что на реальные разборки по другому поводу ни у кого не остается запала...

– Тогда я не понимаю, почему нас туда вообще приглашают...

– Двойные стандарты в действии... – старший Сурама качает головой, – с одной стороны, вы для них почти что киборги бездушные, а с другой – КВИПами абы кто не становится. Лучшее современное образование, гарантированная успешная работа с очень высокой зарплатой, так как на вас держатся чужие бизнесы, генофонд опять же. Со слабым здоровьем вживание не пережить просто физически. Вы лакомые куски для любого элитного семейства.

– Ты, кстати, имей ввиду, что насчет лакомых кусков Йоси прав, – Бо поправляет бело-снежную прядь волос, выбившуюся из низкого хвоста, – ты свободный и молодой. Да и по вашим меркам далеко не урод. На тебя сейчас просто охота начнется среди этих вчерашних школьниц. Так что, если ты прямо сейчас не планируешь связывать с кем-то свою жизнь, то мой тебе совет, не оказывай никому никаких знаков внимания.

– Что-то я уже жалею, что поехал...

– Расслабься. Все будет нормально. Там будут все наши, в случае чего спустим всех озбоченных на Дрюмера...

– Йос!

– Да я пошутил... – отмахивается тот, от нашего совместного осуждающего стога, – ладно, улыбайтесь, граждане придурки, мы приехали...

Такси тормозит возле огромного крыльца, украшенного бледными цветами так необычно, что начинает казаться, что вход в дом превратился в предрассветное облако. В сгущающихся сумерках теплый желтоватый свет бесчисленных окон неинтересного по архитектуре дома навеивает уют.

– Ого... – гравий мягко хрустит под подошвами лакированных туфель, которые я не надевал со времен школьного выпускного, когда я выхожу вслед за братьями Сурама из такси. Из дома слышится на редкость приятная классическая музыка, от которой невольно поднимается настроение.

–Н-да... – Йоси по привычке засовывает левую руку в карман брюк, – какой бы идиоткой по жизни эта девчонка Ирты не была, вкус у нее не отнять...

Бо закатывает глаза, а я понимаю, что испытываю странное нетерпение. Мне хочется увидеть Тэми. Отчего-то кажется, что среди всего этого вороха бриллиантов, дорогих тканей и надменных представителей лучших семейств, она будет выглядеть потерянной и одинокой.

Список дел Агнетты Зойтан на 21.03.2570, спрятанный между страниц ежедневника на ее письменном столе

Позаниматься йогой;
Выпить кофе с мамой;
Заказать таблетки для похудения;
Проверить, что Бимбу отвезли к ветеринару на кастрацию;
Попросить визажистку приклеить самые лучшие накладные ресницы;
Выучить несколько анекдотов перед вечером и повторить реверанс;
Найти себе мужа;
Сделать свежий маникюр.

Констанс-Тикку 21/03/2570 год 20:25

Дом семьи Ирта.

Йоси

Данные мероприятия всегда проходят по одному и тому же сценарию. Расфуфыренные сверх меры уважаемые гости собираются в большом зале, где, собственно говоря, проходит фуршет и танцы под живую музыку. А виновница торжества – она же юная непорочная (обычно в плане интеллекта) дева, считающаяся невестой – планомерно знакомится со всеми собравшимися и демонстрирует собственные таланты. Мероприятие скучно до икоты, но мы с братьями такое не пропускаем из-за того, что здесь намного проще пообщаться с владельцами роботов вживую, а не через их бесчисленных помощников.

Как говорится, слава всем божествам, что мы с братьями одновременно пользуемся у местного бомонда огромной популярностью из-за своей национальности, но в тоже время никто не рассматривает нас всерьез. Как считает Бо, нет участи печальнее, чем играть в карманную собачку богатого семейства, роль которой сводится к воспроизведению здорового потомства.

– Йоси, как думаешь, можно мне уже сейчас уйти? – Кристиан почти свистит это ультразвуком, не переставая улыбаться так, что у него, по идее, должно уже лицо заболеть.

– Стой спокойно. Мы приехали пятнадцать минут назад, – отвечаю ему не менее красноречивым оскалом, – имей ввиду, если ты свалишь до того, как все успеют насладиться каждым вздохом сегодняшней дебютантки, я натравлю на тебя сначала Ирта, а потом Паприку, которая на секунду раз в двадцать ревнивей Бо, а вынуждена смотреть, как ему представляют всех невест этого года.

– А с каких пор ты на стороне Тэми? – Кристиан удивленно хлопает глазами, наблюдая за тем, как я беру с подноса бокал белого вина.

– Не мели чепухи... я никогда не принимал сторону этой скорбной главной идиотки, но будем откровенны: она не должна была помогать тебе с Мэй. А так как учиться общаться и отстаивать свое профессиональное мнение перед владельцем ты не спешишь, то...

– Ладно, я понял, – Кристиан слащаво кивает стайке хихикающих девушек в розовых бальных платьях с пышными юбками, настолько откровенно строящих ему глазки, что на моей родине это сочли бы за очень красноречивое предложение потрахаться прямо в подворотне.

– Привет, извините, задержались, пробки... – Дэни как будто слегка запыхался. Поворачиваюсь к нему и невольно поджимаю губы.

Ему категорически не идет классический стиль одежды. Я не встречал ни одного человека, кроме своего брата, которого бы столь уродовал парадный костюм. Классические линии

кроя, призванные подчеркнуть ширину его плеч и стройность, почему-то стабильно превращают моего самого младшего брата в неуклюжий образец неизвестной геометрической фигуры, которая вообще непонятно как умудряется передвигаться и при этом не падать.

Но тут я перевожу взгляд на стоящего рядом с ним Сандра и понимаю, что только что его нашел.

– Я знаю, как выгляжу, – добродушно фыркает Дрюмер, демонстрируя чуточку кривые зубы, отчего кажется, что передо мной просто пятиклассник, нарядившийся в свадебный наряд своего отца, – так что можешь не упражняться в остроумии. Будем считать, что сегодня я исполняю роль королевского пингвина, слдохшего от недоедания восемь месяцев назад...

Дэни едва не давится вином, Кристиан довольно громко хрюкает в кулак, а я лишь поднимаю брови...

– Очень точное описание... ни прибавить, ни убавить... – негромко замечаю я, приподнимая бокал. Вокруг нас прогуливаются толпы народа, – один вопрос только: ты всю одежду за кем-то донашиваешь или это касается исключительно этого прикида?

– О, а ты жаждешь со мной поделиться? – Сандр перекачивается с носка на пятки, чуть склоняя голову в бок, сверля меня милой якобы неуверенной улыбочкой, – это отличная новость, потому как мне очень приглянулись твои сегодняшние веселые трусы с чесночными головками. Или они предупреждают чем, собственно, от тебя воняет?

– Заткнулись оба... – певучий мелодичный голос Тэми звучит настолько непривычно, что вздрагивает и невольно оборачивается вся наша компания. – Сандр, вы все успели?

– Угу... – он кивает со слегка отрешенным видом. И если честно, то сейчас я, наверное, впервые его понимаю.

Она другая... Я видел ее в течение многих лет на всех мероприятиях, но никогда она не была такой. И дело не в непривычном косом проборе на прямых снежных волосах, почти касающихся тонких хрупких ключиц, и не в багровом строгом платье с открытыми плечами и достаточно узкой, по сравнению с остальными дамами, юбкой в пол. Несмотря на ленивую грацию и внешнюю мягкость, она напоминает мне горькие дикие ягоды на хрупком снегу. И если обычно от нее веет приличным равнодушием или вежливой заинтересованностью по отношению к собеседнику, то сейчас она напоминает мне отблеск на только что заточенном лезвии старинной катаны из коллекции моего отца.

– Хорошо... – кивает она скорее сама себе.

– А к чему была такая спешка? – интересуюсь я, невольно наблюдая за ее темными, будто лаковыми, глазами, от которых мне вдруг становится тревожно.

– Решила перестраховаться...

Она врет. И это понимаю не только я, но и Кристиан, который кажется даже приоткрыл рот от ее эффектного появления.

– Тэми, все в порядке? – осторожно интересуется он, явно намереваясь взять ее под локоть, но я вовремя одергиваю его, так как на нашу группу уже начали откровенно коситься приверженцы того, что КВИПы по сути нелюди. И потому этикет им неведом.

– Да, конечно... – она кивает какому-то высокопоставленному чиновнику, имя которого постоянно вылетает у меня из головы, – значит так, ввожу в курс дела. Сегодняшняя невеста Агнетта Зойтан, та, что в белом кружевном платье, расшитом бриллиантами. Она висит на руке у Мартина и щебечет ему в ухо так старательно, что я уже подумываю записать его к ЛОРу, дабы мой милый не оглох во цвете лет...

– А я смотрю вы прямо сильно поругались... – несмело замечает Дэни, явно выражая наше общее недоумение ее словами.

– Нет, что ты... у нас все в порядке... Легкое недопонимание скорее... – вздыхает она, – вы же знаете, у нас очень счастливый брак...

– Заметно... – хмыкаю я, но напарываюсь на живую тьму ее глаз, и мне становится не по себе...

– Между прочим, она – не самая плохая партия, – Тэми кидает на молоденькую рыжеволосую девушку оценивающий взгляд. Агнетта, напоминая мне торт со взбитыми сливками в своем вычурном бальном платье, в этот момент залиvisto хохочет над шуткой Мартина Ирта, отчего ее прилизанная прическа с каким-то сложным пучком и цветами дрожит и кажется вот-вот развалится, – семья у нее очень обеспеченная, да и к КВИПам они относительно лояльны...

– Что значит относительно? – тихо подошедшая к нам вместе с Бо Паприка, держит в руке какой-то странный бирюзовый коктейль.

– Проявляют любопытство на уровне детской непосредственности... Так что, если вам интересно...

Все отрицательно качают головами, отчего Паприка явно выдыхает с облегчением, а Тэми вдруг делает виноватое лицо.

– Прости... – Ирта легонько сжимает кисть своей подруги, – моя обязанность на сегодняшний вечер сделать так, чтобы дочка Зойтанов попала бы в хорошие руки. Я не имела ввиду...

– Я знаю... – Паприка выглядит немного утомленной, но при этом с нежностью смотрит на Ирта, – ты все правильно делаешь. Лучше скажи, как адаптация к «рукаву» проходит?

Мигом оживляется Дэни, и почему-то еще и Сандр. Да и Кристиан, кого-то рассеянно высматривающий в толпе, вдруг становится более внимательным.

– Признаться честно – тяжеловато... – Тэми вдруг закусывает нижнюю губу, – но я привыкну...

– Если хочешь, то на следующей смене мы можем провести несколько тестов, и если будет необходимо, то я подкорректирую программу, – мой самый младший брат чуть склоняет голову в бок, а я ловлю себя на мысли, что этот неуверенный жест он скопировал у Дрюмера.

– Может стоит подождать еще пару дней?

– Я не настаиваю...

– Милая... – безапелляционный елей голоса мужа Тэми заставляет нас обернуться. Он стоит с настолько высокомерным видом, приобнимая Агнетту за точеную утянутую в атлас талию, что становится неуютно. А застарелая злость на этого садиста и откровенное попустительство девчонки Ирта вновь поднимает во мне голову, – ты плохо справляешься со своими обязанностями сегодня... В конце концов, день твоего дебюта давно прошел. Да и выглядишь ты, как завистливая дама, старающаяся впрыгнуть в последний вагон ускользающей юности. Пойми, переманивать внимание дорогих гостей на себя в день нашей прекрасной Агнетты совершенно недопустимо. Но у тебя есть последний шанс исправить это...

Наверное, потрясение КВИПов, да и наше с Дэни заодно, можно пощупать руками. Такого откровенно-несправедливого хамства на официальном приеме с кучей гостей ожидать было совершенно нереально. Я боковым зрением замечаю, как играют желваки на лице у Кристиана. Подбоченивается Сандр, отчего его и без того странное лицо со следами вырождения становится откровенно некрасивым. А я невольно смотрю на безмятежную внешне Тэми с хищной тьмой во взгляде. И ощущение несправедливости захлестывает меня, как цунами.

– Что ты, дорогой... – от нежности и покорности в ее голосе мне хочется выть и ругаться матом, – я как раз рассказывала своим коллегам о нашей юной гостье. Господа и ... Паприка, представляю вам леди Агнетту Зойтан теперь уже лично. Восхитительная молодая особа, которая поразила меня в самое сердце своей утонченностью, красотой и манерами. Ее образованием занимались лучшие педагоги Констанс-Тикку, и она весьма преуспела в таких направлениях, как языки, литература и игра на музыкальных инструментах.

– Что неудивительно, – Мартин демонстративно целует смущенно хихикающей Агнетте хрупкую ладошку, унизанную тонкими ободками колец, – в отличие от тебя, моя дорогая, Агнетта смогла завершить свое обучение, что делает ее одной из лучших партий этого года...

– Несомненно... – если бы она мне сказала что-то таким ласковым тоном, я бы явно отправился к Уиллу за успокоительным.

Впрочем, этот разговор идет отнюдь не в тихом режиме, так что слышат нас многие. В том числе и стоящие в соседней компании магнатов (по совместительству хозяев роботов с нашей станции) Карлос и Уилл. И выражения их лиц просто непередаваемые.

– Дорогая Агнетта, позволь представить тебе моих коллег. Это братья Сурама: Йоси, Бо и Дэни. В особом представлении не нуждаются, так как лучшие из лучших: программисты и водители ЭЛЬФов. Паприка Йя-Йя, девушка Бо и главный ПАУКавод Констанс-Тикку. Кристиан Прайс специалист по ГНОМам, сын обувного магната Адама Прайса, которого я представляла ранее...

Кристиан явно намеревается что-то возразить, но Тэми одним движением бровей заставляет его закрыть рот.

– А это мой давний знакомый Сандр Дрюмер. Он только готовится еще к вживлению дополнительного позвоночника и нервных систем. Как видишь, у нас здесь довольно разнообразная компания людей, КВИПов и тех, кто только начинает свой переход...

– Ой, как интересно... – Агнетта восхищенно трепещет ресницами, украшенными чем-то сверкающим, – а вот я, например, давно хотела узнать, как именно вы заряжаетесь? К вам подключают специальный кабель? Или прислоняют к какой-то определенной поверхности?

– Ну, – Кристиан явно решил шагнуть на амбразуру, выслуживаясь перед Тэми, – у гигантских роботов есть несколько вариантов подзарядки. Первый – это замена основной батареи на запасную прямо на рабочем месте. Это автоматически запускаемый процесс, который отстраивается индивидуально на каждой модели робота с учетом ее энергозатрат и скорости расхода заряда. А второй – на каждой станции обслуживания есть место, на которой производится техническое обслуживание всех механизмов и, в том числе, осуществляется плановая зарядка перед последующей отправкой на смену...

– Да нет... – Агнетта нетерпеливо машет рукой, – я не про ваши железки. Я спрашиваю, как заряжаются сами КВИПы?

– Никак... – на лице Кристиана вполне себе можно пожарить яичницу, – мы люди...

– Да? Хм... Ну ладно... – девушка разочарованно поджимает губы, – просто судя по всем вашим аксессуарам на спинах и руках, вы на них мало похожи...

Ее тонкий пальчик с острым хищным ноготком демонстративно стучит по экрану нового «рукава» Тэми, отчего голографическая колибри мигмом формируется перед лицом Ирты.

– Чиви, спать... – машинально командует та, спокойным голосом, который, как мне думается, дается ей с большим трудом. – Дэни у меня просьба: пропиши в программе, чтобы «рукав» реагировал только на мой отпечаток пальца или прикосновение с голосом...

– Да, конечно... – Дэни произносит это явно с опаской.

И это неудивительно. У КВИПов считается верхом неприличия умышленно касаться чужого «рукава» без разрешения владельца. Они могут посмотреть, что высвечивается на экране или случайно задеть чужое оборудование при работе и сразу извиниться. Но демонстративно стучать по чьему-то экрану ногтем – чистое самоубийство. Во-первых, потому что почти все начинают ощущать его, как особо хрупкую часть себя, которую берегут с такой же тщательностью, как глаза или уши. Во-вторых, можно случайно сбить некоторые важные индивидуальные настройки. В-третьих, при таком фамильярном отношении к чужому компьютеру, регулируемому не только роботу, но и состоянию дополнительных систем самого КВИПа вполне себе реально схлопотать по морде. Даже Уилл, который периодически заглядывает

КВИПам во все природные отверстия, лечит ожоги от сварки и штопает порезы с ранами, как заправская швея, не рискует без разрешения поправить крепеж на руках своих подопечных.

– Что поделаешь, такова суть тех, кто отдает себя заботам о ГНОМах и ЭЛЬФах... – демонстративно вздыхает Мартин, – и хотя в случае с Тэми, эксперимент был признан неудачным, я все же горжусь своей работой. Она получилась довольно... забавной... хоть и не приносящей желаемого удовлетворения...

– Милый, сегодня день Агнетты... Я думаю, всем будет интересно посмотреть на ее таланты, а не обсуждать философские тезисы на тему «насколько человечна машина, и есть ли душа у тех, чей организм пронизан искусственными нитями для улучшения восприятия реальности...» – Тэми произносит это довольно громко, вызывая всеобщее оживление и одобрительные хлопки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.